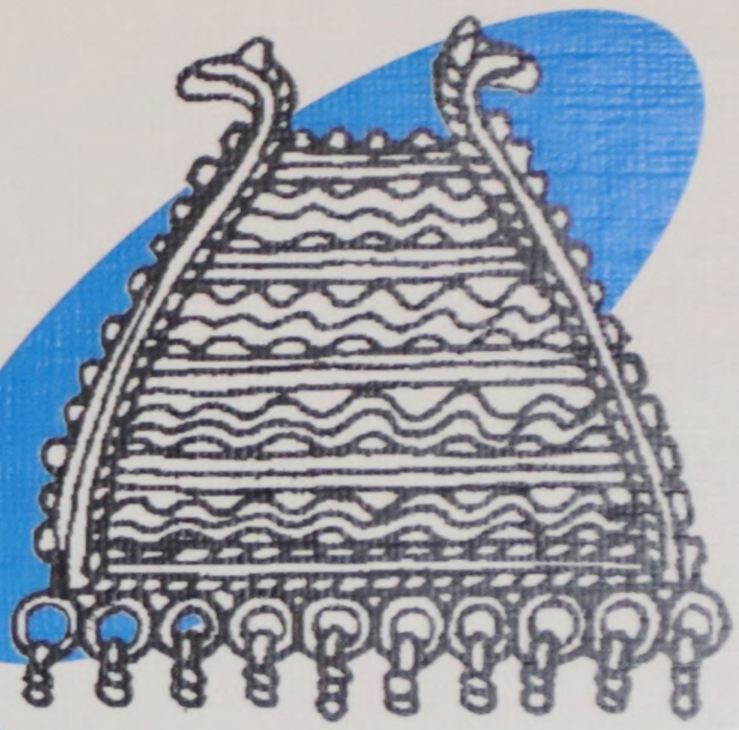
ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ

1.2009

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ, 2009, № 1

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.
Выходит 2 раза в год

Редакционная коллегия:

К.Н. Сануков (*главный редактор*)
С.С. Сибатрова (*зам. главного редактора*)
Т.Л. Молотова (*отв. секретарь*)
И.Г. Иванов
Л.Е. Кириллова
Н.И. Кульбаева
С. Лаллукка
Н.Ф. Мокшин
И.И. Муллонен
Т.Б. Никитина
А.Н. Ракин
Л.С. Христолюбова

Мнения, высказываемые в материалах журнала,
не обязательно совпадают с точкой зрения редакции

© МарНИИЯЛИ им. В.М.Васильева, г. Йошкар-Ола

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Бурков Л.Н., Кульбаева Н.И. Своеобразие поэтического творчества Йывана Кырли 3
Хорват Б. Народность и современность. Споры в венгерской литературе между двумя мировыми войнами 11
Исанбаев Н.И. Русские лексические заимствования дооктябрьского периода в марийском языке и их тематические группы 20
Миннияхметова Т.Г. Пространство и время: представления о цикличности 39

СООБЩЕНИЯ

Чикина Н.В. Творчество молодых финно-угорских авторов Карелии 46
Рогачёв М.Б. ГУЛАГ в Коми крае (1929–1960) 52
Хакимова В.Х. Гаяз Исхаки и Кедра Митрей (сопоставительный анализ произведений) 57
Кирси Мякеля. Священные места закамских удмуртов: этнографические исследования в деревне Большой Качак 63

ПЕРСОНАЛИИ

Федосеева Н.А. К юбилею И.С. Иванова 68
Григорьева Л.Я. Некоторые лингвистические суждения профессора Н.И. Исанбаева (к 80-летию со дня рождения) 71
Некрасова Г.А., Цыпанов Е.А. Юбилей профессора Е.А. Игушева 76
Владыкин В.Е. Краткие беглые заметки о неспешной большой жизни (к юбилею Л.С. Христолюбовой) 80
Иванов И.Г. К 60-летию профессора А.Н. Ракина 84
Сухин В.И. А.А. Зенкин (к 70-летию со дня рождения) 88

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Чуканов И.А. Рец.: Корнишина Г.А. Экологическое воззрение мордвы (религиозно-обрядовый аспект). – Саранск: Мордовский государственный университет, 2008. – 156 с. 91
Ракин Н.А. Рец.: Vászolyi Erik – Lázár Katalin. Sudár fenyö nött az erdön. Énekek Komiföldről. – Budapest: Tinta könyvkiadó. 2008. – 393 old 93
Лаврентьев Г.И. Рец.: Янгайкина Т.И. Системные семантические отношения в лексике мокшанского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Саранск, 2008. – 180 с. 97
Цыпанов Е.А. Рец.: Цыплякова О.Ю. Структура и семантика сложноподчиненных предложений в эрзянском языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Саранск, 2008. – 191 с. 103
Никитина Т.Б., Молотова Т.Л. Рец.: Павлова А.Н. Семантика украшений древнемарийского костюма. Монография. – Йошкар-Ола: Марийский государственный технический университет, 2008. – 197 с., илл. 107
Сергеев О.А. Рец.: Мухина Е.Н. Порядок слов в простом предложении в эрзянском и финском языках. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Саранск, 2008. – 156 с. 118

ХРОНИКА

Вершинин В.И. Семинар лексикографов в Таллинне 124
Садовин И.Г. Финно-угорский календарь 2008 года 126
Ракин А.Н. Памяти венгерского профессора Кароя Релеи 137
Мустаев Е.Н. Памяти Геннадия Матвеевича Тужарова 140
Сведения об авторах 142

«Финно-угроведение», 2009, № 1

СТАТЬИ

Леонид Бурков,
Наталия Кульбаева
Йошкар-Ола

СВОЕОБРАЗИЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА ЙЫВАНА КЫРЛИ

Весной 2009 года общественность Республики Марий Эл широко отметила 100-летие со дня рождения Йывана Кырли (Иванова Кирилла Ивановича, 1909–1943) – поэта, вписавшего яркую страницу в историю марийской литературы, киноактера, прославившегося на весь мир исполнением роли Мустафы в первом советском звуковом фильме «Путевка в жизнь», человека трагической судьбы, память о котором не меркнет в сердце народном.

«Йыван Кырля – настоящий поэт, – писал К.К. Васин. – В каждом его стихотворении, в каждом словесном обороте звучит подлинная поэзия. В его стихах не найдешь ни единого слова, которое бы не было рождено в его горячем сердце» (1, с. 11. *Перевод Н.Кульбаевой*). Поэзия Йывана Кырли глубоко автобиографична, ее лирический герой – сам поэт, и это дает основание рассматривать его стихи как поэтическую автобиографию.

Йыван Кырля родился 4 марта (17 по нов. стилю) 1909 года в д. Купсола Кузнецовской волости Уржумского уезда Вятской губернии (ныне Сернурский район Республики Марий Эл) в семье крестьянина-бедняка.

Шочмо-кушмо
Ӱмырнаже
Йӧсӧ ыле шемерлан.
Ӱмыр мучко
Ег пашаште
Илыш мыйын сай ачам...
Ачам колыш
Ӱмыр лугыч,
Авам кодо тулыкеш.
Кас юл семын
Койын возо
Ужмо ойго шӱм кылеш.

(2, с. 9)

Нас родивший век
Тяжелый
Бедняка извел вконец,
И трудился на чужого
Смелый добрый мой отец.
Он и жизнь свою
Не прожил…
Мать-вдову
Слеза сожгла.
Горе с черной тенью схоже,
Тень
На плечи мне легла.

(3, с. 17. *Перевод С. Поделкова*)

Писал он в своем стихотворении «Шочмо кече» («День рождения», 1933). Можно представить, какая судьба ожидала мальчика-сироту, если бы не Советская власть.

К чтению и театральному искусству он пристрастился еще во время учебы в Сернурской школе-семилетке второй ступени. Как свидетельствуют документы, в интересующий нас период (1920-е годы) в Сернурском кантоне была хорошо налажена культурно-просветительная работа: при Сернурских педкурсах (позднее – педтехникуме) под руководством драматурга А.Ф. Конакова работал драматический кружок, выезжавший со своими спектаклями в окрестные деревни. До спектакля самодеятельных артистов перед зрителями часто выступали образованные люди из мари, в том числе писатель и педагог Шабдар Осып (И.А.Шабдаров). Есть основания полагать, что именно поэзия О. Шабдара произвела сильное впечатление на юного Кырлю.

В 1926 году по путевке Сернурского канткома комсомола Кирилл Иванов поступил на марийское отделение рабочего факультета Казанского государственного университета. Интерес к художественному слову еще больше окреп во время учебы на рабфаке, его первые стихотворные опыты относятся к 1929 году. Следует отметить, что лекции рабфаковцам читали видные марийские ученые и писатели В.М. Васильев, Г.Г. Кармазин, В.А. Мухин и др. Позднее в стихотворении «Корным почо госрабфак» («Рабфак»), противопоставляя образы старой, прошлой жизни и широкие возможности, предоставленные выходцу из марийских крестьян новым временем в лице Советской власти, поэт скажет:

Пӱжвӱд дене	Умывался
Муикылт лекше,	На поденных
Ен пашаште	Едким потом,
Орланен,	Не водой.
Шошым лекше	А теперь,
Комбо гане	Как лебеденок,
Мый улам вет	Чист я –
Рвезе ен	Парень молодой.

(2, с. 12) (4, с. 17. *Здесь и далее перевод П. Железнова)*

Показательно само название стихотворения (в дословном переводе с марийского «Путь открыл госрабфак»), в котором заложено и чувство обретения перспективы, и чувство признательности государству, давшему ее. К слову, переводчик П. Железнов использовал как сравнение образ лебеденка (читай – гадкого утенка), что для русскоязычного читателя является емким и наполненным глубоким смыслом. Лирический же герой Йывана Кырли сравнивает себя с гусем, вышедшим весной после зимнего пребывания взаперти. Для марийского читателя этот образ очень колоритен и узнаваем, он рождает целый ряд ассоциаций и жизненных, и фольклорных.

Итак, по «путевке в жизнь», данной Казанским госрабфаком, Йыван Кырля в 1929 году поступил на актерское отделение Государственного техникума кинематографии. В Москве Йыван Кырля сблизился с молодыми представителями творческой интеллигенции братских республик Поволжья и Приуралья:

А. Ерикеевым и М. Джалилем из Татарии, А. Моро и П. Кирилловым из Мордовии, К. Гердом и А. Багаем из Удмуртии, П. Хузангаем и А. Петтоки из Чувашии и другими, принимал самое активное участие в жизни марийского землячества, а после выхода на экран «Путевки в жизнь» и в литературно-общественной жизни столицы. Общение с передовыми людьми своего времени способствовало становлению личности поэта. С уверенностью можно сказать, что на поэзию Йывана Кырли оказали влияние два русских поэта – его современники С. Есенин и В. Маяковский. Это не было простым подражанием. С Есениным марийского поэта роднили искренность, лиризм и глубинное переживание за судьбу деревни. «Йыван Кырля часто опирался на поэтический опыт С. Есенина, но в тоже время не шел за ним, как слепой. Он как поэт спорил с С. Есениным. В его стихах навеянные поэзией С. Есенина строки порой приобретали полемическое звучание» (1, с. 12. *Перевод Н. Кульбаевой*). В поэзии В. Маяковского марийскому поэту были близки революционный пафос, открытость и четкость гражданских позиций: у Маяковского «во весь голос», «пою мое отечество» и «чот мурем», «муралтем мый йывыртен» – у Йывана Кырли.

Будучи студентом Государственного техникума кинематографии, Й. Кырля снялся в художественном фильме «Путевка в жизнь» (режиссер Н. Экк, 1931). Фильм с триумфом обошел экраны всего мира, принеся славу советскому кинематографу, создателям фильма и исполнителям главных ролей – Йывану Кырле (Мустафа Ферт), Н. Баталову (Сергеев), М. Жарову (Жиган) и другим.

Начиная с 1929 года, Йыван Кырля печатался на страницах выходившей в Москве газеты «Марий ял» («Марийская деревня»). В 1931 году в Центриздате вышел сборник стихов двух начинающих марийских поэтов Олыка Ипая и Йывана Кырли «Ме ударне улына» («Мы ударники»). В него вошли тридцать стихотворений, одиннадцать из которых принадлежали Йывану Кырле.

В предисловии к сборнику поэт Петр Ланов отмечал, что оба автора очень молоды, писать начали недавно, что они еще находятся в процессе творческого становления и поиска. Он считал, что хотя стихи и не совершенны, но они обладают такими достоинствами, как актуальность и современность, ясность и звучность языка, доступность, а также точность адресного посыла (5, с. 3).

Олык Ипай и Йыван Кырля с восторженностью и патетикой, присущей советской поэзии 1920–1930-х годов, воспевали социалистическую революцию и достижения социализма, с пылом и энтузиазмом ратовали за строительство новой жизни, сравнивали настоящее с прошлым, противопоставляя колхозную деревню, коллективный труд голодному и нищенскому существованию крестьян в дооктябрьский период. Например, стихотворение Йывана Кырли «Шошо» («Опять весна», 1931):

Эх, могай вет
Кызыт шыш –
Шошо вӱдла
Мӱгыра,
Корным почын
Утыр ончык

…Для тех,
Кто в прошлые года
Так много
Знал потерь,
Жизнь, как весной
В реке вода,

Социализмын	Вовсю кипит
Вик пура	Теперь.
Йамын кийыш	Жизнь, как река,
Шемер Марий	Что, берега
Туйо шӱльӧ	Все затопив,
Пырчыла,	Бурлит
Пеледалтын	И нам не годы,
Тудо кызыт	А века
Сад пакчасе	Счастливые
Макыла.	Сулит.
(2, с. 42)	(3, с. 54)

В 1932 году в Москве, в Государственном издательстве художественной литературы вышел сборник стихов Йывана Кырли «Революцийын йӱкшӧ дене муралтем мый йывыртен» («Голосом революции пою я от радости»). К опубликованным в первом сборнике стихотворениям автор добавил девять новых, а именно: «Лудшылан» («Читателю»), «Лу ий теме» («Десять лет»), «Корныштo» («В дороге»), «Шерге огыл семыкет» («Праздники»), «Черке» («Церковь»), «Лум толшаш» («Скоро снег»), «Ӱдрамашлан» («Женщине»), «Марий ӱдыр» («Встреча с девушкой марийкой»), «Ӱдырлан» («Письмо»). Кроме того, автор, продолжая работу над текстами, изменил некоторые заглавия, например: стихотворение, посвященное В.И. Ленину, в совместном сборнике называлось «Йӱштӧ! Йӱштӧ!» («Холодно! Холодно!»), а в сборнике 1932 года – «Ленин».

В 1935 году вышел в свет новый сборник стихов Йывана Кырли «Шочмо кече» («День рождения») – последнее прижизненное издание, в которое вошли все ранее опубликованные стихи поэта. В январе 1937 года на собрании писателей Марийской АССР К.И. Иванов был принят кандидатом в члены Союза писателей СССР (6, с. 38). Самый плодотворный период поэтической деятельности Йывана Кырли пришелся на 1929–1935 годы, вобравшие такие важные события в жизни поэта, как переезд в Москву, учеба в ГТК (1929–1934), съемки в фильме «Путевка в жизнь» (1931) и последовавшая за этим буквально всемирная слава, начало работы на киностудии «Востокфильм», женитьба и т.д. При этом в его стихах практически нет упоминаний о работе в кино, звездной роли и т.д. Возникает ряд вопросов: случайно ли это? Были ли стихи, написанные до ареста (апрель 1937 года) кроме опубликованных? Если да, то какова их судьба? Собрат поэта по неволе Алексей Шайдуллин, с которым Йыван Кырля до начала войны четыре года находился в Карельских лагерях, вспоминал, что «после работы он иногда писал стихи», «исписал три-четыре тетради» (6, с. 105). Стихи, написанные в те годы, утрачены, очевидно, безвозвратно.

Поэтическое наследие Йывана Кырли не велико, порядка двадцати стихотворений. Однако, как писал народный поэт Марийской АССР Миклай Казаков, «ценность поэта определяется ведь не количеством его произведений. Молодому Кырле удалось выразить в простых, взволнованных и волнующих читателя стихах думы и чаяния народа, разбуженного Октябрем. Нельзя не верить его искренним строкам» (3 с. 8).

О своем предназначении поэта Йыван Кырля в стихотворении «Муралтем мый йывыртен» («Я от радости пою») сказал так:

Шочын омыл
Ӱдыр дене
Пырыс семын
Модылаш;
Илыш корнын
Сай-осалжым
Шочынам мый
Чот мураш.

(2, с. 11)

Не хочу,
Бродя по свету,
Петь девчатам
Про любовь.
Я ищу –
Не в поле ветра –
Новых слов
Про нашу новь.

(4, с. 14)

Поэт писал о том, что знал и чувствовал сам, писал искренне и открыто, поэтому между ним и читателем установились искренние, доверительные отношения: («Читателю», 1932):

Кечын ужын
Кечын колын
Илыш чыным
Возенам.
Чынжым тушто
Тый от уж гын
Луктын ойло
Шинчамлан

(2, с. 7)

Правде предан
Жилкой каждой.
В песнях – жизнь
Даю без лжи.
Если вдруг
Совру однажды –
Ты, как друг,
В глаза скажи!

(4, с. 12)

Йывана Кырлю можно по праву назвать певцом советской действительности, страны, открывшей для выходца из народа путь в будущее. Голос поэта самобытен, он создал свою систему образов, нашел свой художественный язык, мелодию и краски. Исследователи творчества поэта отмечали тяготение Йывана Кырли к поэтике устного народного творчества, эмоциональность и афористичность его поэтического языка, звонкость, ритмичность и музыкальность его стиха, отсутствие цветистых, вычурных фраз и абстрактной риторики (7, с. 144).

Ряд его стихотворений – «Йорлын мурыжо» («Песня бедняка», 1930), «Огыт лий нигунам» («Голодал со всей семьею», 1930), «Первый март» («Первое марта», 1931), «Пасу кодын тулыкеш» («Последняя полоска», 1931) и др. – построен на приеме антитезы, несущей в себе временные и нравственные оппозиции. «Вчера» в противопоставлении «сегодня», «соха» – «трактору», труд бедняка-одиночки, противопоставленный коллективному труду, становятся в стихах Йывана Кырли символами старой и новой жизни. Приветствуя происходящие в жизни перемены, в стихотворении «Шерге огыл Семыкет» («Праздники», 1930) он писал:

Илыш весе,
Калык весе,
Весе лийже
Пайремжат.

(2, с. 35)

Жизнь другая,
Народ другой,
Пусть будут другими
И праздники.

(*Подстрочный перевод Н. Кульбаевой*)

«Вместе с утверждением нового и воспеванием счастливой жизни поэт бичевал старые обычаи и привычки. В стихотворениях «Пасха», «Церковь», «Праздники» автор показывает классовую сущность религиозных праздников, изменение отношения народа к религии. «Ой ты, пасха, бабья сказка, праздник, ставший сиротой, – потускнела пасхи краска, не чарует красотой, – говорит автор. И далее он метко и остроумно сравнивает ее с лисой: «Старая лиса красива, только в пищу не годна. Пасха – для попов пожива, а крестьянам не нужна!..», – писал один из исследователей жизни и творчества поэта журналист М.И. Исиметов (6, с. 39). Следует признать, что в духе своего времени Йыван Кырля в стихах отдал дань антирелигиозной тематике.

Как уже отмечалось, поэтический язык Йывана Кырли очень образен. Поэт умеет скупыми средствами создать емкий образ, передать атмосферу, настроение момента:

Пеш мӱндӱрчын	Весна пришла
Шошо толын,	Ко мне, к тебе.
Вошты̄л пурыш	Лоснится даль
Пӧрт окнаш:	Без туч.
Кечыйолжо	На перекладину
Толын шинче	В избе
Кайык семын	Сел птицей
Пӧрт кашташ.	Солнца луч.
(2, с. 41)	(4, с. 35)

Художественную образность поэт черпал из жизни своего народа, умел увидеть в окружающей повседневности и передать словом красоту и поэзию. Используемые им эпитеты, сравнения, метафоры неизменно пронизаны национальным колоритом, они зрительны и узнаваемы читателем. Например, сравнение солнечного луча с севшей на перекладину в избе птицей рождает множество ассоциаций и чувств, которые связаны со случаями в прошлом оставлять на зиму в деревенских избах синиц или воробьев, которые до весны там свободно летали, живя рядом с людьми. Думается, что зрительность образов в поэзии Йывана Кырли усугублялась еще и его кинообразованием. Или другой пример: в сравнении озимых с зеленым покрывалом *«сывын гае озым»* можно проследить ассоциативный ряд «озимь» – «зеленое сукно (покрывало)» – «праздничная торжественность, нарядность» (из зеленого сукна традиционно шили женскую верхнюю одежду, которую надевали на свадьбу или моления. Поэт сравнивает родной дом с ячменным блином – *«шож мелна гай шочмо мӧнгӧ»*; прихвативший землю иней – с белой холстиной *«ош вынерла койын кийше йӱштӧ покшым»*; подлую душу врага – с трясущимся овечьим хвостом *«шем тушманын шучко чонжо шорык почла чытыра»*; свою память о прошлом сравнивает с памятью собаки, побывавшей в волчьих лапах – *«пире кид гыч лекше пий гай, тошто годсым мый шарнем»*.

В качестве примера использования характерного для устной народной поэзии приема психологического параллелизма можно привести строки из стихотворения «Шошо» («Весна», 1931):

Пӧрт воктене	Возле дома
Шырчыкемже,	Мой скворушка
Игым луктын,	Вывел птенцов,
Сӧраса.	Удовлетворен, умиротворен.
Таче мыйын	Сегодня моя
Шӱмбелемже	Любимая
Илыш йӱк ден	Радуется
Куана.	Голосу жизни.

(2, с. 43) (*Подстрочный перевод Н. Кульбаевой)*

Прием звукописи хорошо просматривается в стихотворении «Пасу кодын тулыкеш» («Последняя полоска», 1931), повествующем об осиротевшем, не убранном по осени единоличником Иваном гречишном поле. Слова с частыми согласными *ш, с, ч, ж* подобраны с расчетом на звукоподражание шороху сухой травы, свисту ветра:

Шем Йыванын	*Йӱшӧ ен гай*
Шемшыданже,	*Вуйжым ӱлык*
Покшым дене	*Шога йӧсын*
Кавыскен,	*Сакалтен.*

(2, с. 44)

В ряде стихотворений, таких как «Шочмо кече» («День рождения», 1933), «Корным почо госрабфак» («Рабфак», 1930) и других, поэт использует прием повтора отдельных стоп, что усиливает смысловое звучание и служит формообразующим элементом.

Мыйын таче –	У меня сегодня
Шочмо кече!	День рожденья!
Кап-кыл мучко	В теле
Вӱр модеш.	Играет кровь.
Мыйым ыштыш	Родила меня
Марий вате,	Марийка,
– Иле,– мане,	– Живи, – сказала,–
Шер теммеш!	Пока вдоволь не наживешься!

(2, с. 8) (*Подстрочный перевод Н. Кульбаевой*)

Это одно из самых известных и популярных стихотворений Йывана Кырли на русский язык переводилось трижды. Перевод А.Чачикова (газета «Горьковская коммуна». 1934. 8 июля) в настоящее время практически неизвестен. В сборнике «От радости пою» (1968) дан перевод С. Поделкова, в сборнике под тем же названием 1987 года – в переводе П. Железнова. Повторяющиеся строки в переводах звучат следующим образом:

Родила меня марийка	Родила меня
И сказала:	Крестьянка
«Сын, живи!»	И сказала:
	«Здравствуй, сын!»

(3, с. 16. *Перевод С. Поделкова*) (4, с. 39. *Перевод П. Железнова*)

На русский язык стихи Йывана Кырли были переведены более 40 лет назад и, надо отметить, переведены бережно и с большим уважением. И все-таки, думается, что творения национального поэта или писателя должны время от времени не только переиздаваться, но и заново переводиться на язык межнационального общения в соответствии с современными языковыми тенденциями и требованиями.

Поэзия Йывана Кырли проникнута тонким юмором, порой он использует приемы сатирического, уничижительного изображения представителей старого мира («Кугечылан» – «Пасха», «Черке» – «Церковь»). Его стихи просты и задушевны, они выдержаны в разговорно-песенных интонациях. Некоторые из них, например, «Муралтем мый йывыртен» («От радости пою») и «Лу ий теме» («Десять лет») стали песнями.

Йыван Кырля – это достояние марийского народа, интерес к его творчеству, талантливой, многогранной личности, неординарной и трагической судьбе не иссякает и в XXI столетии.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Васин К.К.* Поэт, артист Йыван Кырля: Шочмыжлан 60 ий темын. – Йошкар-Ола, 1969.

2. *Йыван Кырля.* Шочмо кече: Почеламут-влак. – Йошкар-Ола, 1957.

3. *Йыван Кырля.* От радости пою: Стихи. – М.: «Советская Россия», 1968.

4. *Йыван Кырля.* От радости пою: Стихи.– М.: «Советская Россия», 1987.

5. *Ланов П.* Ончыл мут // Ме ударне улына: Почеламут-влак. – М., 1931.

6. *Исметов. М.И.* Йыван Кырля: Очерк жизни и творчества. Изд. 2-е, дополн. – Йошкар-Ола, 2003.

7. История марийской литературы / Отв. редакторы К.К. Васин, А.А. Васинкин. – Йошкар-Ола, 1989.

Leonid Burkov, Natalia Kulbaeva

ORIGINALITY OF POETIC CREATIVE WORK OF IVAN KYRLYA

In article the career of a world famous film actor, the actor of Mari state theatre, talented Mari poet Cyril Ivanovich Ivanov is traced. Article leans against documents of archives, memories of contemporaries and researchers-journalists, writers, actors, literary critics, and Mari regional specialists. The poetry and actor's skill of Ivan Kyrlya have appeared by books of poems «We are drummers», 1931, «I song by the voice of revolution with pleasure», 1932, «Birthday», 1935; in participation of the first-ever sound film «Start in life» (1931).

«Финно-угроведение», 2009, № 1

Бела Хорват
Печ

НАРОДНОСТЬ И СОВРЕМЕННОСТЬ. СПОРЫ В ВЕНГЕРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ

«Я не яркая свеча дворцов / Я лампада крестьянских домов», – писал о себе один из величайших венгерских поэтов XIX века Шандор Петефи (*«Вождь Лел»*). Метафоричность этого самоопределения очевидна, но впоследствии ему все же приписывали конкретное значение. Эти строки обрамляют и определяют общественно-литературную роль автора. В общественном контексте времени противопоставление дворца и избы выступает символом, более емким, чем простое упоминание о рождении и происхождении поэта. В данный антитезис входят либерализм, демократизм XIX века, сознание и идентификация «я родился в низах», а также взгляд на общество в терминах оппозиции «наверху – внизу». Из этой автоидентификации неизбежно следует определение роли поэта, поэтика адресованных обществу «простых песен».

Очевидно, данный текст выступает лишь как рамки мифизированной политико-поэтической конструкции, поэтому было бы нецелесообразно истолковывать и отрицать ее буквальный смысл (мол, автор не относился к обществу «маленьких изб», а «простые песни» были недоступны народу в силу его неграмотности). Этот биполярный взгляд на общество и духовность «aufklär» (поднятие низких слоев с помощью искусства) перешел по наследству от народности XIX века к народному движению, расцвет которого пришелся на первую половину XX века. Задачи и нравственные позиции народного писателя были сформулированы в 1929 году Ласло Неметом: «Мы – это не только стихотворения, новеллы, эссе и романы. Мы – это и новый взгляд на мир. Наши слова могут быть использованы учителем для учения, судьей для вынесения решения, а священником для утешения людей. В любую минуту дискуссий жизни нашей и нашей нации мы есть декларация взглядов. Мы выражаем манеру и сознание, мы – крылья чаяний, тяжесть ответственности. Примите нас, после наших безумных мод приведите нас к народу. Приподнесите ему, если не наши произведения, то наш дух, чтобы мы оказались рядом с ним, когда он выбрасывает века и, быть может, сохраняет лишь мгновения».

Представителями народной литературы были созданы и литературные произведения, однако, они вошли в историю литературы не столько ради эстетики, сколько из-за исторической роли, сыгранной ими в области модернизации об-

щества в период между двумя войнами. Это поистине были «декларации» позиций в связи с насущными вопросами настоящего и будущего крестьянства и венгерской нации в целом. Роль народности литературы и ее представителей в современном восприятии, прежде всего, интерпретируется в свете философских и политологических споров о народной и городской литературе. Это ощутимо в деятельности Ласло Немета и Дьюлы Ийеша. Определяющими в их творчестве, по нашему мнению, являются произведения высокой эстетичности, а не политичности. В случае Ласло Немета сюда относятся его историко-философские произведения «Новый идейный фронт», «Кто такой венгр» и «В меньшинстве».

«Квазинародность, подражание истинной народности в моде не только у нас. Однако имеет ли венгерская квазинародность общность с той народностью, которая теперь в обороте по всей Европе? Очевидно, никакой. Отождествляется ли она с девизом völkisch, от мифа которого [гитлеровский] Третий рейх ожидал чудес, или с французским популизмом, наибоее типичные представители которого под народом понимают пролетариат городских окраин? Отождествление могут делать лишь люди, кругозор которых охватывает все народы, и которые считаются со всеми странами, только не со своей», – писал, отмежевывая свое движение, в 1935 году Дьюла Ийеш. Все это было необходимо, прежде всего, потому, что народную литературу в последнее время часто толкуют в терминах популизма.

Дьюла Борбанди в монографии, вышедшей в Мюнхене на немецком языке, вместо слова «народность» употребляет слово «популизм». Позднее, в анализе венгерской публицистики 1990-х годов, Борбанди сам указывал на неточность и негативную окраску этого термина. Оценка же «популист» однозначно стала инструментом стигматизации. Она стала символом крайнего проявления политики правых, национализма, антисемитизма и демагогии.

Слово «популист» часто употреблялось в политических дискуссиях 1990-х годов. Без негативного оттенка оно же служило самоопределением в движении фермеров США конца XIX века (однако в идейных столкновениях конца XX века оно уже стало политическим оружием). В условиях аграрного кризиса фермеры, выступавшие за экономические реформы, стали политической силой страны. Политически они руководствовались идеями демократизации и ставили своей целью защиту интересов «народа», т.е. фермеров. Антикапиталистический характер этого движения проявлялся и в том, что они требовали политических реформ: «Правление республикой мы хотим вернуть в руки «простых людей», от которых оно происходит».

Термин «популизм» становится актуальным в истории демократических стран в 1960–1970 годы в связи с массовыми движениями и реформаторскими устремлениями народных представителей нового типа. Формулировка «народный писатель» была создана Ласло Неметом. Члены народного движения называли себя народными, а не квазинародными. Явную разницу между ними объясняет объективный свидетель Дьердь Балинт, который писал об Аттиле Йожефе

следующее: «Впрочем, народ никогда не может быть квазинародным, а в стихах [Аттилы] Йожефа говорит сам народ своим голосом».

Основные идеи народных писателей были провозглашены Ласло Неметом, его приветствовал Михай Бабич, крупный поэт, редактор журнала «Ньюгат» (Запад). В своей работе «Народность и квазинародность», написанной к двадцатилетию журнала «Ньюгат» (1928), Ласло Немет подводит итоги, употребляя термин «квазинародность» как синоним слов «несовременность» и «отсталость». Он заявляет: «Мы убрали остатки квазинародности», ибо она есть массовое внушение, «поэтический образ жизни Петефи». Противопоставляя «автоампутации нации», он дает определение также метафорическое: «Однако народность как взаимозависимость венгерской поэзии с венгерским народом, является истиной природы. Великим венгерским поэтом может быть лишь тот, кто своим кувшином оригинальности черпает из источника венгерской оригинальности». В предисловии к «Новой антологии» [Новое поколение] Бабич характеризует специфику этой группировки: «Читая этих народных поэтов, я чувствую запах глубокого и примитивного мадьярства; но это мадьярство не является национальным, а народным, аналогично тому, как в свое время поэзия Петефи также казалась не национальной, а народной».

Бабич еще не ощущал политического намерения, проявлявшегося в стремлениях представителей народности, потому что спор народной и городской литературы еще не состоялся. Он приветствовал новый голос: «тех, кто глубоко чувствует венгерский народный язык, традиции венгерского народа, кто переводит прекрасные румынские баллады, тех, кто воспевает бедность чужой национальности большого города, соединяют невидимые нити сходных стремлений, идеалов, поэтического кредо с подлинным певцом хуторов и просторов». По своему характеру народная литература никогда не была едина. Название это, собственно, подходило лишь некоторым ее представителям-самоучкам, выходцам из крестьянской среды. Это – Пал Сабо, которого привел в литературу Жигмонд Мориц, Иштван Шинка, Геза Фейа и Петер Вереш, их привело в литературу участие в движении аграрных социалистов. Ласло Немет уже в 1934 году с позиций народности литературы выступал против автодидактичности. Он указал на опасность культа «народного гения» и «особых чудес творения».

Среди представителей народной литературы не принято упоминать о так называемых крестьянских поэтах. Таковым является, например, Кальман Шертё, поддержанный Лайошем Хатвани. Первые стихи Шертё вышли на страницах журнала «Est» («Вечер»). Предупреждение Ласло Немета особенно подходит к его судьбе и к фальшивому мифу народного гения: «Для народного гения опаснее всего, когда он сам верит, что он народный гений. Раз он поверил, что чудесно и то, что он умеет писать картины, а также и то, что он не умеет, потому что так или иначе он – гений, под его мышками гениальность становится костылями, под которыми хромые ноги бегут легче, а задетое чувство собственно-

го достоинства легче готово подраться». Личная трагедия Кальмана Шертё на самом деле лишь видоизменяет судьбы народных гениев.

Народно-крестьянская культура, нравственность и менталитет народа рассматривались народными писателями как фундамент венгерской культуры и источник модернизации Венгрии. Они хотели приобщить представителей модернизма к этой духовности и стремились создать синтез народности и модернизма подобно тому, как это было сделано Белой Бартоком в музыке. Этому стремлению служило и хождение в народ молодой интеллигенции, поставившей целью ознакомление с жизнью крестьянства, а также сближение интеллигенции и крестьянства. Этому служили листовки Кодолани и обращение Аттилы Йожефа «В народ». Социографические труды того времени были мотивированы сходными стремлениями. Бесспорно, жанр социографии впервые был применен группировками либеральной интеллигенции «Двадцатый век» и «Наше столетие» для анализа глубин общественной среды, как это выяснилось в спорах после выхода в свет «Уничтожения» Дьюлы Ийеша.

Другие методы, другая авторская позиция проявились в автобиографических социографических работах, авторы которых были в личном контакте с деревенской средой, крестьянской культурой и бытом. Когда Дьюла Шаркёзи начал серию «Открытие Венгрии» (1936), пригласив 10 авторов из 10 регионов страны, тем самым была (бы) осуществлена политическая программа народного движения, в центре внимания которой оказались важнейшие общественно-экономические проблемы.

По формулировке Шаркёзи «Писатели открыто говорят, что они не хотят писать бумаги для архивов, а хотят обратить общественное внимание на самые жгучие проблемы Венгрии, они намерены раскрыть чистейшую правду, не взирая на какие-либо интересы». Ни один из авторов этих трудов не был профессиональным социологом. Будучи самоучками, они старались познакомиться с методами социологических исследований и специальной литературой, в первую очередь на немецком языке. Свой непосредственный опыт, приобретенный на местах, они опубликовали в контексте социолого-экономических знаний, разумеется, средствами художественной литературы. Жанр литературной социографии возникает неизбежно. «Народ хуторов» Дьюлы Ийеша и «Сыпучий песок» Ференца Эрдеи, тем более его «Лук макинский» представляют собой две крайние точки стыковки художественной литературы и социографии.

Программный труд Лайоша Фюлепа «Национальная самоцель» был опубликован в журнале народного движения «Ответ» в мае 1943 года. Фюлеп настаивает на необходимости общественных реформ и модернизации, буквально повторяя ключевые слова народного движения: расселение, земельная реформа, закон о наследственности, новая экономическая система. С другой стороны, он ссылается на историческую необходимость, обращая внимание студенчества на необходимость проведения тщательных научных исследований населения провинциальной Венгрии. Одновременно Фюлеп указывает на разницу между задачами общества и на-

циональной самоцелью, дифференцируя две вещи в полемике: был ли Эндре Ади настоящим венгром и был ли он хорошим поэтом. Фюлеп подчеркивает объективность как существенный компонент дифференцированного подхода. Он предупреждает об опасности, коснувшейся большинства представителей народной литературы: «Национальное искусство – это особенность, изменившаяся по характеру. Там, где отсутствуют предпосылки понимания произведения как такового, где отказываются от его автономной оценки, там также отсутствуют и предпосылки понимания и оценки его национального характера».

С момента своего рождения народная литература претендовала на роль представительницы национальной литературы. В этом плане она выступает продолжительницей традиций аналитического литературоведения на стыке двух столетий. Жольт Бёти дал определение литературы как проявления национального духа: «через нее национальный дух говорит с собой, национальный дух осознает себя». Согласно с хердерским истолкованием литературы, нация рассматривается как неделимая единица, словами Бёти – как «вселичность». Из этого следует, что литература обращена к каждому члену нации, она выражает душу и характер каждого гражданина. Будучи бытием, координированным коллективом, нация обеспечивает предпосылки развития для коллективной личности («вселичности»). Согласно этому подходу, национальное и общечеловеческое, или национальная и европейская традиция, не противоречат друг другу, т.к. настоящий венгр одновременно есть и настоящий человек. Параллельно с этим толкованием национального коллектива и литературы существует другая система оценок. Так, Фридеш Ридл о соотношении национальной, европейской и мировой литературы пишет следующее: «Не существует современного народа или современной литературы с изолированным развитием. Любая литература принимает свои границы, обрабатывает их в духе своего национального единства, а потом передает эти импульсы». В качестве примера приема и передачи импульсов Ридл приводит народное направление, получившее самостоятельный облик и способствовавшее развитию национальной культуры: «Развитие венгерской духовной жизни [...] проявляется в постоянном росте национального компонента, реагирующего на европейские импульсы, венгерский ответ становится все более самостоятельным».

В начале века восприятие литературы в контексте мировой литературы делает упор на взаимосвязи. Михай Бабич в своем эссе «Венгерская литература» (1913) пишет: «... будь это парадоксом, некая литература может служить ценностью в степени своей национальности: по мере того, как она привносит новые окраски и голоса в мировую литературу». Подчеркиванием национального колорита и характера Бабич как будто продолжает идейность Ридла. Однако в «Истории европейских литератур» проявляется философское направление, проповедующее интеграцию национальных литератур в окончательное единство, сохраняя свою самобытность. Говорят, что литература выражает дух нации. Да, она открывает все различные внутренние позиции, которые возможны детям одного народа по отношеню к миру. Это великое дело: в силу этого нация по-

степенно становится сознательным существом. Однако окрытие и выражение нового индивидуального взгляда является еще более великим и редким делом, ибо оно доносит свою новую позицию, имеющую всеобщую силу, не только до маленьких колективов, но и до Вселенной».

Естественно, что восприятие литературы конца и начала столетий складывается в разных исторических условиях. Антал Серб в своей истории литературы преподносит европеичность, большой коллектив и универсальную человечность в качестве высшей субстанции и отказывается от национальной характеристики: «Подобно немецкой и французской, венгерская литература является инструментом в дружном оркестре европейской христианской литературы. Ее проявления нельзя объяснить сами по себе, а можно, если исходить из европейских процессов. Пожалуй, ее основной метафизический смысл можно найти также не в самом себе, а в назначении европейской культуры».

Народная литература пыталась сформулировать свою дефиницию и свою национальную миссию. «Кроме народной идейности и национальной идейности, которая вырастет из нее, нет другого спасения, – определил девиз движения Геза Фейа в 1932 году. Конечно, движение было чересчур гетерогенным, чтобы сформулировать единую национальную концепцию. С другой стороны, сами индивидуальные подходы претерпели изменения. Ударения ставились по-разному в 30-е годы и после советской оккупации».

В понимании нации и национальной литературы народные литераторы важную роль отводили историческому прошлому, а также его особой интерпретации. Геза Фейа объяснял венгерский характер крестьянской культуры тем, что «мелкое дворянство слилось с крестьянством уже в XVIII веке: они были сплавлены с глубинными прослойками, куда и перенесли свою культуру и требования к более высокому уровню культуры». В упоминавшейся выше статье Лайош Фюлеп объясняет желание определить понятие прошлого так: «Быть может, удивительно, что люди, считающие себя венграми, исключают из этого круга других венгров. Удивительно, что направление, запатентовавшее право судить в этих вопросах, настолько не венгерское, а национальное направление настолько не национальное, что в тех или иных задачах оно как раз не венгерское, а до того антинационально, что удивление сразу испарится, если просветить всю духовную культуру». Исходя из того, что отказ от принципа ценностей равнозначен отказу от познания, Фюлеп сам описывает общественные события, происшедшие после 1876 г. Но эти задачи наиболее полно представлены Ласло Неметом.

Основными положениями программы Общества Миклоша Барты, составлявшего ядро народного движения, были: улучшение социального положения села и земельная реформа. Ласло Немет, взгляды которого стоят далеко от всякого движения, думал о более масштабных реформах. Его обращение «К новой эпохе реформ» (1928) было адресовано господствовавшей философии, которой придерживался и министр культуры Куно Клеберсберг. В обращении отражено осознание миссии: «У кого нет призвания, тот не должен стать писателем».

По представлениям Немета, молодежь с призванием составляет интеллигенцию среднего класса («Венгерский tieres etat»), который «способен превратить интересы народа в основной голос политики». Подход, в центре которого стоит интеллигенция, конечно, поднимает и вопрос о роли и месте буржуазно-либеральной интеллигенции. В венгерской литературе между двумя мировыми войнами две литературно-политические группировки вели спор о народной и городской литературе, о модели модернизации и о культуре, которая должна была ее обосновать. Оппозиция «народный – городской» была детерминирована разницей между концепциями экономико-политических преобразований. Между ними было согласие в плане критики общественного строя, требования демократизации, свободных выборов и расширении свобод. В Венгрии в этот период либерализм был в оппозиции. Идея национального либерализма XIX века была ослаблена, а на буржуазный либерализм особой тяжестью легли провал октябрьской революции «осенней розы», экономическое и политическое банкротство и последующая за ним коммунистическая диктатура. Либеральная экономическая философия, которую представлял еврейский крупный капитал, сыгравший большую роль в экономическом подъеме после 1867 г., стала символом современного капитализма. В аргументации левых сил она определялась как одна из причин угнетения. У буржуазно-либеральной интеллигенции не было особых идей в связи с аграрным вопросом и модернизацией крупной земельной собственности.

Представители народного движения ожидали модернизации не от города и буржуазии, а от подъема крестьянских масс, от «народа» и народной культуры. Это, конечно, означало необходимость проведения земельных реформ, которую поддерживали и представители либеральной интеллигенции, только другими аргументами. «Союз земельных реформ», возникший в начале 1920-х годов, представлял интересы «Партии Кошута», руководимой Кароем Раффаии, ратовал за масштабность земельных реформ. В то же время, не подлежит сомнению, что принцип разделения земель нарушает либеральное понятие о личной собственности. Не говоря уж о том, что в политической атмосфере 1930-х годов присутствовало опасение, что изменения в системе земельной собственности коснутся лишь земель, принадлежащих или арендуемых евреями. Бесспорно, радикальная земельная реформа смогла бы внести свой вклад в дело перестройки общественно-классовых отношений, устранения исторических обид и претензий, а также модернизации. Радикальность этих стремлений и, пожалуй, их идеологический фон препятствовали поиску компромисса с либерализмом, который также хотел ликвидировать остатки феодальных отношений. В аргументах представителей городской литературы крестьянский и городской «пролетариат» как угнетенный, находящийся на дне общества класс, нередко выступает как единое целое. Однако безземельность большинства крестьян и феодальные отношения отличали их от собственно пролетариата. Хотя классовый подход был трудно совместим с либерализмом, особенно в его стро-

гом варианте (потому и либеральные партии чуждались кооперации с ним), но он должен был дать ответ на земельный вопрос. Данная цель, нашедшая отражение в программе народных писателей, в истолковании городских писателей воспринималась не только как перестройка общественных отношений, но и как сужение нации. Согласно своему эгалитарному взляду, буржуазная интеллигенция считала венгром того, кто себя таковым признавал. В этом подходе нет привилегий: нет более и нет менее венгерского, крестьянская культура – не выше других.

Представления о модернизации у народных писателей символизирует так называемый третий путь. Эта идейность, связанная больше всего с Ласло Неметом, означает вариант общественных реформ, в значительной мере напоминающий либеральные и социалистические учения, но по своей сути отличающийся от них.

Этот взгляд обвиняет либерализм в игнорировании «расы», а в социализме критикует марксизм. В своей общеизвестной листовке 1930 года Аттила Йожеф писал: «Венгерские социализм, фашизм, демократизм, либерализм и империализм все до одного являются парниковыми растениями. Они являются продуктами не венгерской духовности, они сами выступают как формы, выводы без действительности, пустые дедукции, а не как обобщения опыта венгерского народа».

Народную литературу и движение народных писателей можно толковать в различных контекстах. Также очевидно, что различные идеалы культуры, ценностные предпочтения оказали и оказывают влияние на оценку политической роли и вклада литературы народных писателей. Литературный спор о народности и квазинародности касается того же самого вопроса, что и в конце XIX века, а именно: в чем же состоит истинное содержание литературы народных и квазинародных движений с точки зрения модернизации. Собственно: можно ли рассматривать народное движение как ответ на вызов модернизма? Существуют мнения, воспринимающие народных литераторов в виде антимодернистской группировки, обращенной к прошлому и абсолютизирующей ушедшую от нас культуру. Представителями же противоположной стороны вклад этой группировки толкуется и оценивается как аутентичный ответ. «Народное движение обратило внимание на противоречия модернизма, но оно принесло и искушение новых мечтаний. Сторонники модернизма были склонны видеть Венгрию в Западной Европе, народные же иногда верили, что Средняя и Восточная Европа могут обойти отрицательные стороны западной урбанизации», – писал Михай Сегеди-Масак. Как наследство от полемики между народными и городскими литераторами перешли некоторые устойчивые недоразумения, возникшие в пылу спора вследствие либо предвзятых, либо сознательных утрирований.

Городские литераторы часто подвергались критике за то, что они якобы не чутки к «жизненным вопросам» нации, что «чужая» (не венгерского происхождения) буржуазия не учитывает венгерские интересы. Третий путь, предложенный народными писателями, будет неправильно понят, если в нем не увидеть требования развития буржуазной прослойки. Народных писателей часто обвиняли в национализме и антисемитизме, городских – в филосемитизме. Естественно, с обеих сторон были крайние проявления, к тому же их позиции видо-

изменяла культура полемики и политики. В общей сложности, правдивой можно считать точку зрения, согласно которой народное движение не антисемично, а также не подлежит сомнению приверженность венгерской нации городскому направлению, «хотя в венгерском популизме, иначе говоря, политике «третьего пути» были представители с оттенками антисемитизма, проповедующие народный мистицизм и крестьянскую романтику, все же, в основном для венгерского популизма не были характерны ни антисемитизм, ни романтизм. Для лучших представителей венгерского популизма был характерен, прежде всего, антифеодализм. Они критиковали национально-прослоечную Венгрию, крупное землевладение, господско-христианский средний класс и настаивали на развитии гражданских отношений, отвечающих специфике Венгрии того времени», – писал Иван Селени. Бесспорно, что острые дискуссии противостоящих группировок интеллигенции 1920–30-х годов шли о развитии гражданских отношений.

В короткой публикации можно окинуть взором лишь основные очертания той писательской группировки, члены которой представляли различные оттенки культуры. Восприятие их деятельности, особенно во время социализма, когда народное представительство было релевантным, также не было единым. Вышеупомянутая однозначная роль Петера Вереша непримирима с позицией Ласло Немета и Дьюлы Ийеша, рассматривавших «народ» более дифференцированно. Ийеш вел полемику с одним из своих народных соратников: «Для меня также мучительно найти, что же выражает голос народа, хотя я сам вышел из него. Не отрицаю, я так же стремлюсь представлять его интересы как и ты, хотя, быть может, не там и не в такой форме, как ты».

Bela Horvat

NATIONALITY AND THE PRESENT. DISPUTES IN THE HUNGARIAN LITERATURE BETWEEN TWO WORLD WARS

This article is devoted to one of the parties of a socially-literary life of Hungary of 1920 – 1930th years. The basic moments of polemic of two literary-political groups about a nationality of the literature are shined in it. They has concerned such vital issues as the present and the peasantry future, and about the Hungarian nation as a whole, about model of modernization of a society and about the culture, called to become a basis of this modernization. In time context concepts «the national literature» and «kvazinational», populism and others are considered. The literature nationality is interpreted by the author in the light of philosophical and politological disputes on the national and city literature. Problems and moral positions of the national writer in 1929 have been formulated by Laslo Nemet: «We are not only poems, short stories, an essay and novels. We are new sight at the world. Our words can be used by the teacher for the teaching, the judge – for decision removal, and the priest for a consolation of people. ... We are wings of expectations and weight of responsibility». National writers aspired to create nationality and modernism synthesis just as it has been made by Bela Bartok in music.

«Финно-угроведение», 2009, № 1

Николай Исанбаев
Йошкар-Ола

РУССКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ДООКТЯБРЬСКОГО ПЕРИОДА В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ

На протяжении многих лет я занимаюсь исследованием проблем языковых контактов марийского народа с иноязычными народами-соседями – проблем марийско-тюркских и марийско-русских языковых взаимосвязей. Цель настоящего сообщения – показать степень влияния русского языка на словарный состав марийского языка XIX в., продемонстрировать динамику роста русских лексических заимствований на этом этапе развития русско-марийских языковых контактов, познакомить с их лексико-тематическим разнообразием. Данное исследование является продолжением моей научно- исследовательской работы по изучению русского влияния на марийский язык. В последнее время по этой проблеме были опубликованы несколько моих работ: Русские заимствования XVIII в. в марийском языке // Актуальные проблемы финно-угорской филологии. Йошкар-Ола, 2003. – С. 97–103; Русские лексические заимствования в марийском языке (по письменным памятникам XIX века) // Актуальные проблемы межкультурных и межъязыковых контактов. – Йошкар-Ола, 2007. – С.156–165; Русские заимствования XVIII в. в марийском языке и их тематические группы // Финно-угроведение. 2007. № 2. – Йошкар-Ола. – С. 48–57 и др.

Влияние русского языка на марийский язык XVIII в. выявлялось в основном на материале рукописных словарей того времени: пятиязычного словаря Дамаскина (1785), «Краткого черемисского словаря с российским переводом» В.Крекнина и И.Платунова (1785), «Словаря языка черемисского» анонимного автора (конец XVIII в.), «Языка русско-черемисского» неизвестного автора (середина XVIII в.).

В словаре Дамаскина нашли свое отражение более 6 тыс. марийских слов и словосочетаний, в словаре В.Крекнина и И.Платунова – около 6 тыс., в «Словаре языка черемисского» – около 3 тыс., в словаре «Язык русско-черемисский» – около 1800.

Словарь Дамаскина составлен в основном на материале горномарийского и северо-западного наречий. Слова луговомарийского наречия в количестве около 1000 единиц, имеющиеся в этом словаре, перенесены из словарной части

первой грамматики марийского языка (1775). «Краткий черемисский словарь» В.Крекнина и И.Платунова отражает лексические особенности пижанского говора лугового наречия, «Словарь языка черемисского» – особенности уржумского говора, а словарь «Язык русско-черемисский» – особенности восточномарийского говора малмыжского типа.

По материалам названных письменных памятников установлено наличие в марийском языке того периода более 270 русских заимствований. При этом наибольшее число русизмов содержится в «Кратком черемисском словаре» (159 слов), за ним следует словарь Дамаскина (124 слова), в словаре «Язык русско-черемисский» зафиксировано 62 единицы, в «Словаре языка черемисского» – 34.

Источниковой базой настоящего исследования послужили в первую очередь печатные словари марийского языка, составленные венгерским академиком Й.Буденцом (1866), финским ученым Г.Рамстедтом (1902) и венгерским исследователем М.Силаши (1901). Их лексикогеографические труды основаны на материалах печатных работ различного содержания – переводов на марийский язык религиозных книг (Катехизиса, Евангелия, Ветхого и Нового Завета, Священной истории), брошюр на медицинскую, историческую темы, школьных учебников и т.д. Использовались и опубликованные диалектологические материалы А.Регули, В.Поркка, А.Генеца, отражающие лексические особенности разных марийских диалектов. Из этого следует, что словари Й.Буденца, Г.Рамстедта, М.Силаши в целом дают объективную картину русско-марийских лексических отношений XIX в., если не полную, то приблизительно близкую к ней.

Кроме материалов названных словарей при подготовке настоящей работы использовались данные дополнительных источников, не учтенных зарубежными исследователями, например, переводов молитв и катехизиса 1804, 1808, 1832, 1841 гг., русско-марийского и марийско-русского словарей А.Шёгрена, М.Кроковского, А.Канцеровского, Ф.Земляницкого, А.Смирнова, Г.Яковлева, Ф.Васильева, П.Ерусланова, В.Троицкого и др. Всего обработано более 20 источников, проштудированы тысячи листов разнообразного языкового материала. Рукописные марийско-русские и русско-марийские словари второй половины XIX в. составлены людьми, хорошо владевшими марийским языком и работавшими учителями или священниками в марийских селах. Например, А.Канцеровский и Ф.Земляницкий – преподаватели марийского языка в казанском духовном училище, А.Смирнов – священник села Арино. Эти словари не содержат этимологических помет, но они хорошо отражают лексические особенности того или иного диалекта марийского языка.

Рассмотрим некоторые из вышеназванных словарей с точки зрения наличия в них русских заимствований.

«Словарь лесных и горных черемис» (Erdei – és hegyicseremisz szótár. Pest, 1866) Й.Буденца составлен главным образом на лексическом материале из марийской языковой коллекции Антала Регули и перевода Нового Завета на горномарийское наречие. Судя по названию и содержанию книги, это первый опыт

составления сравнительного словаря двух основных диалектов марийского языка – лугового и горного. Словарь содержит около 3300 словарных статей, переведенных на латинский и венгерский языки. В приложении №1 даются марийские слова русского происхождения. В нем имеется 356 единиц. В приложении №2 добавлено 41 слово, среди которых без указания на русское происхождение даны еще два слова (*содам, потикä*). Следовательно, всего в этом словаре содержится 358 русизмов. Это первый большой список русских заимствований, зафиксированных в истории марийской лексикографии. Только в горном наречии, по данным словаря, употребляются 246 русизмов, в луговом наречии – 110. Русское происхождение марийских слов определено в целом правильно.

В 1901 г. в свет вышел отдельной книгой самый большой для того времени «Черемисский словарь» (Cseremisz szótár. Budapest), подготовленный М. Силаши в сотрудничестве с финским ученым А. Генецом. Как известно, А. Генец летом 1887 г. побывал среди уральских марийцев с научной целью и в течение трех месяцев изучал их фольклор, обычаи, диалект. Результатом исследования этого диалекта были записи фольклорных текстов, грамматика и словарь из 4500 лексических единиц. Фольклорные тексты (сказки, загадки, заговоры, языческие молитвы, частушки) были опубликованы в 1889 г. (Ost-tscheremissische Sprachstudien. Sprachproben mit deutschen Überzetzung). Грамматику и словарь А. Генец намеревался издать в том же году, но по каким-то причинам они не увидели свет. К счастью, лексические материалы его не были утеряны. Они были использованы М. Силаши при составлении вышеназванного словаря. Кроме материалов А. Генеца в словарь М. Силаши вошли данные ранее изданных словарей Й. Буденца, В.П. Троицкого, Н.И. Золотницкого, диалектологических текстов В. Поркка, грамматик и школьных учебников, переводов религиозных книг, рассказов на исторические, медицинские темы. Словарь М. Силаши по праву можно считать первым наиболее полным сравнительным словарем диалектов марийского языка. В нем отражаются лексические и фонетические особенности всех основных диалектов марийского языка – лугового, горного и восточного.

Словарь включает в свой состав около 6800 словарных статей, переведенных на венгерский и немецкий языки. Слова снабжены пометами этимологического характера: заимствованные слова русского, татарского, чувашского происхождения даны с указанием на язык-источник. По моим подсчетам, со ссылкой на татарский язык приводится 516 слов, на чувашский – 466, на чувашско-татарский – 241, на русский – 646. Внимательное изучение материалов словаря позволило выявить еще 34 слова русского происхождения, не отмеченные автором, и 33 слова сомнительного происхождения.

Из вышеизложенного можно заключить, что широкое привлечение материалов из печатных работ XIX в. дало возможность автору показать довольно большое количество слов марийского языка, наличие в нем значительного числа иноязычных заимствований, в том числе слов русского происхождения.

Количество русских заимствований в этом словаре почти в три раза больше, чем в словарях XVIII в.

Следующей работой, послужившей источниковой базой нашего исследования, является книга финского исследователя Густава Йохана Рамстедта «Горномарийские языковые исследования» (Bergtscheremissische Sprachstudien. Helsingfors, 1902).

Г. Рамстедт летом 1898 г. с научно-исследовательской целью посетил Горномарийский район. Три месяца 25-летний Густав прожил в деревне Тушналы Виловатовского прихода. В предисловии к своей книге он сообщает, что изучать язык, быт и фольклор горных марийцев ему помогал 18-летний Тимофей Иванович Кузьмин, плохо владевший русским языком. С помощью Т. Кузьмина Рамстедт тщательно проштудировал марийско-русский словарь В. Троицкого, грамматику М. Кастрена, диалектологические тексты А. Генеца, В. Поркка, небольшую брошюру религиозного содержания. Однако в свой марийско-немецкий словарь Г. Рамстедт материалы В. Троицкого, А. Генеца, В. Поркка не включил. Отсюда следует, что материалы Г. Рамстедта – это по существу материалы, записанные у одного рассказчика.

Словарь состоит из 4008 слов. По происхождению они очень разнообразны. Г. Рамстедт дает этимологическую помету словам, пришедшим, по его мнению, из русского языка. С пометой Р. и указанием русского эквивалента дано 674 слова. Тщательное изучение словаря позволило выявить еще 219 слов русского происхождения, не помеченных автором как русские заимствования. Кроме того, в текстах сказок нами обнаружено 38 слов, заимствованных из русского языка. Таким образом, в книге Г. Рамстедта содержится 931 слово русского происхождения, вошедшее в горномарийское наречие. Это для того времени самое большое количество русских заимствований в марийском языке, зафиксированных документально.

Итак, в проштудированных словарях XIX в. представлено значительное количество русских заимствований. В разных словарях их число неодинаково. Больше всего зафиксировано в словаре и текстах горномарийского наречия Г. Рамстедта, меньше – в материалах А. Генеца.

На основе изученных материалов словарей Й. Буденца, М. Силаши и Г. Рамстедта нами составлен сводный список русских заимствований в марийском языке XIX в. Он позволяет представить наглядную картину состояния русско-марийских языковых отношений того периода. Словник включает 1125 слов, документально зафиксированных в разных печатных изданиях. В этот список не вошли производные слова, образованные от заимствованных основ по законам марийского словопроизводства. Учет данных дополнительных источников может несколько увеличить количество русских заимствований этого периода.

Известно, что результаты межъязыковых контактов в виде лексических заимствований играют большую роль в распознавании социально-экономических, культурно-бытовых и иных отношений контактирующих народов, в

раскрытии и объяснении разных сторон их материальной и духовной культуры. Для этого принципиально важно установить лексико-тематические группы заимствований. Простая фиксация и списочное перечисление слов иноязычного происхождения мало что дает для достижения поставленных целей, хотя с точки зрения выяснения степени влияния чужого языка на словарный состав изучаемого языка они играют значительную роль.

Учитывая это обстоятельство, мною произведена группировка иноязычных слов в марийском языке по тематическому признаку. См.: Лексико-семантическая классификация татарских заимствований в марийском языке // Вопросы марийского языка. – Йошкар-Ола, 1978. – С.3–50; Русские заимствования XVIII в. в марийском языке и их тематические группы // Финно-угроведение. 2007, №2. – Йошкар-Ола. – С.48–57. Среди русских заимствований XVIII в. можно выделить около 30 тематических групп. Русские заимствования XIX в. позволяют несколько увеличить количество таких групп и значительно пополнить их объем новыми данными, ранее не зафиксированными в письменных памятниках. По нашим материалам насчитывается примерно 45 групп.

Ниже предлагается тематическая классификация русских заимствований XIX в. В связи с ограниченностью места рамками журнальной статьи количество примеров приводится в сокращенном размере. Значения заимствований даются с сохранением авторских толкований. Толкования на иностранных языках (латинском, немецком, венгерском) переведены на русский язык. В русском написании даны и примеры из иностранных источников. Разные фонетические варианты заимствований отражают их разную диалектную принадлежность. Указания на страницы, на которых встречаются приводимые примеры, даются в основном при опубликованных словарях зарубежных авторов.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА

1. Названия социальных понятий

Власт 'власть' (Буд. 101), *волнай* 'вольный' (Буд. 101, Сил. 285), *воля* 'воля' (Буд. 101, 1804, 1827, Канц., Тр., Ген., Сил. 284), *йожак* 'подать', 'ясак' (Порк. 3), *кантор* 'контора' (Свящ. ист., Сил. 67), *мер* 'мир', 'общество' (Тр., Ген.), *мир* 'тж' (Шёгр.), *мирӹштӹ кашташ* 'ходить по миру, прося милостыню', 'нищенствовать' (Рамст. 79), *мытница* 'таможня' (Буд. 102, Сил. 124), *оброк* 'оброк' (Буд. 93, Сил. 152), *поборамаш* 'поборы', 'подать' (Буд. 99, Сил. 169), *правда* 'правда' (Букв., Сил. 176), *скот* 'сходка', 'собрание' (Буд. 98, Канц., Сил. 201), *собранӹы* 'собрание' (Рамст. 121), *царство* 'царство' (Буд. 95).

2. Слова, обозначающие социальное положение лиц

Байар, байарин 'боярин' (Сил. 14), *пайар, баяр* 'бояре' (Ерусл.), *пайарин* 'боярин' (Буд. 99), *парын* 'тж' (Тр.), 'барин' (Рамст. 96), *волосной* 'префект волости, волостной' (Буд. 101, Сил. 285), *кнäз* 'князь' (Буд. 94), *князь* 'тж' (Свящ. ист., Сил. 82), *корольы* 'король' (Рамст. 95), *кресäнь* 'крестьянин' (Рамст. 57), *началь-*

ник 'надзиратель', 'смотритель' (Свящ. ист., Букв., Сил. 132), *осподь* 'господин' (Буд. 93), *асподь, осподь* 'тж' (Канц., Смирн.), *помещик* 'помещик' (Буд. 100, Сил. 172), *слуга* 'слуга' (Буд. 98, Сил. 201), *чиновник* 'чиновник' (Буд. 96), *коленга, коленка* 'поколение' (Буд. 94, Сил. 86).

3. Названия лиц по профессии и роду занятий

Осламшик 'барышник' (Канц., Земл., Смирн.), *барабанщик* 'барабанщик' (Ген., Сил. 14), *вор* 'вор' (Шёгр., Тр., Порк. 22, Ген., Сил. 285), *кузнич* 'кузнец' (Тр.), *кузнец* 'тж' (Ген.), *кузнет* 'тж' (Сил. 104), *кузнеч, кужнеч* 'тж' (Ерусл.), *купеч* 'купец' (Ген., Сил. 99), *лоец* 'ловец', *кол лоец* 'рыбак' (1827, Буд. 103, Рамст. 69), *мастар* 'мастер', 'хитрец' (Тр.), *мастыыр* 'мастер' (Ген., Сил. 121), *меновшыӄ* 'меновщик' (Рамст. 78), *мошеник* 'мошенник' (Рамст. 80), *мытар* 'сборщик податей', 'мытарь' (Буд. 102, Сил. 124), *охотныык* 'охотник' (Рамст. 90), *плотник* 'плотник' (Ген., Буд. 101, Сил. 169), *плут* 'плут' (Рамст. 102), *прикащик, прикащичик* 'администратор' (Буд. 100, Сил. 177), *прыкашык* 'приказчик' (Порк. 40), *тиак* 'писарь' (Порк., Ген., Тр.), *дьяак* 'писарь' (Альб.), *тиӓк* 'тж' (Рамст. 146), *торгомшык* 'торговщик' (Порк. 40, Сил. 253); *шетчыӄ* 'сборщик податей' (Рамст. 129), ср. рус. счетчик.

4. Правовые вопросы, судопроизводство

Закон, сакон 'закон' (1804, Буд. 98, Сил. 290, Канц.), *законник* 'юрист' (Буд. 98, Сил. 290), *жалоба* 'жалоба' (Рамст. 163), *жаловаяш* 'жаловаться' (Рамст. 163), *видетель* 'свидетель' (Буд. 101, Рамст. 14), *взӓтка* 'взятка' (Буд. 101, Сил. 290), *визьатка* 'тж' (Ген.), *допрос* 'допрос' (Буд. 97), *топрос* 'тж' (Ген., Сил. 253), *доказем* 'доказать' (Буд. 97), *содатыыл* 'заседатель' (Рамст. 121), *суд* 'суд' (Буд. 98), *суд лишташ* 'судить' (1804), *сут* 'тж' (Ген., Сил. 205, 208, Рамст. 123), *судитлаш* 'судить' (1804, Букв.), *суйаш* 'тж' (Рамст. 123), *порука* 'порука' (Буд. 100, Ген., Сил. 174, Рамст. 103), *покайанйа* 'покаяние' (Буд. 99), *пашпорт* 'паспорт' (Земл.), *ревиза* 'ревизия' (Буд. 102), *ревиз* 'тж' (Канц., Тр.), *ревизы* 'тж' (Рамст. 114, Сил. 189), *тӱрма* 'тюрьма' (Буд. 97), *тырма* 'тж' (Канц.), *услово* 'условие', 'договор' (Тр., Сил. 272), *рӓйем* 'рядиться', 'договариваться' (Буд. 102, Сил. 188), *милост* 'милость' (Буд. 102, Сил. 123), *милыста* 'тж' (Рамст. 79).

5. Взаимоотношения людей. Родственные отношения

Семйа 'семья' (Буд. 97, Ген., Сил. 197), *семня* 'тж' (Рамст. 119), *родо* 'родственник', 'родня' (Буд. 102, Порк. 16, 17, Ген., Сил. 189), *ротня* 'родня', 'родственники' (Рамст. 115), *тетя* 'дитя' (Рамст. 157), *унука* 'внук', 'внучка' (Буд. 94, Вас.), *уныка* 'тж' (Тр., Ген., Сил. 271), *ӹнӹкӓ* 'тж' (1827, Рамст. 164), *кум* 'кум' (Рамст. 58), *кума* 'кума' (Вас., Тр., Сил. 97, Рамст. 58), *мезиьет* 'последыш; самый младший из детей' (Ген., Сил. 123), *модолка* 'молодка *(обл.)*; молодая замужняя женщина' (Ген., Сил. 125), *бунтовайем* 'бунтовать' (Буд. 101, Сил. 14), *винаматлаш* 'винить, обвинить', *вуйноватландараш* 'виноватить' (Буд. 101, Тр.), *грозаш* 'грозить' (Канц.), *грозитлаш* 'тж', *крозаш* 'тж' (Рамст. 57), *коритьлем* 'укоряю' (Сил. 69), *мирейӓш* 'помириться', *миритлаш* 'помирить' (Ген., Сил. 123), *наказаш* 'наказать' (Рамст. 85), *наказатьлем* 'тж' (Свящ. ист., Сил. 132), *неволя-*

ем 'неволить', 'принуждать' (Буд. 99, Сил. 135), *обижайем* 'обижать' (Буд. 93, Канц., Сил. 141), *обижайтлем* 'тж' (Ген.), *обизатлем* 'тж' (Свящ. ист.), *потакайаш* 'потакать' (Буд. 99, Сил. 176, Рамст. 104), *ругайаш* 'ругать' (Рамст. 115), *согласйа* 'согласие' (Буд. 98, Сил. 202), *саглас* 'тж' (Сил. 193), *согласайем* 'согласиться' (Буд. 98), *сораш* 'ссориться' (Рамст. 122), *середäлäш* 'тж' (Рамст. 122), *спор* 'спор' (Свящ. ист., Сил. 204), *спораш* 'спорить' (Рамст. 122), *споритлаш* 'тж' (Свящ. ист., Сил. 204), *тразняш* 'дразнить' (Рамст. 149), *хваляш* 'хвалить' (Рамст. 24).

6. Военная лексика

Армиа 'армия' (Ген., Сил. 11), *война* 'война' (Рамст. 15), *война* 'войско', 'армия' (Сил. 284), *войска* 'войско' (Рамст. 15), *вомбы* 'бомба' (Рамст. 129), *зäрäт* 'заряд' (Рамст. 162), *казарма* 'казарма' (Рамст. 41), *лагыр, лагер* 'лагерь' (Свящ. ист.), *мешынь* 'мишень' (Рамст. 78), *мушка* 'мушка' (Рамст. 80), *пичал* 'ружье' (1827, Сил. 163), *пичäл* 'тж' (Рамст. 101), *пычал* 'тж' (Ген., Земл., Вас.), *полко* 'полк' (Буд. 100), *полон* 'плен' (Буд. 100), *порык* 'порох' (Рамст. 103), *причага, присяга, присака* 'присяга' (Сил. 177, Кр. катех.), *пуля, пульы* 'пуля' (Ген., Рамст. 106, Сил. 181), *пулька* 'пуля' (Буд. 100, Тр., Сил. 184, Канц., Вас.), *рäйäш: пичалӹм рäйäш* 'зарядить ружье' (Рамст. 114), *сабля* 'сабля' (Буд. 97, 1827), *сапльы* 'тж' (1827, Сил., Рамст. 177), *службо: вурсо служба* 'военная служба' (1804, Свящ. ист.), *трака* 'драка' (Рамст. 149), *троп* 'дробь' (Буд. 97, Тр., Ген., Сил. 256), *тропльы* 'тж' (Рамст. 149), *штык* 'штык' (Ген.), *йинерал* 'генерал' (Рамст. 32), *салдак* 'солдат' (Альб., Буд. 97, Канц., Ген.), *солтак* 'тж' (Шёгр.), *ырдовой салтак* 'рядовой солдат' (Рамст. 164).

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

1. Дом, надворные и общественные постройки, их части, детали

Дом, тома 'дом' (Буд. 97, Кр. катех., Сил. 252), *ватер* 'квартира' (Тр., Рамст. 11), *пачер* 'тж' (Порк. 13, Сил. 155), *кӧрница, керница* 'горница' (Тр., Рамст. 56), *крильча* 'крыльцо' (Сил. 92), *крыльча* 'тж' (Буд. 95), *огол* 'угол' (1827), *угул* 'тж' (Тр., Порк. 21), *угыл* 'тж' (Ген., Сил. 267, Буд. 94), *окна* 'окно' (Тр., Сил. 144), *палат* 'палата' (Рамст. 94), *полат* 'тж' (Тр., Порк. 34), *палкон* 'балкон' (Рамст. 95), *платьа* 'полати' (Рамст. 102), *пичурка* 'печурка' (Рамст. 101), *потолок* 'потолок' (1827, Сил. 176), *престол* 'трон' (Буд. 100, Свящ. ист.), *подушка, окньа водушка* 'подоконник' (Рамст. 102, Тр., Сил. 176), *пӧлица* 'полка' (1827, Сил. 172, Рамст. 103); *приступка* 'приступок' (Рамст. 105), [приступок для лазания на печь (Даль 3: 448)]; *сеньӹк* 'сени' (1827, Рамст. 119), *скамньа* 'скамья' (Тр., Рамст. 121, Сил. 201), *турба* 'труба печная' (Ген., Сил. 264), *чулан* 'чулан' (Буд. 96), *цылан* 'тж' (Рамст. 153), *порогы* 'порог' (Рамст. 103), *стена* 'стена' (Ген., Сил. 204), *тренча* 'дранка', *(диал.)* 'драница, драничка' (Ген., Сил. 256), *теранча* 'тж' (Буд. 96), *транза* 'тж' (Рамст. 149), *шолоп* 'желоб' (Ген., Сил. 227), *шатьор* 'шатер' (Рамст. 127), *йатаж* 'этаж' (Рамст. 28, 192), *кындамет* 'фундамент' (Рамст. 62).

Авун, авын 'овин' (Ген.), *агун* 'рига', 'овин' (Порк. 12, Канц., Земл., Смирн.), *амбар* 'амбар' (Ерусл.), *ампар* 'тж' (Сил. 7), *ворота* 'ворота' (Буд. 101, Сил. 285), *двор* 'двор' (Буд. 97), *одвор* 'тж' (Земл.), *савар* 'забор' (Тр., Порк. 21), *завор* 'тж' (Рамст. 162), *зимицӑ* 'зимница; изба для зимнего жительства' (Рамст. 182), *йӑшлӑ* 'ясли, кормушка' (Рамст. 29, Сил. 49), *клат, кылат* 'клеть' (Ген., Порк. 24, Вас.), 'амбар' (Смирн.), 'кладовая' (Канц., Земл.), *кӹлӑт* 'тж' (Рамст. 46); *колвеч(е)* 'погреб' (Ген., Сил. 87), ср. рус. голбец; *конюшньык* 'конюшня' (1827, Рамст. 54, Сил. 128), *сарай* 'сарай' (Порк. 34, Рамст. 117), *перила* 'перила' (Ерусл.), *пырыс* 'брус' (Рамст. 109), *решетка* 'решетка; забор' (Порк. 55), *решотка* 'тж' (Тр.), 'клетка для птиц' (Рамст. 114), *рышытка* 'тж' (Порк. 40), *стан* 'станок для ковки лошадей' (Буд. 98), *столм, штолм* 'столб' (Буд. 98, Тр.), *коловича* 'колодец' (Тр., Сил. 86), *колодец* 'тж' (Рамст. 53).

Башня 'башня' (Буд. 101), *вылаган* 'балаган' (Рамст. 17), *кавак* 'кабак' (Порк. 58, Рамст. 35), *кабак* 'тж' (Канц., Смирн.), *казамат* 'каземат; камера в тюрьме' (Порк. 26, Букв.), *кантор* 'контора' (Свящ. ист., Сил. 67), *лапка* 'лавка торговая' (Тр., Рамст. 67, Сил. 107), *магазин* 'магазин' (Рамст. 76), *трактир* 'трактир' (Буд. 97), *крепость* 'крепость' (Свящ. ист.), *крепӹс* 'тж' (Рамст. 57, 190).

2. Предметы домашнего обихода, посуда, емкости, тара

Выньык 'веник' (Тр., Порк. 25), *вилик* 'тж' (Сил. 282), *жвата* 'утварь', 'вещи', 'пожитки' (Ген., Сил. 291), *косар* 'косарь (нож)' (Рамст. 55), *кранды* 'кран' (Рамст. 56), *камворка* 'канфорка' (Рамст. 37), *куашна* 'квашня' (Рамст. 57), *лӧцена* 'лучина' (Рамст. 71), *мелтекӑ* 'метелка' (Рамст. 78), *метелка* 'тж' (1827, Сил. 171), *самавар* 'самовар' (Порк. 13, Сил. 194), *саслонга* 'заслонка (у печи)' (Ген., Сил. 196), *стель* 'стол' (Тр.), *стӧл* 'тж' (Рамст. 122), *ӱсьтел* 'тж' (Ген.), *ӱител* 'тж' (Порк. 25, 27, 38), *ухват* 'ухват' (Рамст. 159), *помла, помыла* 'помело' (Порк. 126, Ген., Сил. 172), *понар* 'фонарь' (Ген., Сил. 172), *панар* 'тж' (Ерусл.), *шепка* 'зыбка' (Буд. 43, Тр., Сил. 218), *шипка* 'тж' (Рамст. 132), *сондык* 'сундук' (Ген., Сил. 201), *сандык* 'тж' (Тр., Сил. 194), *шондок* 'тж' (Порк. 26), *шӱндык* 'тж' (Рамст. 138), *задвижка* 'задвижка (для запора)' (Рамст. 162), *вилка* 'вилка' (Рамст. 14), *губка* 'губка' (Свящ. ист., Сил. 36), *цӑш, час* 'час' (Тр., Ген., Сил. 17), *сипцы* 'щипцы' (Рамст. 120).

Корчак 'корчага; большой глиняный сосуд' (Буд. 25, Сил. 89, Рамст. 55), *коршок* 'горшок' (1827, Рамст. 55), *кӧршек* 'тж' (Буд. 94, Тр., Ген., Сил. 89), *кершек* 'тж' (Канц., Земл.), *кострульы* 'кастрюля', *(диал.)* 'коструль' (Рамст. 55), *крушка* 'кружка' (Рамст. 57), *погал* 'бокал' (Канц.), *кленча* 'бутылка' (Ген.), 'стеклянная посуда' (Вас.), *кланча* 'тж' (Тр., Сил. 82), *кринкӑ* 'кринка' (Рамст. 57), *путылка* 'бутылка' (Рамст. 107, Смирн., Тр.), *путилка* 'тж' (Канц., Сил. 186), *стакан* 'стакан' (Кр. катех.), *стопка* 'стопка, стопочка' (Тр.), 'стакан' (Сил. 204), *талинга* 'тарелка' (Порк. 38, Сил. 241), *тэркэ* 'тарелка' (Канц.), *тэрьке* 'блюдо', 'чашка' (Вас., Смирн., Тр.), *торелкӑ* 'тарелка' (Рамст. 148), *чашка* 'чашка' (Буд. 95), *цӑшкӑ* 'тж' (Рамст. 151), *чарка* 'чарка' (Буд. 95, Сил. 17), *черке* 'тж', *рӱмкӑ* 'рюмка' (Рамст. 115).

Ведрӑ 'ведро' (Буд. 101, Альб., Ген., Порк. 9, 28, Сил. 279, Канц., Земл., Тр., Рамст. 13), *воронка* 'воронка' (Рамст. 15), *вочко* 'бочка' (Тр., Порк. 24, 27), 'кадка' (Вас.), *вачкы* 'тж' (1827, Шёгр.), *корзин* 'корзина' (Рамст. 55), *короп* 'корзина' (Ген., Сил. 89), *коропка* 'коробка' (Рамст. 55), *йашык* 'ящик' (1827), *йашнык* 'тж' (Свящ. ист., Сил. 49), *лар* 'ларь' (Тр., Рамст. 67), *патийан* 'бадья' (Тр., Рамст. 97, Сил. 160), *пешьӳр* 'пестерь' (Рамст. 100), *пӧштӧр* 'тж' (Тр., Сил. 175), *плетон* 'плетенка' (Рамст. 102), *пудапка* 'пудовая тара' (Порк. 25), *пудовка* 'тж' (Буд. 100, Сил. 179), *пурак* 'бурак (посуда из бересты)' (Тр., Сил. 184, Рамст. 106), *ыжван* 'жбан' (Рамст. 165), *сӳсек* 'сусек', 'закром' (Рамст. 123), *туйс* 'бурак' (Вас.), *тусь* 'туес (посуда из бересты)' (Ген., Сил, 264).

3. Одежда, обувь, украшения, материалы для одежды, обуви

Воротник 'воротник' (Рамст. 15), *жилитка* 'жилетка' (Рамст. 163), *запон* 'запон' (*уст.*), 'передник', 'фартук' (Рамст. 162), *калпак* 'колпак (головной убор)' (Рамст. 37), *канзол* 'камзол' (Рамст. 38), *кожан* 'кожан' (Рамст. 56), *пинжак* 'пинжак, пиджак' (Рамст. 101), *малахай* 'малахай; шапка-ушанка' (Рамст. 76), *сарапан* 'сарафан' (Порк. 25, Рамст. 117), *сывын* 'свадебный женский кафтан', *(уст.)* 'зипун' (Тр., Порк. 39, Сил. 199), *тулуп* 'тулуп' (Тр., Букв.), *тылып* 'тж' (1827, Рамст. 156), *кумажник* 'бумажник' (Сил. 97).

Ката 'коты' (Крек. 53), *колош* 'галоша' (Рамст. 53), *пакила* 'бахилы' (Ген., Сил. 156), *пашмак* 'башмак' (Рамст. 97), *цылка* 'чулки' (Рамст. 153), *кайтан* 'гайтан, шнур' (Рамст. 36), *канва* 'канва; ткань для вышивки' (Рамст. 37), *канды* 'кант; вшитый цветной шнурок' (Рамст. 38), *клин* 'клин; треугольная вставка в платье' (Рамст. 51, Тр., Сил. 82), *кисточка* 'кисточка', *кистушка* 'бахрома' (Рамст. 49); *морко* 'кисть' (Тр., Сил. 127), ср. рус. мохор, мохорок; *жемчук* 'жемчуг' (Рамст. 163), *серга* 'серьги' (Буд., Сил.), *цешомга* 'тесемка' (Рамст. 151), *вархат* 'бархат' (Рамст. 10), *котьык* 'котик (мех)', 'оторочка из куничьего меха' (Рамст. 55), *кошма* 'кошма' (Рамст. 55), *кульы* 'куль' (Рамст. 58); *кырмазин* 'кармазин' (Рамст. 63), ['тонкое ярко-алое сукно' (Даль 2: 92)]; *посто* 'сукно' (Свящ. ист., Тр., Ген., Сил. 175, Порк. 51), *прежа* 'пряжа' (Тр., Порк.), *пража* 'тж' (Буд. 100), *прӑжӑ* 'тж' (Рамст. 105), *мацала* 'мочало' (Рамст. 77), *мочала* 'тж' (Буд. 102, Тр., Сил. 125), *мочыла* 'тж' (Ген., Ерусл.), 'рогожа' (Тр., Сил. 189, Рамст. 114), *рогоза* 'тж' (Канц., Смирн.), *тасма* 'тесьма', 'кайма' (Тр.), *ташма* 'тж' (Вас.).

4. Пища, пищевые продукты, хлебобулочные и кондитерские изделия, напитки

Жараш 'жарить' (Канц.), *ыжараш* 'тж' (Рамст. 165), *жаритлаш* 'тж' (Ген., Сил. 221), *кысал, кышал* 'кисель' (Вас., Тр., Порк. 22, Ерусл.), *кӹшӑл* (Рамст. 48), *колбас* 'колбаса' (Рамст. 53), *кырахмал* 'крахмал' (Рамст. 56), *обеда* 'обед' (Тр., Сил. 154), *овада* 'тж' (Буд. 93), *овет* 'тж' (Рамст. 90), *пшона* 'пшено' (Рамст. 105), *салат* 'солод' (Порк. 50), *солот* 'тж' (Рамст. 122), *толотна* 'толокно' (Рамст. 147), *штей, шти лем* 'щи, суп из капусты' (Сил. 230).

Вулка 'булка' (Рамст. 40), *калац* 'калач' (Рамст. 37), *калач, калаче* 'тж' (Порк. 11, Ген., Сил. 65), *клендер* 'крендель' (Рамст. 51), *куртник* 'короваец' (Тр., Сил.

100), *мелна* 'блин' (Буд. 84, Смирн., Ген., Порк. 47), *мелла* 'тж' (Вас., Канц., Порк. 28), *мелнӓ* 'тж' (Рамст. 78), *шанга* 'круглый пирог' (Ген.), 'шаньга'.

Камветке 'конфетка' (Рамст. 37), *праньык* 'пряник' (Порк. 49, Сил. 176), *праник* 'тж' (Рамст. 104), *сакыр* 'сахар' (Рамст. 116), *сакар* 'тж' (Порк. 50).

Куас 'квас' (Буд. 94, Тр., Сил. 92), *напитка* 'напиток' (Рамст. 85), *пурага* 'брага' (Ген., Сил. 183), *тарык* 'кислое молоко' (1827, Сил. 243).

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЛЕКСИКА

1. Названия культурных растений

Горчичный нӧшмӧ 'горчичное семя' (1827), *йӓрцӓ* 'ярица' (Рамст. 29, Яковл.), *ярча* 'тж' (Смирн., Тр., Сил. 48), *корма* 'корм' (Рамст. 54), *крачух* 'гречиха', *(диал.)* 'грачуха', *крячушный* 'греча' (Яковл.), *озым, озим* 'озимь' (Земл.), *азым* 'рассада' (Рамст. 5), *рез* 'рис' (Ген., Сил. 189), *ружа, уржа* 'рожь' (Ген., Вас., Тр., Канц., Земл., Смирн., Сил. 152), *уржа* 'тж' (Буд. 93), *руша* 'тж' (Шёгр., Альб., Яковл.).

2. Названия овощей, фруктов

Арбуз 'арбуз' (Букв., Сил. 10), *охрец* 'огурец' (Сил. 142, Тр.), *кого охрец* 'тыква' (Яковл., Сил. 90), *перыц* 'перец' (Рамст. 100, Яковл.), *кавита* 'капуста' (Рамст. 38), *капыита* 'тж' (1827), *ковита* 'тж' (Порк. 27), *ковоштан* 'тж' (Ген.), *картопка* 'картошка' (Ген., Сил. 69), *картук* 'тж' (Рамст. 39), *крен* 'хрен' (Тр., Сил. 92), *ӹрӓн* 'тж' (Яковл., Рамст. 21), *кырен* 'тж' (Ерусл.), *лук* 'лук' (Рамст. 71), *ребе* 'репа' (Земл., Смирн.), *реве, ыревы* 'тж' (Тр., Порк. 8, 25, Тр., Сил. 44, 189), *ревя* 'тж' (Яковл., Вас.), *мокропка* 'морковка' (Тр., Сил. 127), *морко* 'тж' (Яковл., Сил. 127, Рамст. 80), *тыква* 'тыква' (Свящ. ист., Сил. 248); *укра* 'чеснок' (Тр., Порк. 49, Сил. 268), ср. рус. укроп.

Анис 'анис' (Буд. 93), *акисы* 'тж' (Яковл.), *виноград* 'виноград' (Буд. 101, Канц., Сил. 282), *вишньӧпка* 'вишня' (1827, Яковл.), *груша* 'груша' (Сил. 36), *круша* 'тж' (Яковл., Рамст. 57), *лимон* 'лимон' (Рамст. 69), *слива* 'слива' (Яковл.), *маслин* 'маслина' (Буд. 102, Сил. 121).

3. Названия огородных растений

Маке 'мак' (Тр., Ген., Сил. 120, Канц., Ерусл.), *макы* 'тж' (Рамст. 76, Яковл.), *мӓтӓшуды* 'мята' (Рамст. 78), *мӓтвӓ* 'тж' (Буд. 102), *мета* 'тж' (Тр., Сил. 122, Канц., Смирн).

4. Названия грибов

Крива 'гриб' (Буд. 95, Сил. 92), *курезы* 'груздь' (Вас.), *куруз* 'тж' (Тр., Сил. 101), *крузы, круз* 'тж' (Рамст. 57), *круза* 'тж' (Яковл.), *мухомор* 'мухомор' (Рамст. 80), *опоньгы* 'опёнок' (Рамст. 92), *опонька* 'тж' (Яковл.), *папка* 'гриб', 'бабки' (Тр., Сил. 158), *рыжик* 'рыжик' (Канц., Яковл.), *куги рыжик* 'белянка', *якте рыжик* 'волжанка' (Яковл.).

5. Названия орудий сельхозтруда

Шога 'соха' (Буд. 96), *шагавуй* 'рога сохи' (Буд. 96), *шога* 'тж' (Тр., Ген., Сил. 224), *крабля* 'грабли' (Канц.), *крапля* 'тж' (1827, Тр.), *крӓвлӓ* 'тж' (Рамст. 57), *застук* 'заступ; железная лопата' (Рамст. 162), *лом* 'лом' (Тр., Ерусл., Сил.

114), *лопатка* 'лопатка' (Рамст. 70), *молот* 'молот' (1827, Рамст. 79, Сил. 126), *мотик* 'мотыга' (Рамст. 80), *совок* 'совок' (Тр., Сил. 204), *топец* 'дубец', 'молотило', 'цеп' (Рамст. 148).

ТОРГОВО-ДЕНЕЖНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Казна 'казна', 'сокровище' (Ген., Сил. 72, Канц.), 'денежное богатство' (Сил., Ген., Рамст. 41); *пундо* 'деньги' (Тр.), *шипундо* 'тж' (Порк., Сил. 181), 'серебро', 'казна' (Вас.), ср. рус. фонд; *витäнцьӥ* 'квитанция' (Рамст. 15), *рошчот* 'расчет' (Буд. 102, Ген., Сил. 190), *сум* 'сумма', *(диал.)* 'сум' (Рамст. 123), *жаловна* 'жалованье' (Рамст. 163), *жалованиа* 'тж' (Буд. 96, Сил. 291), *заглад* 'заклад' (Рамст. 162), *саклад* 'тж' (Смирн.), *залок* 'залог' (Рамст. 162), *копекьӥ* 'копейка' (Рамст. 54); *манет* 'рубль' (Тр., Сил. 121), ср. рус. монета; *полтиллык* 'полтинник' (Порк. 39, Сил. 172), *полушка* 'полушка; самая мелкая монета', *полушка окса* 'грош' (Свящ. ист., Сил. 172), *толгы* 'долг' (Буд. 97, Ген., Сил. 252, Рамст. 147), *толжник* 'должник' (Рамст. 147), *торг* 'торг, торги' (Буд. 97, Ген., Сил. 253), *торго* 'торги' (Тр.), *торгаем* 'торговать, заниматься торговлей' (Смирн., Тр., Порк. 41), *торгеяш* 'тж' (Буд. 96, Рамст. 248), *торгайтлем* 'тж' (Свящ. ист.), *торговай* 'торговый' (Буд. 97), *торговай пäшä* 'торговое дело' (Сил. 254), *тоход* 'доход' (Рамст. 147), *убитка* 'убыток' (Рамст. 159), *целковой* 'целковый' (Ген.), *целковый* 'тж' (Сил. 18), *цена* 'цена' (Буд. 95, Сил. 18, Рамст. 47), *шот* 'счет' (Вас., 1827, Тр., Сил.).

МЕРЫ ВЕСА, ДЛИНЫ, ВРЕМЕНИ

Золотньык 'золотник; десятая часть фунта' (Рамст. 162), *кремга* 'фунт' (Канц., Земл., Ген., Сил. 75), *кырменьга* 'тж' (Вас., Тр.), *керемка* 'тж' (Смирн.), *кервена* 'тж' (1827), *керменга* 'тж' (Буд. 94), *патман* 'батман; вес около 4-х пудов' (Ерусл.), *пут* 'пуд' (Альб., Буд. 99, Порк. 30, Ген., Сил. 186), *цетвет* 'четверть' (Рамст. 151), *аршын* 'аршин' (Тр., Порк. 48, Сил. 11, Рамст. 44), *вершок* 'вершок' (Порк. 26, Канц., Земл., Сил. 280), *сетинä* 'десятнина' (Рамст. 119), *пезмен* 'безмен' (Буд. 99, Ген., Сил. 163), *пезмын* 'тж' (Рамст. 100).

Веремä 'время' (Тр., Ген., Сил. 280), *времадыме* 'безвременный' (Смирн.), *выремы* 'тж' (Канц.), *секунтьӥ* 'секунда' (Рамст. 119), *сутка* 'сутки' (Рамст. 123, Тр., Сил. 208), *срок* 'срок' (Рамст. 122), *пора* 'время' (Буд. 100), *пора якте* 'до поры времени' (1804), *порадэ* 'безвременно', *порадэмэ* 'безвременный' (Канц.), *пораштa* 'во время' (Альб., Смирн.), *пäтница* 'пятница' (Буд. 99, Сил. 160), *покро* 'Покров день' (Тр., Сил. 171), *похро* 'тж' (Рамст. 102), *опрель* 'апрель' (Рамст. 92).

СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ, ВИДЫ ТРАНСПОРТА

1. Наземный транспорт

Возы 'воз' (Рамст. 16), *каляска* 'коляска' (Рамст. 37), *карета* 'карета' (Рамст. 39), *кивитка* 'кибитка' (Тр., Порк. 42), *повозка* 'повозка' (Буд. 100), *повоска* 'тж' (Тр., Ген., Сил. 176, Порк. 38, Рамст. 102), *положа* 'полоз' (Рамст. 103), *сердешкä* 'сердечник' (Тр., Сил. 198), *сергешни* 'тж' (Рамст. 119), *тулка* 'втулка' (Рамст. 154), *чаж* 'тяжь' (Ген., Сил. 18), *шин* 'шина' (Тр., Сил. 217), *шини* 'тж' (Рамст. 132).

Сбруя: *омут* 'хомут' (Буд. 93, Сил. 199), *омыта* 'тж' (Тр., Ген., Сил. 146), *сетелкӑ* 'седёлка' (1827, Рамст. 119), *шлиӑ* 'шлея' (Рамст. 134), *шлия* 'тж' (Тр., Сил. 220).

2. Водный транспорт

Карабля 'корабль' (Свящ. ист., Сил. 88), *каравльы* 'тж' (Рамст. 38), *карап* 'тж' (Порк. 7, Сил. 68), *палва* 'палуба' (Рамст. 9), *палыска* 'парусное судно' (Ерусл.), *паржа* 'баржа' (Рамст. 96), *парке* 'барка', 'баржа' (Ерусл.), *парус* 'парус' (Буд. 99), *парыш* 'тж' (Рамст. 96, Сил. 159), *парыс* 'тж' (Ерусл.), *потник* 'ботик', 'челн' (Рамст. 104), *прохот* 'пароход' (Рамст. 105), *пристынь* 'пристань' (Буд. 100, Сил. 177), *кавань* 'гавань' (Рамст. 35), *затон* 'затон' (Рамст. 162), *весля* 'весло' (Тр., Сил. 281), *вешлӑ* 'тж' (Рамст. 13), *йагыр* 'якорь' (Тр., Сил. 46), *йӑкӹр* 'тж' (Рамст. 29).

3. Почтовые отправления

Вандыроль 'бандероль' (Рамст. 10), *камверт* 'конверт' (Рамст. 37), *писма* 'письмо' (Свящ. ист.), *пӹсмӑ* 'тж' (Тр., Сил. 165).

ПРОИЗВОДСТВО, НАЗВАНИЯ ОРУДИЙ ТРУДА И ИНСТРУМЕНТОВ

Завод 'завод' (Порк. 34, Сил. 290), *винтэ* 'винт' (Канц.), *винды* 'болт', 'винт' (Рамст. 14), *замок* 'замок' (Рамст. 162), *самок* 'тж' (Тр., Сил. 194); *йемпель* 'настругʼ (1827, Сил. 50), ср. рус. ембель; *кайка* 'гайка' (Рамст. 36), *кандала* 'кандалы' (Буд. 94, Сил. 66), *кестень* 'дубина', 'кистень' (Шёгр., Вас., Тр.), *кесьтен* 'тж' (Ген., Сил. 76), *киря* 'гиря' (Ген., Сил. 77, Порк. 30, Рамст. 49, Смирн.), *колча* 'кольцо' (Канц., Земл., Тр., Сил. 86), *кольца* 'тж' (Рамст. 53), *копер* 'копёр; устройство для забивания свай' (Буд. 94, Сил. 88), *мерка* 'мерка' (Рамст. 78), *пазныык* 'пазник' (Рамст. 98), *пила* 'пила' (Ген., Сил. 164, Рамст. 101), *пиля* 'тж' (Буд. 99, Тр.), *пешна* 'пешня' (Рамст. 100), *подпилка* 'подпилка' (Ген., Сил. 170), *притывӹ* 'бритва' (Рамст. 105), *проволык* 'проволка' (Ген., Сил. 177), *товар* 'топор' (Буд. 96, Порк. 2, 9, 27, Ген., Сил. 255), *тавар* 'тж' (1827, Шёгр., Рамст. 141).

ЖИВОТНЫЙ МИР

1. Домашние животные

Верблюд 'верблюд' (Буд. 101, Яковл., Сил. 280), *каза* 'коза' (Вас., Смирн., Сил. 71), *аба кеся* 'каза', *оза кеся* 'козел' (Яковл.), *коти* 'кот, кошка' (1827, Яковл., Сил. 91), *коти игӹ* 'котенок' (Рамст. 55), *осел* 'осел' (Буд. 93), *осла* 'тж' (Свящ. ист., Сил. 152), *паран* 'ягненок', *каза паран* 'козленок' (Яковл., Ерусл.).

2. Дикие животные

Звер 'зверь' (Свящ. ист., Сил. 291), *каван* 'кабан' (Рамст. 35), *каван сасна* 'вепр' (Яковл.), *крис* 'крыса' (Рамст. 57), *лев* 'лев' (Букв., Сил. 109, Яковл.); *маска* 'медведь', ср. рус. мишка (Канц., Земл.), *маська* 'тж' (Ген., Тр., Вас.), *майска* 'тж' (Порк. 8, 27), *мӧска* 'тж' (Буд. 83, 1827, Рамст. 80, Сил. 121); *обезйан* 'обезьяна' (Рамст. 90), *русак морен* 'заяц-русак' (Рамст. 115), *слон* 'слон' (Яковл.), *тигр* 'тигр' (Букв., Сил. 247), *летешка* 'летячка (зверек)' (Тр., Сил. 109).

3. Водные животные

Жава 'лягушка' (Ген., Рамст. 163), *ужава* 'тж' (Шегр., Порк. 31, Смирн., Тр.), *раке* 'рак' (Буд. 102, Тр., Ген., Сил. 183), *рäкä* 'тж' (Шегр.), *ырак* 'тж' (Вас.), *йрäк* 'тж' (Рамст. 21).

4. Птицы

Куку 'куку' (Порк. 26, Канц., Земл., Яковл., Вас., Ген., Сил. 96), *орави* 'воробей' (1827, Рамст. 92), *ораби* 'тж' (Тр., Сил. 150), *павлин*: *павлин äптäн* 'павлин (петух)' (Яковл.), *пюркут* 'орел', 'беркут' (Вас., Тр., Букв., Свящ. ист., Сил. 184), *ронга* 'ронжа-сойка' (Тр., Сил. 190), *сокол вяряш* 'сокол' (Яковл.); *чезек* 'ласточка' (Буд. 38, Тр., Сил. 20), ср. рус. чижик; *циркä* 'чирок' (1827, Учеб., Сил. 21); *папке* 'грудная кость у птиц' (Ген., Сил. 158), ср. рус. бабки.

5. Рыбы, предметы рыболовства

Карас 'карась' (Вас., Яковл., Тр., Рамст. 38, Сил. 68), *мыле* 'малявка' (Тр., Сил. 124), *подуза* 'подуза' (Рамст. 102), *потус* 'тж' (Тр., Сил. 176), *стерляк* 'стерлядь' (Яковл., Рамст. 122), *судак* 'судак' (Рамст. 123), *чокон* 'чехонь' (Тр., Сил. 25).

Мурда 'морда' (Ген., Порк. 37, Сил. 130, Ерусл.), *недодка* 'неводка' (Буд. 99, Сил. 134), *претньык* 'бредень' (1827, Ген., Сил. 177, Рамст. 105), *сакы* 'сак, сачок' (Рамст. 125), *снасть* 'невод' (Буд. 98), *снась* 'орудие' (Ген., Сил. 201), *шак* 'жак' (Тр., Сил. 210); *коцона* 'рыбная запруда' (Рамст. 55), ср. рус. котцы (Даль 2: 179).

6. Охота, орудия охоты

Капкан 'капкан' (Канц., Тр., Сил. 67, Рамст. 38), *пленча* 'пленка, силок', *лудо пеленча* 'силок для уток' (Ерусл.), *охота* 'охота как промысел', 'ловля', *охоташ кашшы* 'охотник' (1827, Сил. 142).

7. Пчеловодство, предметы пчеловодства

Вуля 'улей' (Тр.), *выля* 'тж' (Рамст. 17), *челнык* 'пчельник' (Рамст. 157).

НАЗВАНИЯ ДЕРЕВЬЕВ, РАСТЕНИЙ, НАСАЖДЕНИЙ

Йерва 'дерево' (Рамст. 30); *исоп* 'исоп' (Букв.), ['растение, синий зверобой' (Даль 2: 52)]; *кворос* 'хворост' (Тр.), *лес* 'строевой лес' (Рамст. 68), *пикан* 'дикая рута' (Буд. 99, Ген., Сил.), *пиган* 'тж' (Буд. 99), *пиктыви кож* 'пихта' (Рамст. 101), *товылго* 'таволга' (Ген. 69, Сил. 255, Порк. 57), *тополь* 'тополь' (Рамст. 148), *моко* 'мох' (Канц., Ген., Сил. 125), *мöкö* 'тж' (Ерусл.), *сад* 'сад' (1827, Буд. 97, Сил. 193, Канц.), *садопка* 'сад' (Ген., Сил. 193), *смоковница* 'смоковница (плодовое дерево)' (Буд. 98), *смоковнай* 'смоковный', 'плодовый', *смаковный пу* 'смаковное (плодовое) дерево' (Буд. 98, Сил. 201).

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ. РЕЛЬЕФ МЕСТНОСТИ, ПОЧВА

Земля 'земля' (Рамст. 162), *ил* 'ил' (Рамст. 25), *канава* 'канава' (Рамст. 37), *лаза* 'лужа' (Тр., Сил. 108), *лунка* 'лунка', 'яма', 'ухаб' (Сил. 118), *лук* 'угол', 'изгиб' (Ерусл.), *граница* 'граница' (Канц.), *межа* 'межа' (Шегр., Смирн., Ерусл.), *мижа* 'тж' (Буд. 102), *острок* 'остров' (Буд. 93), *острук* 'тж' (Тр., Сил. 152, Рамст. 93),

пешчере 'пещера' (Свящ. ист., Сил. 162); *пурак* 'пыль' (Буд. 100, Тр., Сил. 168, 184), ср. рус. прах; *крас* 'бугорок' (Тр., Сил. 92).

ПОЛЕЗНЫЕ ИСКОПАЕМЫЕ, МЕТАЛЛЫ, ХИМИЧЕСКИЕ СОЕДИНЕНИЯ

Золыты 'золото' (Рамст. 162), *зоста* 'медь белая' (Яковл.), *зосты* 'жесть' (Рамст. 163), *пулат* 'сталь' (Ген., Сил. 181), *чугун* 'чугун' (Рамст. 158), *чӧгӧн* 'тж' (Тр., Сил. 24), *мрамор* 'мрамор' (Яковл.), *мырамыр* 'тж' (Рамст. 82).

Извоска 'известка' (Яковл., Рамст. 26), *йад* 'яд' (Рамст. 28), *йурьтӱк* 'ртуть' (Тр., Сил. 61), *уртьурт* 'тж' (Рамст. 160), *крäскä* 'краска' (Рамст. 57), *мушняк* 'мышьяк' (Рамст. 80), *ош мушняк* 'сулема' (Яковл.), *нашатер* 'нашатырь' (Рамст. 86), *силетра* 'селитра' (Яковл.), *сира* 'сера горючая' (Тр.), 'спички' (Ген., Сил. 199), *смола* 'смола' (Свящ. ист.), *смольы* 'тж' (Рамст. 121), *смолйа* 'тж' (Шегр.), *сургучы* 'сургуч' (Рамст. 123), *тегет* 'деготь' (Канц., Земл., Тр., Ген., Буд. 96, Сил. 244), *тигыт* 'тж' (Рамст. 146), *уксус* 'уксус' (Буд. 93), *уксыс* 'тж' (Ген., Сил. 268).

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ДЕЛЕНИЕ, НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ

Волось 'волость' (Ген., Сил. 285), *вотчина* 'вотчина' (Сил. 284), *вочина* 'тж', 'страна', 'область', 'край' (Буд. 101), *именийа* 'имение' (Свящ. ист.), *сола* 'село', 'деревня' (Тр. 202, Рамст. 122), *сьело* 'село' (Ген., Сил. 197), *олица* 'улица' (Тр., Рамст. 91, Сил. 145), *пуралка* 'проулок' (Ген.), 'переулок' (Сил. 184), *починга* 'выселок', 'починок' (Порк. 43).

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

1. Религиозные понятия, обряды

Владика 'владыка' (Буд. 101, Сил. 283), *якын* 'дьякон' (Смирн.), *йäкӹн* 'тж' (Рамст. 29), *йачок* 'дьячок' (Канц., Смирн., Тр., Сил. 45), *тийчок* 'псаломщик' (Рамст. 146), *йеретик* 'еретик' (Рамст. 30), *Кристос* 'Христос' (1804), *манак* 'монах' (Тр., Сил. 121, Рамст. 76), *манашшка* 'монахиня', 'монашенка' (Рамст. 76), *патьышка* 'батюшка (обращение к священнику)' (Рамст. 92), *поп* 'поп' (1804, Шегр., Альб., Буд. 99, Земл., Порк. 2, Ген., Сил. 173), *праведник* 'праведник' (Буд. 100, Сил. 176), *праведны* 'праведный' (Свящ. ист., Сил. 176), *пророчица* 'пророчица' (Буд. 100, Сил. 177), *пророк* 'пророк' (Буд. 100, Сил. 177), *свäтой* 'святой' (Буд. 98, 1804, Рамст. 113), *светой* 'тж' (Ген., Сил. 208), *аньгыл* 'ангел' (Рамст. 106), *бес* 'бес' (1827, Сил. 14), *чорт* 'черт' (Порк. 13, Рамст. 158), *ад* 'ад' (Кр. катех., Букв.), *рай* 'рай' (Буд. 102, Букв., Ген., Сил. 188), *йавыл* 'черт' (Ген., Сил. 49, Рамст. 26).

Церке 'церковь' (1804, Шегр., Альб., Буд. 96, Смирн.), *черке* 'тж' (Канц., Тр., Ген., Сил. 19, Порк. 7), *церкӹ* 'тж' (Рамст. 151), *цäшомня* 'часовня' (Рамст. 151), *монасер* 'монастырь' (Буд. 102, Сил. 126), *монастыр* 'тж' (Тр.), *мынастир* 'тж' (Рамст. 82), *келиа* 'келья' (Сил. 73), *кельдий* 'тж' (Рамст. 44), *кивот* 'кивот' (Свящ. ист., Сил. 78, Рамст. 48), *олтар* 'алтарь' (Буд. 93, Сил. 146); *скиния* 'переносной шатер', *(уст.)* 'скиния' (Даль 4: 196); *икон* 'икона' (Рамст. 25), *истукан* 'истукан; идол, статуя' (1804, Альб., Сил. 41), *кайдий* 'кадило' (Рамст. 36), *крестӹ* 'крест'

(1804, 1827, Рамст. 57, Сил. 92), *йелей* 'елей; оливковое масло, употребляющееся в церковном обиходе' (Свящ. ист., Сил. 50), *аминь* 'аминь' (1804, Ген., Ерусл., Сил. 7), *налой* 'аналой; церковная подставка' (Рамст. 85).

Вечерня 'вечерня', *заутреня* 'заутреня' (Сил. 290), *заутрыня* 'тж' (Рамст. 162), *обедня* 'обедня' (Канц., Смирн., Букв., Сил. 141), *обетня* 'тж' (Рамст. 90), *крилъс* 'клирос (хор в церкви)' (Рамст. 57), *ладан* 'ладан (церковный)', 'фимиам' (Букв., Сил. 105), *ладын* 'тж' (Рамст. 66), *миро* 'миро; благовонное масло' (Букв., Сил. 123), *вера* 'вероисповедание', 'вера' (1804, Буд. 101, Букв., Тр., Ген., Рамст. 13), *ерис* 'ересь' (Рамст. 30), *молевын* 'молебен' (Порк. 2, Сил. 126); *надыр* 'жертвоприношение' (Буд. 104, Тр., Сил. 132), ср. рус. надарить.

Благословеня 'благословенье' (Буд. 101, Сил. 14), *благословайаш* 'благословить' (Буд. 101, Сил. 14, Рамст. 15), *исповедаш* 'исповедовать' (Кр. катех., Сил. 41), *поведайаш* 'тж' (Рамст. 102), *креслемаш* 'крещение' (1804), *крестлаш* 'крестить' (Букв.), *крестяш* 'тж' (Рамст. 57), *крещеньйа* 'крещенье' (Буд. 95, Рамст., Сил. 92), *обыча* 'обычай' (Буд. 93, Смирн.), 'нрав' (Канц.), *овича* 'тж' (Ген.), *обуча* 'тж' (Рамст. 90), *пост* 'пост; воздержание от скоромной пищи' (Тр., Сил. 171), *постяш* 'поститься; соблюдать пост' (Сил. 175), *причаш* 'причастие' (Букв.), *причашлык* 'тж' (Кр. катех., Сил. 177), *пъ̈рцäш* 'тж' (Рамст. 111), *причашайаш* 'причащаться' (Кр. катех.), *пъ̈рцäшäйäш* 'тж' (Рамст. 111), *молитва* 'молитва' (1804, Рамст. 79), *катехизис* 'катехизис' (1804), *пасха* 'пасха' (Буд. 99, Сил. 159), *покро* 'Покров день' (Тр., Сил. 171), *похро* 'тж' (Рамст. 102).

Венчайаш 'венчать' (Канц., Смирн., Порк. 2, Сил. 122, 280, Рамст. 13), *жертва* 'жертва', 'жертвоприношение' (Букв., Свящ. ист., Сил. 291), *жертвенника* 'место жертвоприношения' (Свящ. ист., Сил. 291), *жертываяш* 'приносить жертву, жертвовать' (Рамст. 163), *ковейäш* 'говеть' (Рамст. 51), *колотка* 'гроб' (Порк. 25, Вас., Тр., Канц., Земл., Смирн., Сил. 86), *колатка* 'тж' (Шёгр., Буд. 94), *короп* 'гроб' (Буд. 94, Рамст. 55), *клатбиша* 'кладбище' (Рамст. 50), *могилä* 'могила' (Рамст. 79), *мыниник* 'именинник' (Рамст. 7), *поминга* 'поминки' (Рамст. 103), *праздник* 'праздник' (Буд. 100), *празньык* 'тж' (Рамст. 104), *праздниклем* 'праздновать' (Буд. 100, Сил. 176), *свäтитлаш* 'святить, освятить' (Свящ. ист., Сил. 208), *смöрт* 'смерть', *панкет* 'банкет' (Буд. 99, Сил. 157).

2. Образование, школа, школьные принадлежности

Школ 'школа' (1804, Буд. 96, Ген., Сил. 223), *ученик* 'ученик' (Букв.), *ученый йын* 'ученый человек' (Свящ. ист., Сил. 266), *урок* 'урок' (Букв., Сил. 272), *занятти* 'занятие' (Рамст. 162), *записка* 'записка' (Рамст. 162), *книга* 'книга' (1804, Шёгр., Буд. 94, Ген., Сил. 66, 80), *кынага* 'тж' (Порк. 57), *къ̈ньигä* 'тж' (Рамст. 51), *книжник* 'книжник' (Буд. 94, Сил. 82), *крамота* 'грамота' (Рамст. 56), *крамотный* 'грамотный' (Рамст. 56), *кумага* 'бумага' (Шёгр.), *пумага* 'тж' (Буд. 100, Сил. 182, Рамст. 106), *буква* 'буква' (Букв., Сил. 14), *пешка* 'строчная буква' (Ген., Сил. 162), *наизус* 'наизусть' (Рамст. 85), *например* 'например' (Рамст. 85), *картин* 'картина' (Рамст. 39).

Доска: аспидный доска 'аспидная доска' (Букв., Сил. 11), *грифель* 'грифель' (Букв., Сил. 36), *кригильы* 'тж' (Рамст. 57), *карандаш* 'карандаш' (Букв., Сил.

68), *крандаш* 'тж' (Рамст. 40), *линейка* 'линейка' (Букв.), *леника* 'тж' (Рамст. 75), *чернила* 'чернила' (Канц., Сил. 19), *печат* 'печать' (Буд. 99, Ген., Свящ. ист., Сил. 160), *печатлем* 'печатать' (Канц., Ерусл.), *печӓтлӓш* 'тж' (Рамст. 100), *печатлыме* 'печатный' (Ерусл.), *арифметика* 'арифметика' (Букв.).

3. Музыкальные инструменты

Арога 'горн' (Земл., Тр., Сил. 11), *кармонь* 'гармонь' (Рамст. 39), *кусьле* 'гусли' (Порк. 58, Ген., Сил. 78, Ерусл.), *кисльа* 'тж' (Буд. 94), *музикан* 'музыкант' (Ген., Сил. 130, Буд. 102), *музыкан* 'гармонь' (Свящ. ист.), *орган* 'гармоника' (Учеб., Сил. 151), *палаватька* 'балалайка' (Рамст. 94), *парабан* 'барабан' (Рамст. 95), *параман* 'тж' (Ерусл.), *томбыро* 'балалайка' (Ген., Сил. 252), *труба* 'труба' (Буд. 97, Сил. 256, Рамст. 149), *скрипка*: *с. йонгож* 'смычка' (Канц.), *крипица* 'скрипка' (Рамст. 57).

ВНУТРЕННИЙ МИР ЧЕЛОВЕКА

1. Душевное состояние: *аптырал* 'аптрал (растерянность)' (Рамст. 4), *волнай* 'вольный', 'свободный' (Буд. 101, Сил. 285), *вольна* 'вольно' (Канц.), *душа* 'душа' (Буд. 97, Сил. 30), *тух* 'дух' (Рамст. 154), *жаляем* 'жалеть, сожалеть' (Альб., Буд. 96, Канц., Земл.), *жӓлӓйӓш* 'тж' (Рамст. 22), *заветнан* 'завидно' (Ген., Сил. 290), *замечӓйӓш* 'замечать' (Рамст. 162), *охота* 'желанье', 'хотение', 'охота' (Рамст. 90), *пасиво* 'спасибо', 'благодарю' (Ген., Сил. 159), *спасивы* 'тж' (Рамст. 122), *помнем* 'помнить' (1808, Буд. 100, Сил. 172, Рамст. 103), *рассуждаем* 'рассуждаю' (1808), *рат* 'рад', 'доволен' (Буд. 102, Ген., Сил. 188), *скушна* 'скучно' (1827, Сил. 201, Рамст. 181), *смущаяш* 'смущать' (Рамст. 121), *страм* 'срам, страм' (Рамст. 122), *тайна* 'тайна' (Буд. 96, Букв., Сил. 240), *терпем* 'терпеть', 'страдать' (Буд. 96, Тр., Порк. 2), *терпышы* 'терпящий', 'страждущий' (1827, Сил. 247, Рамст. 144), *товоля* 'довольно', 'довольный' (1804), *тогдаем* 'догадываюсь' (Буд. 96, Порк. 13, Сил. 182), *трутна* 'трудно', 'трудный' (Рамст. 149), *тумаем* 'думать; мыслить' (Сил. 260), *турна* 'дурно' (Буд. 97, Рамст. 154), *узнаяш, узнаваяш* 'узнать, узнавать' (Рамст, 160), *цӓш* 'счастье' (Рамст. 151, Сил. 17), *час* 'тж' (Тр.), *цюдеем* 'изумляться' (Рамст. 153), *чудеяш* 'удивляться' (Тр., Сил. 28), *цюдеем* 'тж' (Буд. 96), *тогатка* 'догадка' (Рамст. 147), *дохатка* 'тж' (1827), *толк* 'толк', 'понятие' (Ген., Сил. 252), *толка* 'тж' (Буд. 97, Канц., Смирн.), *тосатна* 'досадно' (Рамст. 148).

2. Характер, поведение человека: *весела* 'веселый' (Рамст. 13), *войки* 'бойкий' (Рамст. 15), *войыр* 'буйный', 'пугливый' (Рамст. 15), *войырланаш* 'бодриться' (Рамст. 15), *дикий* 'дикий' (Рамст. 37), *дикиемаш* 'одичать' (Рамст. 31), *живой* 'живой' (Рамст. 163), *злодей* 'злодей' (Буд. 98, Сил. 291), *йовр* 'развратник', 'потаскуха' (Тр., Сил. 59), *каналья* 'каналья' (Рамст. 37), *милостив* 'милостивый' (Буд. 102, Сил. 123), *охотник* 'охотливый', 'охочий' (Дам.), *обжор* 'обжора' (Рамст. 90), *овжор* 'тж' (Тр., Сил. 154.), *пийаница* 'пьяница' (Буд. 89), *пианча* 'тж' (Ген., Сил. 169), *плут* 'плут' (Рамст. 102), *смелд* 'смелый' (1827, Тр., Сил. 201), *смелый* 'тж' (Рамст. 200), *смирна* 'смирный' (Буд. 98, 1827, Свящ. ист., Сил. 201), *строгий* 'строгий' (Рамст. 122), *уда* 'худой', 'плохой' (Буд. 94), *худа*

'тж' (Кр. катех., Рамст. 23), *удей* 'тж' (Шёгр.), *хитри* 'хитрый' (Рамст. 23), *ласка* 'ласковый' (Гр., Порк. 18, Сил. 107), *ласко* 'тж' (Рамст. 67), 'вежливый' (Канц.).

3. Природные способности человека: *талан* 'талант' (Рамст. 142), 'счастье', 'удача' (Земл., Гр.), *памыт* 'память', *памытсыз* 'беспамятный' (Ерусл.), *клупый* 'глупый' (Рамст. 51), *турной* 'дурной' (Буд. 97, Ген., Сил. 264).

ФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Здорова 'здоровье', 'здоровый' (Рамст. 162), *клухой* 'глухой' (Рамст. 51), *кылокой* 'тж' (Ген., Сил. 73), *косой* 'косоглазый' (Ген., Сил. 90), *кудыр* 'кудрявый' (Смирн., Тр., Ген., Порк. 54, Сил. 94), *немой* 'немой' (Ген., Сил. 134, Рамст. 88), *немтой* 'тж' (Ерусл.), *слöпöй* 'слепой' (Рамст. 121), *тоша* 'тощий' (1827, Сил. 254, Рамст. 148), *удэ* 'худой', 'больной' (Буд. 94), *худа* 'тж' (Кр. катех.), *хворой* 'хворый', 'больной' (Рамст. 24), *хвораяш* 'хворать' (Кр. катех., Рамст. 24), *личаш* 'лечить' (Рамст. 69), *мораяш* 'морить' (1827, Рамст. 79), *мучаш, мутяш* 'мучить, мучать', *мучыяш* 'тж' (Рамст. 80), *мучитлем* 'тж' (Буд. 102, Ген., Сил. 128), *лекар* 'лекарь' (Буд. 103, Сил. 109).

Зараза 'зараза' (Рамст. 162), *карачкы* 'горячка' (Рамст. 38), *катар* 'катар' (Ген. 56), *кила* 'болезнь' (Ген. 52, Сил. 77, Рамст. 49), *мор* 'моровое поветрие' (Буд. 102, Сил. 126), *прустуяш* 'простудиться' (Рамст. 105), *пырчык* 'прыщик', 'волдырь' (Тр., Сил. 167), *цемра* 'обморок' (рус. чемра) (Тр., Сил. 18), *корика* 'корь' (Тр., Сил. 89).

Итак, мы познакомились с основными лексико-тематическими группами русских заимствований, зафиксированных в письменных памятниках XIX в. В рассмотренные группы слов вошли в основном заимствованные имена существительные, частично глаголы, имена прилагательные. Слова других лексико-грамматических классов (союзы, частицы, местоимения) в эти группы не попали. Неохваченными остались и разные виды калек: лексические, словообразовательные, семантические.

Следует отметить, что в связи с увеличением количества опубликованных и неопубликованных рукописных памятников в XIX в. наблюдается значительный рост числа русских заимствованных слов и их лексико-тематических групп. По сравнению с XVIII в. в этом периоде нами установлено наличие около 45 тематических групп. Количество заимствований в разных группах неодинаково. Значительное число таких заимствований связано с выражением жизненно важных социально-экономических понятий, торгово-денежных отношений, с обозначением предметов материальной культуры: предметов домашнего обихода, одежды, обуви, дворовых построек, производства, труда. Имеются также слова, передающие внутреннее состояние человека, различные его чувства, переживания, и слова, связанные с названиями христианских понятий, обрядов, духовных лиц. С другой стороны, очень мало заимствований, обозначающих традиционные формы хозяйствования марийцев, животный и растительный мир, природно-климатические явления. Но все они в совокупности свидетельствуют о разностороннем характере межэтнических, хозяйственно-экономических и культурно-бытовых отношений марийцев с русским народом, о довольно глу-

боком проникновении русского влияния в жизнь и быт марийского народа, в его материальную и духовную культуру.

ИСТОЧНИКИ

Альб. – *Альбинский А.* Черемисская грамматика. – Казань, 1837.

Буд. – *Budenz J.* Erdei- és hegyicseremisz szótár. – Pest, 1866.

Букв. – Букварь для луговых черемис. – Казань, 1890.

Вас. – *Васильев Ф.* Пособие к изучению черемисского языка на луговом наречии. – Казань, 1887.

Ген. – *Arvid Genetz.* Ost-tscheremissische Sprachstudien. – Helsingfors. 1889.

Даль – *Владимир Даль.* Толковый словарь живого великорусского языка. Тт. 1–4. – М., 1978–1980.

Ерусл. – *Ерусланов П.* Черемисско-русский словарь восточного наречия // Архив Санкт-Петербургского отделения Института востоковедения Российской академии наук. – Разряд II, оп. 5, ед. хр. 3.

Земл. – Словарь черемисско-русский, составленный учителем духовного училища Земляницким // Отдел рукописей и редких книг библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета. – №1420.

Канц. – *Канцеровский А.* Черемисский словарь. Олок мари ойомэш пыштэн возоктомо шомак шамыч. – Озан, 1858 // Архив Санкт-Петербургского отделения Российской академии наук. – Разряд III, оп. 1, ед. хр. 213.

Кр. катех. – Краткий катехизис на горночеремисском языке. – Казань, 1871, 1873.

Порк. – *Porkka V.* Tscheremissische Texte mit Übergetzung. Herausgegeben von A. Genetz. – Helsingfors, 1895.

Рамст. – *Ramstedt G.J.* Bergtscheremissische Sprachstudien. – Helsingfors. 1902.

Свящ. ист. – Священная история ветхаго и новаго завета на луговом наречии черемисского языка. – Казань, 1879, 1891.

Сил. – *Szilasi Mórisz.* Cseremisz szótár. – Budapest, 1901.

Смирн. – *Смирнов А.Н.* Словарь черемисского языка. – 1867 // Отдел рукописей и редких книг библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета. – № 1360.

Тр. – *Троицкий В.П.* Черемисско-русский словарь. – Казань, 1894.

Учеб. – Первоначальный учебник русского языка для горных черемис. – Казань, 1892.

Шёгр. – *Sögren A.* Vocabulaire de la langue // Архив Санкт-Петербургского отделения Российской академии наук. – Ф. 94, оп. 1, № 146.

Яковл. – *Яковлев Г.Я.* Словарь. Дикие и домашние животные, птицы, рыбы, насекомые, деревья, растения, минералы, тело человека // Рукописный фонд МарНИИЯЛИ. – Оп. 1, № 137.

1804 – Сокращенный катехизис в пользу черемис с присовокуплением некоторых молитв, символа веры и десятословия, переведенный в Казанской академии 1803 г. и апреля месяца // Н.И. Ильминский. Опыт переложения христианских вероучительных книг на татарский и другие инородческие языки в начале текущего столетия. – Казань, 1885.

1808 – Краткий катехизис христианского учения на русском и черемисском языках. // Н.И. Ильминский. Опыт переложения христианских вероучительных книг на татарский и другие инородческие языки в начале текущего столетия. – Казань, 1885.

1827 – Святой апостолвлян пашавля. – Питер алашта. 1827 и годом.

Nikolaiy Isanbayev

RUSSIAN LEXICAL BORROWINGS OF THE PRE-OCTOBER PERIOD IN THE MARI LANGUAGE AND THEIR THEMATIC GROUPS

In work results of the Russian-Mari language contacts are analyzed at lexical level in detail. Research is constructed on materials of written monuments of XIX century in which Russian lexical borrowings are fixed. According to the author their total makes 1125 lexical units. It is almost five times more than in monuments of XVIII century. It partly speaks that circumstance that the number of the published and unpublished written monuments has considerably increased during the considered period. On the values loan-words are rather various. They can be united approximately in 45 thematic groups that are supported with concrete examples. The significant amount of borrowings is connected with expression of the vital social and economic concepts, trading-monetary relations, with a designation of subjects of material culture. There are also the words concerning a designation of inwardness of the person, the words connected with names of Christian religious concepts, ceremonies, ecclesiastics, with school education. On the other hand, there are not enough loans designating traditional forms of managing of Maris, animal and flora, the natural-climatic phenomena. But all of them in aggregate testify to versatile character of interethnic, economic and cultural and community relations of Maris with Russian people, about deep penetration of Russian influence into a life and a way life of the Mari people, in their material and spiritual culture.

«Финно-угроведение», 2009, № 1

Татьяна Миниияхметова
Ижевск

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЦИКЛИЧНОСТИ

Сознательная человеческая жизнь, то есть жизнь культуры, требует особой структуры «пространства – времени». Культура организует себя в форме «пространство – время» и вне такой организации существовать не может (1, с. 259). Всякая культура начинается с разделения пространства на определенные части, причем происходит и учет понятий о времени. В традиционном мировоззрении пространственная регламентированность воспринимается в тесном единстве с временными параметрами, в последних же неразрывно переплетаются линейная и цикличная последовательности.

Любой процесс предполагает преемственность, единство, непрерывность. Не случайно обращение к прошлому, связь настоящего и будущего постоянно присутствуют в жизни каждой культуры. Но эти показатели отражают лишь линейное время, которое не обозримо и имеет крайне узкий характер. Параллельно же протекает и другое, конкретное и повторяющееся время, в котором можно явно разобраться и которое предстает как образ постоянного возвращения, вечного цикла развития. Отсюда цикличное восприятие времени более четкое и определенное. Но время становится наиболее конкретным и точным, когда его отождествляют с пространственными параметрами. Подобное представление предполагает, что в мире все взаимосвязано и непрерывно. И чтобы поддержать гармонию и равновесие или же сложившийся мировой порядок, необходимо сохранить эту непрерывность. Непрерывность же воспринимается в виде замкнутой фигуры, и чем более совершенную форму принимает эта замкнутая фигура, тем больше она приближается к идеалу. Идеальная фигура – это круг. В удмуртском языке есть термин, обозначающий понятие круга, – *питырес / котырес. Питырес/ котырес* - основополагающее понятие, без которого, казалось бы, невозможно представить само функционирование системы мироздания. Эти два слова как одно понятие, обобщенный образ-символ, обозначают и воспринимаются одновременно как круг-время и как круг-пространство. А поскольку представления о пространстве всегда в какой-то мере основаны на представлениях о времени, то и всякая ориентация в пространстве предполагает ориентацию во времени. Например, протяженность расстояния всегда измерялась временем, за которое можно было пройти тот или иной отрезок

пространства. Измерение пути временем сохранилось до сегодняшних дней; часто говорят: час полета, двое суток езды и т.п. В прошлом были и другие формы счета и обозначения времени, к примеру: *гурысь нянь потытозь* – 'за время выпекания хлеба (букв.: до тех пор, пока хлеб из печи выйдет)'; *гурысь потэм нянь сиям бере* – 'после остывания вынутого из печи хлеба'; *тодэ ваёнъёсы вашкала дыръёсы вуытозь* – 'пока мои воспоминания доберутся до древних времен' и др. Как уже указывалось, значение понятий *питырес / котырес* - одинаково при вещественно-предметном оформлении – круг или окружность.

В удмуртском языке движение времени обозначается словом *ортче* – 'проходит' или *питыра* – 'крутится / катится'. Понятия *ортче* и *питыра* в смысле прохождения жизни четко отражено в народных песнях:

Эй ортче ведь, ортче ведь,
Зэмны гужем ортче ведь.
Зэмны гужем нош ик вуоз,
Пинал даур ортче ведь.

Ох и проходит, проходит,
Красивое лето проходит.
Красивое лето снова вернется,
Молодость же проходит.

Чагыр чарка – питрес чарка
Питраз-кошкиз – шодид-а?
Пинал даур – чагыр сяська
Питраз, кошкиз – шодид-а?

Голубая рюмка – кругленькая рюмка,
Прокатилась-ушла, заметил / почувствовал ли?
Молодое время – голубой цветок
Прокатилось, ушло, заметил ли?..

Этим же понятием выражается движение колеса: *питыран питыра* (заметьте: *питыран* – отглагольное существительное от *питыраны* – 'крутиться') – 'колесо крутится', когда катится вперед. Также проходит жизнь человеческая – *питыра*, т.е. 'прокатывается / катится'. Как видим, это понятие указывает на линейное время. С наступлением смерти, т.е. конца биологической жизни, в представлениях удмуртов жизнь не прерывается, а продолжается в других измерениях, или же 'на том свете' – *сопал дуннеын*. Но нет понятия и представления, что она снова возвращается в наше пространство – наземное, двигаясь по кругу (2, с. 104). Этим снова подтверждается линейность человеческой жизни. Здесь уместно будет упомянуть строки из удмуртской песни, подтверждающей подобное представление:

Векчи но векчи бадьпу полти
Каллен но каллен ветломе.
Ум, дыр, мактаськe, ум курлалэ,
Валче но валче уломе.
Ай-гай, эшъёсы, ум тодиськe,
Гумырмы кык пол уз лыкты.
Гумырмы кык пол ай лыктысал:
Инмармы эрик уз сёты.

Между тонкими да тонкими ивами
Потихоньку-полегоньку пройдем.
Не злословя, не бахвалясь,
Вместе будем дружно жить.
Ай-гай, друзья, не знаем [будущего],
Жизнь к нам второй раз не придет.
Жизнь наша второй раз, может быть, и пришла бы,
Да Инмар этого не позволит.

(3, с. 95)

От длительности времени зависит размер круга: чем больше круг, тем большую продолжительность времени он охватывает или чем длиннее время, тем крупнее размер круга. Например, подобными ассоциациями можно сравнить длительность дня, недели, месяца, года. Но время любой протяженности при

отражении на пространственных измерениях в некотором смысле может совпадать: соответствие движения солнца определенным точкам пространства в сутках; совпадение движения солнца с теми же пространственными точками в годовом цикле; и еще одно совпадение с теми же точками движения луны. В действительности движение солнца в обоих случаях обозримо в дневное время суток. Но при восприятии времени в понятии «сутки» признается истекающий день; при его восприятии как годового времени учитывается «местонахождение» солнца: летом в полдень солнце находится высоко над головой, зимой же – почти что над горизонтом; летом при восходе и закате солнце освещает окно с северной стороны, зимой – с южной и т.п. Эта «система основана на метрических и топологических свойствах пространства-времени» (4, с. 7).

Пограничные отрезки пространства и времени детально разработаны так же, как и переходные стадии из одного состояния в другое, связующе-разграничительные понятия. Например, в удмуртском языке и закамских диалектах имеется множество понятий, связанных с пространственными измерениями или обозначающих одно из измерений – длину, начиная от мельчайшего отрезка до расстояния вокруг всего света: *ныр зылын* – 'на кончике носа'; *син сузёнтэм* – 'не дотянуться взглядом'. В изобилии здесь бытуют также понятия, раскрывающие длительность времени. Самым коротким считается временной отрезок, связанный с понятием 'моргнуть глазом' – *симез кыньыса усьтон куспын* (букв.: в промежутке от закрытия до открытия глаза), 'короткий вздох' – *шокчытозь/ шокчон куспын*, а бесконечно длинными, не поддающимися точному подсчету, являются такие выражения, как 'со времени возникновения земли' – *дунне кылдэм тырись*, 'до возникновения гор' – *гурезьёс кылдытозь* и т.п.

Круг-время от круга-пространства отличется тем, что первый имеет вид окружности, а второй – круг с точкой в середине, ориентир начинается с самого себя. Интересно добавить, что в удмуртской орнаментике присутствует узор в виде круга с точкой в середине, который обозначает космос.

По замечанию удмуртского этнографа В.Е. Владыкина, представления о пространстве, равно как о времени, составляют одну из самых существенных сторон мировоззренческой системы. Познание пространства у удмуртов исключало возможность его бесконечности. Мир состоял как бы из многих концентрических кругов-пространств. Отсчет пространственного измерения начинался с центральной точки, где находился дом, очаг, которые являлись концентрированным выражением очеловеченного пространства, обладавшего наибольшей сакральной значимостью (5, с. 218). Согласно такому представлению, кругов-пространств могло быть столько же, сколько домов-очагов. У каждого человека был свой пространственный круг, в зависимости от ощущения и восприятия окружающего мира. Если рассматривать эти круги-пространства исключительно с точки зрения их ограниченности и замкнутости, то ограниченность собственных пространств проявляется в свойствах самонормирования этих пространств. Каждый последующий круг является менее нормированным и поэтому воспринимается менее освоенным или же совсем неосвоенным. Переход из

одного круга-пространства в другой бывает плавным и резким, так и преобразования в них происходят соответственно континуально и дискретно. Это предполагает разнохарактерность последующих кругов: в первом случае последующий круг не является сильно отличающимся и отсюда – опасным, а во втором – он совершенно другой, значит, опасный. Для первого случая примером может служить дорога, представляющая границу между кругами. Пространство за линией дороги уже чужое, но не столь опасное. А для второго случая за границу примем реку; за рекой уже пространство воспринимается совершенно не освоенным, чужим и опасным. Возможно, не будет столь бессмысленным привести сравнение из другой области науки – современной космологии: с радикальным изменением взгляда на Вселенную как на нечто однородное и изотропное сформировалось новое ее видение, как состоящей из многих, локально однородных и изотропных мини-вселенных, в которых и свойства элементарных частиц, и величина энергии вакуума, и размерность пространств-времени могут быть совершенно различными. Это обусловило внедрение в научный оборот понятия Универсума, обозначающего суперсистему, охватывающую все сферы мироздания (микро-, макро-, мегамир), в том числе, различные типы вселенных (6, с. 203). Позволим себе сравнить каждое освоенное человеком пространство с приведенным здесь микромиром, где в каждом отдельном случае неодинаковое соответствие показателей пространства с показателями времени. Если более точно выразиться, следует визуально представить ориентирующегося от своего очага: допустим, сегодня для него солнце восходит из-за горы; через месяц солнце восходит уже в другом месте; и так далее; но через год однажды солнце снова взойдет из-за той же горы. А для другого ориентирующегося в это же самое время, но от другого, своего очага, в тот же самый день то же самое солнце восходит из-за другого объекта, его ориентиры не совпадают с ориентирами первого. Итак, у каждого свое представление связи пространства со временем.

Из чего же состоит линия, образующая круг? В пространстве – из множества точек, обозначающих направления сторон света, которые подразделяются на неопределенное число соединяющихся между собой частей, каждый отрезок, т.е. каждая часть имеет свое название: *уйпал* – север, *шундыжужанпал* – восток, *лымшорпал* – юг, *шундыпуксёнпал* – запад и т.д. При этом восток и юг связываются с положительным значением, запад и север – с отрицательным. Неслучайно все места поклонения богам и духам расположены на юго-восточной стороне. Если это общесельские священные поляны, рощи, то они непременно находятся в соответствующем направлении от деревни, а если это святые места семьи или рода, или святилища *Куала*, то эти места выбираются к юго-востоку от усадьбы или дома. На молениях-*куриськон* и *вӧсь* основные действия происходят в юго-восточной, наиболее сакральной части: на специально сооруженные жерди развешиваются ритуальные полотенца, на земле из зеленых веток застилается символический «стол», готовится кострище, место для закалывания жертвы, закрепляется место для выставления жертвы богам *Вылэ мычон* и т.д. Кроме того, на этой же стороне находится специальное место, на

котором жрец читает молитвы-заклинания, а народ молится, стоя на коленях. При обращении к богу как на молениях, так и в обыденной ситуации, обязательно надо повернуться лицом к югу или юго-востоку.

Линия круга-времени состоит также из соединенных между собой отрезков времени, имеющих свое название. Например, в сутках: *шундыжужан* – восход, *лымшор* – полдень, *шундыпуксён* – закат, *уйшор* – полночь; в году: *тол* – зима, *тулыс* – весна, *гужем* – лето, *сизьыл* – осень. Время от восхода до заката, а также период от весны до осени – летний цикл года – воспринимается как нечто открытое; в противоположность этому, закрытым является промежуток времени от заката до восхода и от осени до весны, т.е. зимний цикл. Все добрые дела должны начинаться в первой половине дня, когда день прибывает, т.е. от восхода до полудня, иначе результат не будет ожидаемым. Темное время суток связано со злыми силами и их активностью.

Любая определенная точка и отрезок круга-времени и круга-пространства совпадают и взаимозависимы. Например, одна из точек круга-времени «восход» соответствует одной точке круга-пространства «востоку», «закат» – «западу», «полдень» – «югу», «полночь» – «северу» и т.п. В то же время каждая из этих точек или отрезков круга-времени находится в состоянии движения – *питыра*, т.е. «прокатывается».

В мировоззренческом плане наиболее перспективно рассмотрение годового цикла – этой временно-пространственной целостности – через систему календарных обрядов в их непрерывной последовательности. У многих народов годовой цикл «слагается из следующих одна за другой дат работы в поле или дома и связанных с этой работой обрядов» (7, с. 10). И перечень этих важных или даже не особо значимых дат представляет один из способов ориентиров в году – обрядовый календарь. Годовой цикл удмуртов связан с хозяйственными заботами и отражает цикличность времени на уровне ежегодной повторяемости сезонов и месяцев года с их отмеченной раз и навсегда климатической и восходящей к ней хозяйственной спецификой. Народный календарь удмуртов не претендует на линейный счет времени. При детальном рассмотрении цикличность подтверждается и на более мелких отрезках времени (выше уже в качестве примера приводились «сутки»). Календарный год и является таким промежутком времени, который, с одной стороны, удобен для рассмотрения и детального анализа, а с другой – его цикличность налицо. Год или годовой цикл, как уже рассматривалось выше, можно разделить на более мелкие циклы – сезоны, месяцы, недели, дни, в которые как раз и происходят обрядовые действия. Каждый обряд или обрядовый комплекс нацелен призвать повторения всего позитивного и в следующем году: *нош ик шумпотыса мед возьмаломы вуоно Быдзыналэз* – 'чтоб и следующий Великий день ожидали с радостью' (8, с. 186). В ритуальном календаре точно определены дни всех активных и неактивных действий. Каждый обряд имеет начало, когда, согласно календарю, время вступает в ритуальный, сакральный, период. С этого же момента и пространство должно вступить в ритуальную стадию. С завершением ритуального периода свойства пространства, казалось бы, еще продолжают сохраняться, но время

уже вышло за свои рамки, и оно требует изменения качества пространства из ритуального в обыденное. Как видно, это происходит одновременно как во времени, так и в пространстве. Такое свойство параллельного преобразования пространства и времени характерно только календарным обрядам, так как в них дни заранее предопределены (9, с. 413). И здесь временные параметры играют основополагающую роль (На самом деле здесь речь должна идти о свойствах сакрального времени. Но это тема для самостоятельного исследования).

Цикличность как пространства, так и времени, в системе календарной обрядности в самой идеальной форме отражается в удмуртских молитвах-заклинаниях (*куриськон*). В них в высокохудожественно-образной форме передаются представления человека об окружающем мире и призыв-стремление соблюдать гармонию в нем, стабилизировать окружающую среду от макрокосма до социокосма. Согласно верованию, маркированность каждого отрезка времени отдельными ритуалами и празднествами и участие в них поддерживает космический порядок, потому и было столь важно их соблюдение и проведение.

Как выше упоминалось, человек воспринимает пространство в виде круга, но напрашивается вопрос – а как воспринимает пространство группа людей? Попытаемся ответить на этот вопрос на примере обрядов, в которых принимает участие весь род, целая община или даже округа. При проведении таких общественных или семейно-родовых молений народ обычно собирается в одном священном месте, будь то роща, поляна или молельня. Место их отправления очерчивается в виде круга, что символизирует сложившийся мир. Вдоль линии круга втыкаются ветви березы (летом) и ветви хвойных деревьев (зимой). При завершении обрядовой части жрецы собирают эти ветви в одно место, после чего три раза обходят по солнцу кострище, постепенно сгребая пепел к центру кострища. И тем самым считается, что обряд завершен. В большинстве случаев места молений имеют округленную форму; например, если священная роща *Луд* или *Керемет* располагается на обрабатываемых полях, то они непременно имеют форму правильного круга, и крестьяне не нарушают его границы.

В дни Масленицы (*Вöй*) у закамских удмуртов имел место обряд под названием *гондыр эктытон* – букв.: *гондыр* – 'медведь', *эктытон* – отглагольное существительное от *эктытыны* – 'заставить плясать, водить на пляску (кого-либо)'. На этом представлении толпа народа выстраивалась в большой круг, в центр которого заводили «медведя» и под такт рукоплесканий заставляли его плясать.

В период подготовки к празднованию Великого дня – *Быдзынал* – в ночь со среды на четверг с целью предохранения от злых сил, семью, скот и все подворье обводили металлическим предметом в форме круга. Девушки при гадании также очерчивают вокруг себя круг. На обряде поедания молозива – *чöжи сиён* – стол с ритуальными блюдами «обхватывается» символическим кругом, тем самым хозяева защищают скот и себя от сглаза (10, с. 333). Из приведенных примеров видно, что форма круга (окружности) встречается в различных ситуациях. В каждом случае «оформляется» используемое пространство и заключает в себя участников, которые должны следовать нормированным правилам этой сферы, как правило, сакральной. «Обрядовое поведение выступало как регулятор

стереотипов поведения и сознания, кодирующих этническую информацию, обеспечивая тем самым связь между поколениями» (11, с. 17). Такое заключение снова указывает на роль ритуала и его непосредственную связь со временем.

Указанные примеры наглядно раскрывают представления о связи времени и пространства и их цикличности. В данной статье показана лишь одна из форм восприятия и оформления окружающего мира. Естественно, кратким описанием невозможно обрисовать общую картину традиционных представлений народа о мире, фундаментальных и общих для мироздания понятиях как цикличность времени и цикличность пространства.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров // Семиосфера. – С-Пб., 2001.

2. *Minniyakhmetova Tatiana.* Symbols of Approaching Death: The Role of the Woman // *Women, Pain and Death: Rituals and Everyday-Life on the Margins of Europe and Beyond,* edited by Evy Johanne Håland. Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2008.

3. *Владыкина Т.Г.* Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики. – Ижевск, 1997.

4. *Витол Э.А.* Современная космология, проблема ветвления времени и цикличность. – М., 2006.

5. *Владыкин В.Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. – Ижевск, 1994.

6. *Степин В.С., Кузнецова Л.Ф.* Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. – М., 1994.

7. *Чичеров В.И.* Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI–XIX веков. – М., 1957.

8. *Миннияхметова Т.* Рефлексивность символов в ритуальное время (на примере святых мест закамских удмуртов) // Journal de la Société Finno-Ougrienne 91. 2006.

9. *Minniyakhmetova T.* The Role of Symbols' Reflexivity in Calendar Rites – *an example of Trans-Kama Udmurts* // First International Conference of the SIEF Working group on The Ritual Year in Association with the Department of Maltese University of Malta, Junior College Msida, Malta. Proceedings. Malta, March 20–24, 2005. Publishers Enterprises Group (PEG) Ltd. San Gwan, Malta, 2006.

10. *Minniyakhmetova T.* Eating of Beestings as an original Calendar rite of the Bashkirian Udmurts // Folk Belief Today. – Tartu, 1995.

11. *Семенов В.А.* Традиционная семейная обрядность коми-зырян во второй половине XIX – первой половине XX в. (Пространство и время) // Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. д.и.н. СПб., 1996.

Tatyana Minniyahmetova

SPACE AND TIME: REPRESENTATIONS ABOUT RECURRENCE

Article is devoted to representations about time and space communication and their recurrence in religious-mythological representations of Udmurts. In outlook of the people the space is perceived in close unity with time, and time is interconnected with recurrence. Extent of distance it was always measured by time for which it was possible to pass this or that piece of a way. Duration of day, week, month, year associates with circle in culture of Udmurts. Spaces of the house, manor, village and others are represented in the form of a circle with a point inside. On representations of the people the world consisted of many concentric circles-spaces.

«Финно-угроведение», 2009, № 1

СООБЩЕНИЯ

Наталья Чикина
Петрозаводск

ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ ФИННО-УГОРСКИХ АВТОРОВ КАРЕЛИИ

В сентябре 2008 года в Йошкар-Оле прошел X Международный конгресс финно-угорских писателей. Тема конгресса: «Будущее финно-угорских литератур. Творчество молодых авторов». На конгрессе были представители разных регионов России и стран зарубежья, где проживают или интересуются финно-угорской литературой. Тема конгресса актуальна, т.к. проблема пополнения молодыми писателями существует, наверное, в каждой финно-угорской литературе, но у каждой из них свои причины.

Республика Карелия является местом, где развиваются финноязычная, карелоязычная и вепсская литература. Уровень и степень развития этих литератур различный. Если финноязычная литература развивалась с момента образования Карельской Трудовой Коммуны, т.е. с 1920 года, то литература на карельском и вепсском языках получила свое развитие лишь с 1990-х годов.

Литературным языком Республики Карелия, наряду с русским, являлся финский язык. Это давало хорошие перспективы для развития литературы. Но ситуация изменилась в конце XX века. После распада СССР произошли перемены, которые отразились на всех сферах общества, в том числе и на литературе. Одной из причин недостатка писателей в финноязычной литературе Карелии является снижение роли финского языка в республике. К тому же до сих пор наблюдается отток населения в пограничную Финляндию.

Актуальной проблемой для карелоязычной литературы является отсутствие единого литературного языка. Литература на карельском языке развивается на трех наречиях: людиковском, ливвиковском и собственно карельском. Л. Маркианова в своем докладе на V Всемирном конгрессе финно-угорских народов, который проходил в г. Ханты-Мансийске в июне 2008 года, высказала сожаление о том, что до сих пор не создано единого карельского языка (1, с. 141).

Ситуация с вепсским языком лучше. Несмотря на существование разных диалектов, он развивается как единый литературный язык. Проблемы вепсов вызваны в большей степени их малочисленностью.

С созданием новых литератур – карелоязычной и вепсской – в литературу пришли новые авторы. Возраст их различен, но все-таки преобладают представители старшего поколения (60 лет и старше). Их можно назвать молодыми, если учитывать их писательский опыт. Мы же остановимся на творчестве молодых писателей (до 35 лет). Представители старшего поколения занимают ведущие позиции, но будем надеяться, что молодежь наберется сил и опыта и достойно продолжит начинания предшественников.

Молодые финно-угорские писатели – представители разных профессий: преподаватели, переводчики. Ряд авторов работает в редакциях республиканских журналов и газет: Н. Синицкая – главный редактор газеты «Oma Mua» («Родная Земля»); К. Коротких – корреспондент журнала «Carelia» («Карелия»), что позволяет им постоянно совершенствовать свое мастерство.

Финноязычная литература Карелии представлена тремя молодыми авторами: Энской Якобсоном, Анисой Кеттунен и Кристиной Коротких.

Э. Якобсон (псевд.; наст. имя Евгений Богданов) – единственный профессиональный писатель. Он был принят в Союз писателей в 1998 г. Э. Якобсон родился в двуязычной семье, в которой говорили по-русски и по-фински. По образованию – филолог. Изучал творчество Л. Онерва и других писателей Финляндии. В настоящее время преподаватель университета. В Карелии и Финляндии он еще известен и как рок-музыкант.

Первая книга стихов Э. Якобсона «Novus poeta Careliae» («Новый поэт Карелии») вышла в 1997 г. М. Тарасов отметил в поэзии Э. Якобсона склонность к экспериментам со словом и ритмом, знание современной финской и европейской поэзии, стремление «с помощью верлибра опустить высокую поэзию до приземленности и естественности прозы или прозу вознести до музыкальной стихии и высоты поэзии» (2, с. 7).

Во втором сборнике стихов «Mielentilat» («Состояние души», 2004), по мнению А. Мишина, Э. Якобсон «переносит на финскую почву силлабическую метрику, творя своеобразную словесную геометрию» (3, с. 32). В произведениях Э. Якобсона чувствуется влияние фольклорной традиции. Ряд произведений навеян эпосом «Калевала». Например, только Лемминкяйнену, герою «Калевалы», посвящено два стихотворения. Вот отрывок из одного:

Pitkin Manalan vaahtoja livun	По водам Маналы
Väreitä liekkien lasken lyhdyssä	плыву, считая языки огня,
Kuoleman kieli niin läheltä nuolee	и смерть полощет рукава рубахи,
Paitani hihoissa temmeltää.	и лижет жгучим пламенем меня.

(Перевод с фин. О. Мишина)

Несколько лет в Карелии осуществлялся международный проект «Kirjoittajakoulutus Karjalassa» («Школа литературного мастерства в Карелии»). Целью

данного проекта было привлечь в литературу молодые национальные творческие силы. Результатом этого проекта стал выпуск сборника произведений молодых авторов «Nuori Karjala» («Молодая Карелия», 2006), пишущих на финском, карельском и вепсском языках. Среди них оказались А. Кеттунен и К. Коротких. Обе пишут как прозу, так и поэзию.

Творчество А. Кеттунен близко к деревенской тематике. Большое влияние на нее оказало пребывание в карельской деревушке. Старый карельский дом, дрова в печи, запах просмоленной лодки – все это атрибуты маленького рая. Творчество М. Пришвина наиболее близко молодому автору (4, с. 25).

А. Кеттунен пишет как по-русски, так и по-фински, но свои русские стихи она пока не публикует. По ее мнению, стихи ей писать проще. Близость автора к природе можно встретить в ряде ее стихотворений. Например, «Pieni saari valtameressä./ Täällä on aika pysähtynyt,/ tänne olen taloni rakentanut…» («Маленький остров в море./ Здесь есть время остановиться, / здесь мой дом построен…»). Это временная остановка. Поэт ждет попутного ветра, с ним он поплывет смотреть мир, но обязательно вернется назад.

К. Коротких считает себя русской, хотя наполовину украинка. Родилась и выросла в Карелии. «Моя Карелия – это большой пазл, каждый кусочек которого часть моей жизни. Хотя пазл еще не собран до конца. Это мое будущее, хотя некоторые кусочки уже на местах. На картине мои друзья, родители, моя школа и мой университет… Составление пазла, вероятно, самое интересное в мире увлечение» (4, с. 27).

Произведения К. Коротких наполнены размышлениями о жизни и о себе. Ее поэзия характеризуется активной гражданской позицией, проза – представляет взгляд на современную жизнь. Интересен рассказ «Ryssät» («Рюсят»). «Рюсся» – так называют финны русских и карелов, проживающих в России. Это название носит негативный оттенок и закрепилось в сознании финнов начиная с XIX века. Пограничная Финляндия в разные исторические периоды вступала во взаимоотношения с Россией как торговые, так и военные, поэтому данное слово известно по обе стороны границы. Упоминания о «рюсся» встречаются как в художественной литературе Карелии, так и в исследованиях историков, этнологов, фольклористов.

Несмотря на то, что в название рассказа вынесено это слово, оно ни разу не встречается в тексте. Сюжет начинает разворачиваться в Финляндии, откуда отправляется автобус с «челноками» и просто людьми, возвращающимися в Россию. Основные действия разворачиваются в автобусе. Там оказываются разные люди: они разного возраста, образования, интересов, культуры. Насыщенные диалоги позволяют оценить эмоциональность ситуации. В центре конфликта – неуважение друг к другу, отсутствие должной культуры.

В конце рассказа один из главных героев говорит: «Tämä matka ei ole syy pettyäksesi kansaamme…» («Это путешествие не причина разочаровываться в нашем народе…»). Вывод, сделанный автором, говорит сам за себя.

В 2007 году в Петрозаводске вышла совместная книга К. Коротких и А. Кеттунен «Pidätä hetkeksi hengytystä» («Задержи дыханье на мгновенье»). Она сразу же получила широкий резонанс, т.к. стихи этих молодых авторов отличаются новым подходом. По мнению А. Мишина, в поэзии А. Кеттунен больше выделяется эмоциональная сторона жизни, а К. Коротких чаще беспокоят социальные проблемы (5, с. 11).

Творчество представленных финноязычных авторов различно по своей основе. У одних преобладают фольклорные мотивы, другого беспокоят проблемы современного мира. Все это отличает их от молодых представителей карелоязычной литературы, среди которых особо хотелось бы выделить творчество Натальи Антоновой и Натальи Синицкой.

Н. Антонова родилась в с. Ведлозеро Пряжинского района Карелии. Росла в большой семье, в которой говорили по-карельски. Заниматься творчеством начала в 1990-е годы. У нее есть два псевдонима: Декойн Деля и Шаллун Анни. Пишет прозу и поэзию. Ее стихотворение «Tsokki» («Чокки») было опубликовано в коллективном сборнике «Omil pordahil» («У родного крыльца», 1999). Это шуточное стихотворение написано хореистическим шестисложником.

Поэт использует в своем творчестве различные компоненты народно-поэтической традиции. Особенно это проявляется в стихотворениях для детей. Подборка таких стихотворений была опубликована в журнале «Carelia» («Карелия») в 2003 году. Совместно с И. Семаковой Н. Антонова подготовила сборник для детей «Turu-turu-tuššii…» («Туру-туру-тушшии…», 2005), в который вошли произведения карельского фольклора и оригинальные произведения автора.

Ритмика, музыкальность детского фольклора, богатство его хореической артикуляции, неразрывно связанные с игрой и пляской, активным действием, имели особое значение для различных жанров поэзии для детей (6, с. 52). Эту особенность учитывает Н. Антонова в своих произведениях. Например, в стихотворении «Tüönämmö pläšniä» («Наша работа плясать») шаги ребенка совпадают с ритмом произведения: «Pläši, pläši, poigaine,/ Pläši, pläši, kuldaine./ Pläši, pläši, pläkütä,/ Pläkütä da präkütä…» («Шлепай, шлепай, мальчик, / шлепай, шлепай, дорогой. / Шлепай, шлепай, пляши, / Пляши и топочи…»).

К. Чуковский писал: «Детские народные стишки, начиная от бабушкиных «Ладушек» и кончая «Караваем», чаще всего являются порождением игры» (7, с. 353). Потешки, колыбельные песни, четверостишия – все это есть в творчестве молодого автора. Любое из них можно проиграть, пропеть, станцевать.

Н. Антонова не ограничивается детской поэзией, она пробует себя и в драматургии. Совместно с Ольгой Карловой она написала пьесу «Tule, kuldoi, bes'odale…» («Приходи, золотой, на беседу…»). В основу сюжета положена история проведения в прошлом деревенских молодежных вечеров. Все это свидетельствует о поиске автором новых тем и решений. Н. Антонова занимает и активную гражданскую позицию. Она возглавляет молодежное объединение «Nuori Karjala» («Молодая Карелия»).

Большой интерес читательской аудитории вызвал сборник рассказов Н. Синицкой «In'aine» («Иришка», 2008). Он включает в себя 21 рассказ и написан от лица девочки. В центре повествования – современная карельская семья: мама, папа, бабушка, дедушка и двое детей (мальчик и девочка). Н. Синицкая единственная из молодых авторов обращается к теме семьи и семейных традиций.

Хранителем семейных традиций в рассказах является бабушка. Она проводит с внучкой больше всего времени и оказывает на нее самое большое влияние. Основы воспитания и народная мудрость переданы через образ бабушки. Несмотря на то, что современная семья не является патриархальной, образ патриарха, в данном случае бабушки, все-таки представлен.

Н. Синицкая в своих рассказах использует такой прием как сновидения. Юной героине снятся сны. В рассказах «Uni» («Сон») – связан с предстоящим рождением брата; «Toine ilmu» («Тот свет») – предсказывает смерть старушки Пелагеи; «Paha uni» («Плохой сон») – впечатления ребенка после посещения заброшенной деревни. Основой всех снов являются пережитые эмоции за день. Впервые в детской карелоязычной литературе встречается обращение к такому приему. Взрослые часто не задумываются над тем, как отражаются на ребенке события каждого дня, как на детей влияет настроение их близких.

Карельское содержание в книге подчеркивается не только описанием быта и традиций карелов, но и традиционными обращениями: «kuldaine» («золотая»), «muruine» («крошечка»). В рассказах упоминаются карельские имена Иня, Паля.

Книга Н. Синицкой знакомит юного читателя с семейными традициями. Язык рассказов прост и доступен детям. Они короткие по объему, легко читаются.

Среди представителей вепсской литературы особо выделяется творчество Ольги Жуковой. Она родилась в деревне Курба Подпорожского района Ленинградской области. После окончания школы приехала в Карелию и осталась жить в городе Петрозаводск. В детстве Оля любила читать сказки, а позднее стала и сама их писать (4, с. 77). Ее поэтическое творчество существенно отличается от творчества других молодых финно-угорских писателей Карелии.

В сборнике «Молодая Карелия» было опубликовано две сказки О. Жуковой: «Jäpuraz» («Сосулька») и «Kuna jokseb ojaine?» («Куда бежит ручеек?»). Обе сказки относятся к жанру бытовых.

Свои стихотворения о любви «Tusttun» («Тоскую») и «Sinunke» («Тебе») она опубликовала в сборнике «Veres tullei» («Свежий ветер», 2006). Детское стихотворение О. Жуковой (Ершовой) «Kodiživatoiden pagin» («Разговор домашних животных») было переведено на эстонский язык и опубликовано в сборнике финно-угорской литературы «Kuum öö» («Горячая ночь», 2006). Все это говорит об особом поэтическом даре автора.

Произведения молодых финно-угорских авторов Карелии, представленные в данной статье, лишь краткий обзор их творчества. Все они еще только в начале пути, но уже сейчас видны особенности их творческих дарований. У каждо-

го свой писательский голос. Молодые писатели Карелии пробуют свои силы в разных жанрах, разной тематике произведений, поднимают проблемы современности, не затрагиваемые представителями старшего поколения. Представительницы прекрасного пола преобладают среди молодых писателей.

Как дальше будет развиваться литература Карелии, покажет время, а сегодня можно сказать лишь, что имеющиеся немногочисленные молодые творческие силы полны энергии и стремления идти вперед.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Markianova L.* Karjalan kielen kehitysnäkymät // Carelia. 2008. № 8.
2. Писатели Карелии: биобиблиографический словарь. – Петрозаводск, 2006.
3. *Мишин А.* Финноязычная литература сегодня // INF. 2006. № 7.
4. Nuori Karjala. – Petroskoi, 2006.
5. *Mishin A.* Tuore tuulahdus Karjalan kirjallisuuteen // Karjalan Sanomat. 2007. 10. lokak.
6. Роль фольклора в развитии литератур народов СССР. – М., 1975.
7. *Чуковский К.* От двух до пяти. – М., 1962.

Natalya Chikina

CREATIVE WORK OF YOUNG FINNO-UGRIC AUTHORS IN KARELIYA

Republic of Kareliya is a place, where three finno-ugric literature are developed: in the Finnish language, in the Karelian language and Vepsian language. Level and degree of development of these literature are different. If literature in the Finnish language was developed from 1920, the literature in the Karelian and Vepsian languages has got its development only in post-Soviet epoch.

Finnish literature is presented by three young authors: Enska Yakobson, Anise Kettunen and Christina Korotkih. Natalya Antonova and Natalya Sinitskaya write in the Kareliyan language. Among representatives of the Vepsian literature Olga Zhukova's creative work stands out specifically.

Creative work of young finno-ugric authors in Kareliya, presented in the article, is only synopsis. All of these authors are only at the beginning of initially way, but presently we watch particularities of their creative talents. Beside each of them has their voice.

«Финно-угроведение», 2009, № 1

Михаил Рогачёв
Сыктывкар

ГУЛАГ В КОМИ КРАЕ (1929–1960)

С 1929 г. в СССР начала создаваться новая система мест лишения свободы – исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ). 25 апреля 1930 г. было создано Управление лагерями (УЛАГ) ОГПУ, в конце 1930 – начале 1931 г. получившее статус главка (ГУЛАГ). В 1934 г. ГУЛАГ был передан НКВД (с 1946 г. – МВД) СССР. С помощью лагерей предполагалось освоение отдаленных малонаселенных богатых природными ресурсами районов СССР. Производственная деятельность лагерей, основанная на труде заключенных, стала одним из важных элементов советской экономики 1930–1950-х гг.

Коми АО (с 1936 г. – Коми АССР) было суждено сыграть особую роль в истории ГУЛАГа. Здесь были созданы первые в СССР исправительно-трудовые лагеря, на базе которых сложился один из самых больших «островов архипелага ГУЛАГ». В 1930–1950-е гг. лагеря играли основную роль в развитии горнодобывающего комплекса, значительную – в лесозаготовительной промышленности и транспортном строительстве Коми АССР. Из лагерей «выросли» почти все города Республики Коми – Ухта, Воркута, Инта, Печора, Сосногорск, Емва, Микунь. «Лагерная индустриализация» была оплачена сотнями тысяч жизней заключенных.

Первый ИТЛ в Коми АО был организован 28 июня 1929 г. Это были Северные лагеря ОГПУ особого назначения (УСЕВЛОН, Севлаг, СЕВЛОН). В производственную задачу УСЕВЛОНа входили строительство железной дороги Пинюг – Усть-Сысольск, тракта Усть-Сысольск – Ухта, проведение геологических работ на Ухте и Печоре и организация нефтепромысла в районе Ухты, а также лесозаготовки в Архангельской области. В июле-августе 1929 г. в составе СЕВЛОНа на правах отдельного лагпункта (ОЛП) была образована Ухтинская экспедиция ОГПУ, которая приступила к исследованию Ухтинского нефтяного района и организации нефтепромысла. Управление СЕВЛОН находилось в Усть-Сысольске, но в конце 1929 г. оно было переведено в Котлас, а в конце 1930 г. – в Сольвычегодск.

СЕВЛОН был ликвидирован приказом ОГПУ от 6 июня 1931 г. Однако тем же приказом были образованы Усть-Вымский ИТЛ, который должен был дост-

роить тракт Сыктывкар – Ухта и завершить строительство железной дороги Пинюг – Сыктывкар, и Ухто-Печорский ИТЛ, сформированный на базе Ухтинской экспедиции (центр – пос.Чибью, с 1943 г. – город Ухта). Усть-Вымский ИТЛ в связи с завершением строительства тракта и консервацией строительства железной дороги уже 5 марта 1932 г. был реорганизован в лаготделение (ЛО), а немного позже – в перевалочный ОЛП Ухто-Печорского ИТЛ (ОЛП находился у д. Вогваздино, а его управление – в Усть-Выми). Ухто-Печорский ИТЛ (УПИТЛаг, Ухтпечлаг) стал одним из крупнейших лагерей СССР. В его производственную задачу входили разведка и добыча нефти, радия, асфальтитов, угля, строительство автомобильных и железной дороги.

В 1937–1938 гг. была проведена реорганизация лагерей Коми АССР. 16 августа 1937 г. на базе Пезмогского комбината УИТУ НКВД СССР (образован в 1932 г. с центром в пос. Пезмог) был создан лесозаготовительный Локчимский ИТЛ. 10 мая 1938 г. был ликвидирован Ухто-Печорский ИТЛ, а на его базе созданы Ухто-Ижемский (основные производственные задачи – разведка, добыча и переработка нефти, асфальтитов, добыча и переработка радиевой воды), угледобывающий Воркутинский (центр – пос.Воркута, с 1943 г. – город), Северный железнодорожный (строительство железной дороги от Котласа до Воркуты) (центр – пос. Железнодорожный, совр. г. Емва) и лесозаготовительный Усть-Вымский (центр – пос.Вожаель) ИТЛ.

Перед войной произошла новая лагерная реорганизация. 14 мая 1940 г. был организован Северо-Печорский ИТЛ (Севпечлаг, Печжелдорлаг) с центром в пос.Абезь (позднее – ст.Печора), строивший железную дорогу на участке Кожва – Воркута (Севжелдорлаг теперь отвечал только за строительство участка Котлас – Кожва). 17 августа 1940 г. был закрыт Локчимский ИТЛ с передачей всех его подразделений Усть-Вымскому ИТЛ.

В годы войны лагерная структура также неоднократно реорганизовывалась. Приказом НКВД СССР от 17 ноября 1941 г. были разукрупнены Ухто-Ижемский и Воркутинский ИТЛ: из первого был выделен Верхне-Ижемский, из второго – Интинский ИТЛ (центр – пос. Инта, с 1954 г. – город). Верхне-Ижемский ИТЛ должен был заниматься развитием Крутянского газового промысла и строительством газо-сажевых заводов. Однако уже 17 июля 1942 г. он был ликвидирован с передачей его подразделений обратно в Ухто-Ижемский ИТЛ.

В июле 1941 г. был создан Заполярный ИТЛ с центром в Воркуте. Он должен был строить железную дорогу Воркута – Хабарово, зимник и временный порт у Югорского Шара. Однако этот проект не был реализован. 25 января 1942 г. Заполярный ИТЛ был объединен с Северо-Печорским ИТЛ.

Приказом НКВД СССР от 11 июля 1943 г. в составе Воркутинского ИТЛ было создано специальное отделение каторжных работ на 10 тыс. заключенных (по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. ссылка на каторжные работы на срок от 15 до 20 лет применялась по отношению к

пособникам фашистских оккупантов, шпионам и изменникам Родины). На 1 июля 1945 г. в каторжном отделении Воркутинского ИТЛ содержались 12,9 тыс. заключенных.

15 сентября 1945 г. из Инталага был выделен небольшой Щугорский ИТЛ (добыча угля на руднике Еджыд-Кырта), но уже 30 декабря 1946 г. он был ликвидирован (реорганизован в ЛО Интинского ИТЛ).

В 1948 г. в СССР были созданы особые лагеря, в которых должны были содержаться только осужденные по политическим статьям. В особые лагеря перевели каторжан, а каторжные отделения были закрыты. Особый лагерь № 1 (Минеральный ИТЛ, Минлаг) был создан 28 февраля 1948 г. «в помещениях Интинского ИТЛ» (соответственно 1 ноября 1948 г. Инталаг был закрыт). 27 августа 1948 г. на базе ряда подразделений Воркутинского ИТЛ был создан Особый лагерь №6 (Речной ИТЛ, Речлаг).

Позже других, 25 октября 1952 г. был создан Особый лагерь №12 (Водораздельный ИТЛ). Он базировался на станции Микунь и занимался лесозаготовками. Уже 29 апреля 1954 г. Водораздельный ИТЛ был реорганизован в 9-е (Микуньское) ЛО Усть-Вымского ИТЛ. И почти сразу же, 25 июня 1954 г. на базе Микуньского ЛО был создан Косланский ИТЛ.

В 1949 г. появляется Обский ИТЛ (ИТЛ при строительстве 501). Управление лагеря находилось в Салехарде, а основной район работ – в Ямало-Ненецком АО Тюменской обл. Однако часть работ лагерь выполнял на территории Коми АССР (железнодорожное строительство на участке Воркута – Косью, Хановей – Мульда и др.).

В связи с завершением основных работ по строительству Северо-Печорской железной дороги отпала необходимость в крупных железнодорожных лагерях. 24 июля 1950 г. Севжелдорлаг и Печжелдорлаг были объединены в Печорский ИТЛ (центр – ст. Печора, с 1949 г. – город), унаследовавший всю производственную базу обоих лагерей.

После смерти И.В.Сталина лагерная система в Коми АССР начинает сворачиваться. 12 февраля 1954 г. закрылся Обский ИТЛ (часть его подразделений была передана Печорскому ИТЛ). 25 мая 1954 г. был ликвидирован Особый лагерь №6 (Речной ИТЛ) – он был объединен с Воркутинским ИТЛ. 18 мая 1955 г. прекратил свое существование Ухто-Ижемский ИТЛ (оставшиеся подразделения переданы Печорскому ИТЛ). 6 марта 1957 г. был закрыт Особый лагерь №1 (Минеральный ИТЛ) с передачей части его подразделений Печорскому ИТЛ. 5 августа 1959 г. был закрыт и Печорский ИТЛ, до этого «вобравший» в себя «остатки» пяти лагерей. Часть его подразделений была передана в Воркутинский ИТЛ.

На момент ликвидации ГУЛАГа в 1960 г. на территории Коми АССР остались Воркутинский, Усть-Вымский и Косланский ИТЛ, позднее реорганизованные в связи с созданием новой системы мест лишения свободы.

Название ИТЛ	Численность заключенных на 1 января, тыс. чел.									
	1930	1931	1932	1933	1934	1935	1936	1937	1938	1939
СЕВЛОН	20,3	49,7								
Ухтинская экспед. ОГПУ		0,8								
Ухто-Печорский			9,0	20,9	23,8	20,7	21,7	31,0	52,8	
Локчимский									18,9	26,2
Усть-Вымский		21,3							5,2	12,0
Ухто-Ижемский									27,0	
Северный железнодор.										29,4
Воркутинский										17,9

Название ИТЛ	Численность заключенных на 1 января, тыс. чел.									
	1940	1941	1942	1943	1944	1945	1946	1947	1948	1949
Локчимский	22,6	10,3								
Воркутинский	16,5	19,1	28,6	27,8	25,3	39,7	52,2	н/св	62,5	н/св.
Ухто-Ижемский	19,4	23,2	25,3	22,8	15,3	12,9	11,0	24,6	34,0	35,6
Усть-Вымский	10,9	14,1	21,9	24,2	13,6	15,3	12,3	16,6	20,7	20,4
Северный железнодор.	26,3	84,9	53,3	29,7	14,8	12,4	13,5	26,6	23,7	29,1
Печорский железнодор.		34,9	102,3	58,8	23,0	33,6	34,8	56,6	47,8	39,4
Интинский			н/св.	6,5	7,5	9,3	14,9	20,6	18,7	
Минеральный										24,1
Речной										7,5
Щугорский							2,3			
Заполярный			1,0							

Название ИТЛ	Численность заключенных на 1 января, тыс. чел.									
	1950	1951	1952	1953	1954	1955	1956	1957	1958	1959
Воркутинский	62,7	72,9	41,7	36,8	33,1	52,4	50,5	49,6	н/св.	20,8
Ухто-Ижемский	37,1	34,5	33,5	30,2	16,7					
Усть-Вымский	19,9	н/д	21,9	23,6	17,9	19,6	19,9	21,4	н/св.	20,1
Северный железнодор.	27,7									
Печорский железнодор.	42,0									
Печорский		59,4	38,9	47,0	23,7	18,5	10,0	7,4	н/св.	12,8
Минеральный	28,4	33,0	34,4	27,8	28,0	15,3	10,3	6,8		
Речной	25,0	27,5	35,5	35,4	37,6					
Водораздельный				1,2						
Косланский						4,4	4,1	7,1	н/св.	8,1

Примечания:

Среднегодовая численность: Усть-Вымский ИТЛ – 1931, Ухто-Печорский ИТЛ – 1932, 1933 гг.; численность заключенных Минерального ИТЛ за 1957 г. – на 28.03; Водораздельного ИТЛ – на 01.03.1953; Косланского ИТЛ – на 01.07.1955.

Michael Rogatchyov

GULAG IN KOMI REGION (1929–1960)

The article is devoted to the history of creation of corrective-labour camps in Komi region from 1929 to 1960. It was supposed to remote sparsely populated areas of USSR with rich natural resources by means of camps development. The industrial activity of camps based on work of prisoners and became one of the important elements of the Soviet economy of 1930–1950. After I.V.Stalin's death camp system in Komi USSR starts to be turned off. At the moment of liquidation of GULAG in 1960 Vorkutinsky, Ust-Vymsky and Kosminsky corrective-labour camps were remained and they were reorganized in communication by creation of new places of imprisonment.

«Финно-угроведение», 2009, № 1

Василя Хакимова
Ижевск

ГАЯЗ ИСХАКИ И КЕДРА МИТРЕЙ
(сопоставительный анализ произведений)

Одним из актуальных вопросов теории литературы на сегодняшний день является сравнительно-сопоставительный метод изучения литератур. Дискуссии на эту тему продолжаются уже в течение нескольких десятилетий (см., например, материалы «круглого стола», прошедшего в Москве в ИМЛИ РАН «Проблемы современного сравнительного литературоведения», 2004). Среди тех, кто разрабатывает новые концепции можно назвать М.Н. Липовецкого, Ю.Г. Нигматуллину и др.

Метод сопоставления позволяет выявить сущность и специфику национального духа писателей, истоки их литературного мастерства, а также пути взаимовлияния и взаимообогащения творчества писателей.

В современных литературоведческих работах, касающихся истории и теории литературы, монографическое рассмотрение отдельных литературных явлений, а также описание изолированных объектов постепенно уступает место их целостному осмыслению в границах разного рода систем и в сопоставлении с явлениями либо сходными, либо им противостоящими. Все большую значимость приобретает сравнительный метод изучения литератур, вопросы взаимодействия и соотносимости литературных феноменов как внутри одной национальной литературы, так и между литературами разноязычными.

Если татарская литература своими корнями уходит в глубь веков и в своем развитии проходит ряд исторических этапов, то удмуртская литература – более молодая. Начальный этап татарской литературы связан с государством Волжская Булгария. Удмуртская литература как художественное самовыражение удмуртского этноса зародилась в середине XVIII века. Истоки любой литературы – в фольклоре. Из глубин веков пришли в удмуртский фольклор образы и мотивы фарсиязычной поэзии, фольклорные и литературные традиции тюркских, славянских и других народов.

Удмуртский критик и литературовед Ф.К. Ермаков констатирует, что «... удмуртское литературоведение на протяжении ряда десятилетий в какой-то мере касалось взаимосвязей литературы родного народа. Однако до сих пор не создана работа монографического плана, в которой бы эта актуальная проблема рассматривалась в процессе развития литературы».

Если татарская литература к началу XX столетия добилась очевидных успехов, создав своеобразный восточно-западный синтез, то в этом большую роль сыграли ее многовековые взаимосвязи с культурой Востока. Диалог татар с мусульманским Востоком обусловлен множеством факторов. Но основным из них является единство религии. Нечто подобное проявляется и в удмуртской литературе. Нужно отметить, что восточные традиции в культуре немусульманских народов Поволжья обнаруживают себя в несколько иной форме, чем у татар. Наиболее ярко они выражены в устной словесной культуре удмуртов, то есть в бесписьменных традициях.

В этом исследовании татарская литература конца XIX – начала XX веков показана на материале творчества Гаяза Исхаки, выразившего себя в рамках просветительского и критического реализма. Оценка его творчества представлена главным образом в трудах И. Нуруллина, Ф. Мусина, А. Сахапова, Р. Ганиевой и других.

Удмуртская литература этого же периода представлена творчеством писателя Кедра Митрея, которое развивалось также в рамках просветительского и критического реализма. Оценка его мастерства и роли в удмуртской литературе дана в отечественном литературоведении как с позиций социалистического реализма (Ф. Ермаков, А. Ермолаев), так и с использованием новейших литературоведческих теорий (А.С. Измайлова-Зуева, В.Л. Шибанов, С.Т. Арекеева).

В истории каждой литературы есть писатели, имена которых остаются в этой литературе навсегда не только как символ ее славы, как одно из свидетельств вершинности творений национальной словесности, но и как явление, знаменующее собой возникновение в ней своего рода идеала искусства. Можно сказать, что с этими именами связано ощущение своего «национальнейшего» духа в том смысле, что и писатели, стремящиеся ориентироваться на их наследие, и те, кто намеревается не считаться с ними вовсе, все же должны иметь в виду как стержневую составляющую национальной традиции. В таком особом положении по отношению к отечественной литературе находятся в литературе Татарстана – Гаяз Исхаки (1878–1954), а в удмуртской литературе – Кедра Митрей (1892–1949). Их объединял и род деятельности: учитель, журналист, публицист; они оба занимались издательской деятельностью. Исследования биографов Гаяза Исхаки и Кедра Митрея свидетельствуют о множестве параллелей в их судьбах, невольно заставляет задуматься: не об одном ли и том же человеке читаешь? Это были гуманисты, просветители, организаторы, общественные деятели, лидеры, руководители. Они имели сильный дух и твердый характер.

Оценивать национальную литературу в тот период стали по высоким критериям мировой литературы. Тем самым творчество этих писателей знаменует включение национальной литературы в «мировой контекст». Обоим писателям присуще совершенно особое отношение к иноземной литературе: они не столько подражают или переводят, сколько свободно оперируют опытом мировой лите-

ратуры, ощущая ее как свое собственное достояние, как своего рода общий литературный «лексикон». (Ср.: трагедии Кедра Митрея «Эш – Тэрек» (1912) – «Борис Годунов» А.С. Пушкина или «Зиндан» Гаяза Исхаки – «Подросток» Ф. Достоевского). Можно сказать, что и Гаяз Исхаки, и Кедра Митрей вмещают в себя весь опыт предшествующей литературы, тем самым завершая целую эпоху национальной литературы и открывая литературу нового времени. В своих произведениях писатели отобразили свой характер, внутренний мир, душеные переживания, впечатления, свой жизненный опыт и биографию. Как Л.Н. Толстой выразил себя в образе Нехлюдова, Левина, как Ф.М. Достоевский – в образе Льва Мышкина и т.д., так и Гаяз Исхаки и Кедра Митрей отобразили себя не только в автобиографических повестях «Зиндан» и «Дитя больного века», но и через характеры и судьбы героев и в других произведениях – на автопсихологическом уровне.

Литература, как известно, выполняет многие функции, но в первую очередь эстетическую. В художественных произведениях Кедра Митрея и Гаяза Исхаки центральными становятся такие категории, как гармония, простота, естественность стиля. В этой связи сравнительно-типологический анализ творчества этих писателей мы проводим, прежде всего, через сопоставление принципов стилевой организации их художественного мира.

Гаяз Исхаки писал на татарском литературном языке конца XIX – начала XX века, что сделало его известным литератором, сильным драматургом, пламенным публицистом. В его текстах отразилось своеобразие, характерное для книжного языка того времени. И это можно увидеть в каждой области его литературного творчества.

В татарской и удмуртской литературе конца XIX – начала XX века наблюдается параллельное сосуществование 2 видов повествования. Первый вид заключается в том, что повествование ведется путем соединения авторской речи и диалога, а второй сводится к описанию событий только с помощью монолога автора. В произведениях Гаяза Исхаки «Шэкерт абый» («Дядя Шакирд»), «Кияу» («Зять»), «Котелгэн бикэч» («Долгожданная невеста») повествование ведется не только от лица автора, но и местами наблюдается переход к диалогу. В этих произведениях язык персонажей ни в лексическом, ни в синтаксическом отношении еще не отличается индивидуальными особенностями от повествования автора. Однако в таких коротких рассказах, как «Калуш» («Галоши»), «Хэлимэ туташ» («Девушка Халима») Гаяза Исхаки и в автобиографической повести «Дитя больного века» Кедра Митрея, в которых количество действующих лиц не велико, использование для описания происходящих событий только авторского повествования выглядит выигрышно.

Можно утверждать, что концепция автобиографической повести Кедра Митрея «Дитя больного века» соответствует идейно-эстетическому направлению повести Гаяза Исхаки «Разве это жизнь?», написанной в форме дневника. Оба этих произведения совпадают и по времени создания. «Разве это жизнь?» напи-

сана в 1909 году, издана в 1911 г. (на татарском языке). Повесть «Дитя больного века» написана в 1911 году (на русском языке).

Оба произведения глубоко психологичны, начинаются с дневниковых записей студента. Их герои размышляют о своей жизни. Герой Гаяза Исхаки на протяжении всей повести ищет смысл своего существования. И, кажется, даже находит его – это служение своему народу. Именно для этого молодой человек усердно учится, постигает науки, изучает ремесло и русский язык. Но ничего из этого не вышло. Молодой хазрет был вынужден подчиниться обычному ходу вещей, окунуться в обыденную, будничную жизнь. Он приходит к выводу, что прожил жизнь зря, что не смог осуществить цели, что его затянула в себя трясина жизни. Героя удмуртской повести в сходной же ситуации захватывает мысль о самоубийстве.

Тщательно продуманы и разработаны в отношении жанрового определения произведения Гаяза Исхаки, в которых личное перемежается с вымыслом, выстраданное «обволакивается» обобщениями, рождая истинно художественные образы. В целом, для татарской и удмуртской литературы конца XIX – начала XX века язык Гаяза Исхаки и Кедра Митрея выглядит архаичным, но писатели стремились писать языком образованных людей, книжным языком.

Таким образом, исследование и сопоставление автобиографического жанра выявляет множество точек соприкосновения в творческих судьбах Гаяза Исхаки и Кедра Митрея. Оба они родились и воспитывались в семьях, где религиозность занимала важную роль. Это не могло не сказаться на схожести их творческих судеб. Далее школой возмужания, формирования мировоззрения обоих стала Казань. Именно здесь, в «столице Поволжья», и Гаяз Исхаки, и Кедра Митрей проникаются духом свободолюбия, у обоих складывается одинаковое отношение к социальным потрясениям начала XX века, к национальному вопросу. По автобиографическим произведениям видно, как у разных по национальности молодых писателей формируется сходное жанровое мышление; мы имеем в виду, что и Гаяз Исхаки, и Кедра Митрей пробуют себя в самых разных жанрах: автобиографической повести, исторической драме, романе и повести. Трудно назвать такое пересечение случайным совпадением, т.к. формирование прослойки национальной интеллигенции в условиях царского гнета, шовинистического отношения к национальным меньшинствам шло в регионе типологически-сходными путями.

В художественной литературе, как в зеркале, отражаются насущные проблемы функционирования природы и ее центрального феномена – человека. Такая простая и в то же время несущая сильную философскую окрашенность гуманистическая идея накрепко связала творчество Гаяза Исхаки и Кедра Митрея.

Исторический фон и его атрибуты аналогичны у обоих народов: сюда относятся трудности в создании своей государственности (продолжающийся племенной распад, чужеземные колонизации); смена религий (почти повсеместный переход к христианству или исламу (монотеизму) и сохранение одинаково

сильной тяги к языческим корням); модернизация истории (в данном случае в угоду ведущей идеологии и ее верноподданным служителям); противоречивость лозунгов в области духовной культуры в вопросах надобности для народов цивилизованности вообще и мировой цивилизации в частности; нарочитое непонимание того факта, что мировая цивилизация – понятие абстрактное, заключающее в себе в конечном итоге только доминирующую цивилизацию (например, цивилизацию народа-победителя), в силу своей «безвыходности», хаотичности, терпящее крах, крайне медленное формирование национальных литератур и обреченность некоторых из них на исчезновение. Таким образом, творческие связи в своем историческом развитии имели самые различные формы, у каждой культуры и литературы они приобретали свои оттенки и виды, но при этом несли в себе и общие, присущие всем народам Волго-Камья, характерные черты.

Кедра Митрей изучал историческую эпоху по книге П. Луппова «Христианизация у вотяков в первой половине XIX века» (1911), по этнографическим трудам Г.Е. Верещагина «Вотяки Сосновского края» (1886), «Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии» (1889) и др. По словам писателя, он использовал также и архивную рукопись «Преподнесение адреса и наперстного креста своему пастырю прихожанами-инородцами, вотяками 1901 года», найденную в архиве библиотеки города Вятки.

Кедра Митрей удачно сочетает в своем творчестве романтизм и реализм. Тому примером является роман «Тяжкое иго» – книга о жизни удмуртских крестьян, находящихся под двойным гнетом: церковным и социальным. Читается легко, для него характерно обилие юмора и сатирических сцен, образность языка. Роману «Тяжкое иго» тематически близка драма «Зулейха» Гаяза Исхаки. Основные конфликты драмы связаны с резким неприятием татарским народом насильственной христианизации. Национальный конфликт, своеобразие жизни татар показано через их традиции, национальный менталитет. Опираясь на многовековой опыт татарской литературы, Гаяз Исхаки в то же время использует богатый национальный фольклор. При характеристике, оценке персонажей, актуализируются мифологические образы, а также включаются пословицы, поговорки и другие языковые средства. В драме «Зулейха» дан традиционный сюжет татарской свадьбы. В кульминационных точках развития действия Гаяз Исхаки, как и Кедра Митрей, обращается к народному творчеству.

Итак, в романе Кедра Митрея изображен трагический процесс христианизации удмуртов. Профессор А.С. Измайлова-Зуева убедительно показала, как в этом произведении вступают в «диалог» языческая и христианская культуры, к каким драматическим последствиям приводила насильственная христианизация.

Сопоставляя творчество двух писателей, мы обнаружили, что перед нами – два уникальных таланта, создавших национально отраженный художественный и эстетический мир. Творчество Гаяза Исхаки и Кедра Митрея всесторонне изучается татарскими и удмуртскими литературоведами. Однако сравнительно-со-

поставительный метод позволяет нам посмотреть на их творчество несколько с другой «точки зрения», при этом многие незначительные детали и совпадения становятся существенными.

И Гаяз Исхаки, и Кедра Митрей жили и творили в одну историческую эпоху – эпоху бурных катаклизмов, революций, национального гнета и этнического пробуждения. Они оказались первопроходцами национальной литературы и лидерами в общественной жизни. Произведения обоих писателей в годы культа личности были изъяты на десятилетия из культурного наследия многонациональной российской литературы.

Vasilya Khakimova

GAYAZ ISKHAKI AND KEDRA MITREY
(comparative analysis of products)

One of actual questions of the theory of the literature is the rather-comparative method of studying of literatures. In history of each literature there are the writers which names remain for ever not only as a symbol of its glory but as the phenomenon, marking themselves occurrence of an ideal of arts. In this special position in relation to the native literature there are two persons: Gayaz Ishaki (1878–1954) – in the literature of Tatarstan, and Kedra Mitrey (1892–1949) – in Udmurt. They were united also by an activity sort: the teacher, the journalist, the publicist; both of them were engaged in publishing. The concept of the autobiographical story of K.Mitrey «The child of a sick century» corresponds to an ideologically-ethical direction to lead G.Ishaki «Is it a life unless?». In these products the set of things comes to light in common. Writers in these products have displayed features of outlook of two epochs.

«Финно-угроведение», 2009, № 1

Kirsi Mäkelä
Helsinki

RITUAL PLACES OF TRANS-KAMA UDMURTS: A CASE-STUDY FROM THE VILLAGE OF BOLŠOJ KAČAK

In this article I will look at the ritual places of Trans-Kama Udmurts, which are related to their ethnic religion. I will use ethnographical data from the village of Bolšoj Kačak, which is situated in the area of Kaltasy in the Republic of Baškortostan. What kind of meanings Udmurts give to the old ritual places in the present post-soviet period of time? How the landscape of ritual places is different from the end of the 19th century?

Bolšoj Kačak is one of the oldest dwelling places of Trans-Kama Udmurts, although its history of emergence is not known exactly. Presumably it has existed on the second half of the 17th century (Sadikov & Mäkelä 2008.) According to the census in 1722–1723 there were living 54 male Udmurts (female inhabitants were not counted) in the village (1). In 1870 there were 124 households, in which were living 732 people and 704 out of them were Udmurts (2). Nowadays Bolšoj Kačak is the center of five other villages, of which three are Udmurt (Malyj Kačak, Kurgak and Kačkinturaj) and two Tatar. According to the administration of Bolšoj Kačak in 2008 the population of the village was 624.

Two Finnish researchers have stayed in Bolšoj Kačak. First, ethnographer Axel O. Heikel visited there in 1884, but his notes on village remained short and fragmentary*. Afterwords linguist Yrjö Wichmann conducted research in the village in summer 1894. During one month he collected dialectic vocabulary of Udmurt language. He also made ethnographical observations, on the basis of which he wrote notes about religious customs and rituals of villagers (3). In order to look at the history of ritual places in Bolšoj Kačak I will use the material of Wichmann. It will be compared with the ethnographical data of the author from the village in summer 2008.

Ritual places are central to the ethnic religion of Udmurts. In these places there are conducted rituals to nature gods in order to maintain welfare of the community. Rituals include common prayers, sacrificing of animals and ritual meals. The ritual places of Udmurts are usually situated in nature. Thinking about the sacred places

---

*Notes are kept in the Ethographic Manuscript Archive of National Board of Antiquities of Finland.

in the world, some of them are differentiated from landscape by clear material symbols, for example churches. On the other hand there are sacred places, which do not have so visible signs of sacredness. They are made sacred through religious action (4, c. 24–27). The sacred places of Udmurts fall more or less into the latter category. They are often hills, fields, meadows, groves or springs.

In the following I will take up the classification of sacred places of Trans-Kama Udmurts (5) and present the ethnographical data from Bolšoj Kačak. First can be mentioned *kuala*, which was the only ritual building, that existed among Udmurts. It used to be a small log house, which was situated on the yard of every household. In *kuala* there was worshipped *voršud*, which means the guardian spirit of the kin group. *Kualas* existed of two types. Others were owned by separate families and others by bigger kin groups. (ibid. 119–120). Yrjö Wichmann wrote, that in 1894 in Bolšoj Kačak every house had *kuala*, which was used as a praying house and a summer kitchen. Moreover there were five *kualas*, from which four were born out of one, because the village was so big. Fifth *kuala* was owned by a kin group, which has later moved to the village (3, c. 46). Thus by five *kualas* he means the ones, which were owned by kin groups. Usually *kualas* were named after their *voršud* kin group (for example *Pelga kuala*), but Wichmann does not mention these names.

In summer 2008 *kuala* buildings did not exist anymore in the village and information about them was fragmentary. Old villagers could point out nine places of *kuala* and tell some memories related to them. This amount was not final, as it seem to me, that almost every older villager remembered the existence of an old *kuala* building in their yard. The difference between family and kin *kualas* was not anymore clear. Two of *kualas* seemed to have been owned by bigger group. One was refered as *Ullapal kuala** . It was also told, that there used to be *kuala* in Vannapal**, to which many inhabitants of Vannapal went. V*oršud* names of *kualas* were not anymore remembered. It was also told about smaller *kualas*, which were refered by the name of the owner, for example *kuala* of Nury.

Second kind of sacred place of Udmurts is *lud*. It used to be a fenced grove, in which evil spirit *lud* was worshipped. In old times only men were aloud to attend the rituals, which had differing character from other rituals (5, c. 120–122). Yrjö Wichmann wrote, that there were two fenced *lud* groves in Bolšoj Kačak in 1894. The other *lud* was owned by 12 men of the houses. Communal sacrificing rituals were conducted in *lud* two times a year, in summer and in winter. During the stay of Wichmann there were two rituals in *lud*. One was arranged for the building of new fence around the grove and the other was annual summer ritual (3, c. 46–48).

In 2008 *lud* groves have not remained fenced and their ritual use has changed. Other *lud* is situated on the northwestern side of the village above the hill called Typy vyr. Nowadays villagers use for it an alternative term *keremet*. According to the oral tradition trees from *keremet* were cut off for firewood during the second World War.

---

* Ullapal means the lower part in Udmurt village structure.

** Vannapal is the upper part of the village.

Villagers considered the destroying of *keremet* bad and many told, that the orderer and/or the cutters died afterwards. Other *lud* of the village was not remembered so well. It was refered by term *lude pyron*, which actually means the ritual conducted in *lud*. The place is situated on the southern side of the village by the road to Malyj Kačak. Nowadays the summer rituals of the village* are conducted near to *keremet* and place of *lude pyron*, but the rituals do not have character of *lud* ritual. Also *siz'is'kon*, promising ritual, is conducted sometimes in these places day before *badzyn vös'*, which is a big prayer of four villages. Especially about *keremet* it was told, that after the cutting of trees people still went there to throw silver coins in order to wish health for their families.

Third, in the villages of Udmurts existed different *vös'as'kon/kuris'kon intys*, which mean places for prayer. These prayers might have been among one village, some part of the village or with other villages (5, c. 122–123). Important *vös'as'kon intys* in Bolšoj Kačak in 1894 were two meadows for *mer vös'* (big prayer). *Mer vös'* was organized together with three neighbouring villages (Malyj Kačak, Kurgak and Kačkinturaj). Wichmann attended the ritual on 2nd of July and wrote an exact description of the ritual. The ritual lasted three days with sacrifices, prayers and festivities (3, c. 48–50).

Nowadays in the village *mer vös'* is called *badzyn vös'*, which also means a big prayer. Term *mer vös'* is not anymore used. The celebration of *badzyn vös'* have been started again at the beginning of 21st century. At the same time these ritual places have been enclosed with a picket fence. *Badzyn vös'* is celebrated every third year together with three nearby Udmurt villages mentioned above. The other place for *badzyn vös'* is called Atabaj and it is situated on the northern side near to the village of Kačkinturaj. According to some villagers, in old days Atabaj was inhabited as well, but later people moved from there to Bolšoj Kačak. Other place for *badzyn vös'* is called simply *vös'as'kon inty* and it is located on the hill called Čijapu gurez' (the hill of cherry trees), which is to the south of the village. Many narratives and ghost stories are told about both of these places. In summer 2008 *badzyn vös'* was celebrated in Atabaj. Nowadays it lasts just one day, but day before is conducted ritual (*siz'is'kon*), where it is promised to celebrate *badzyn vös'*. In summer 2008 *siz'is'kon* took place near to *keremet*.

Yrjö Wichmann wrote also about other rituals called *poksur ošmeš vös'*** and *typy vyr vös'**** , places of which fall into the category of *vös'as'kon inty*. In these places sacrificing rituals were conducted every third year. *Poksur ošmeš vös'* took place on a spring on the southwestern side of the village. The area of the spring was fenced with a log fence. Typy vyr was a long hill on the northwestern side of the village and there was growing one oak (3, c. 51).

---

* Likely this ritual is called also *pokči vös'*, which means a small prayer. The celebration of *pokči vös'* has started in the middle of 1990's.

** *Poksur ošmeš* means the spring of the small river.

*** *Typy vyr* can be translated as an oak hill.

Nowadays villagers do not remember these rituals. Poksur ošmeš is not anymore fenced, but the log fence was remembered by many. Many villagers mentioned, that from the spring it was taken water for tea and soup. That is why the spring was also called Čajvu (tea water). Water was used also in healing in the case of eye disease. *Typy vyr vös'* was neither remembered. Villagers told that there was earlier growing a holy oak, but it was accidently burnt by a school boy in 1980's. This may be the same oak, about which Wichmann was writing, as it is known that oaks may live even 1000 years.

In addition to these ritual places, there was nowadays also one other place called by term of the ritual *mu kuris'kon*, which means the prayer of the earth. It was situated on the southern side of the village on a high bank of Poksur brook. Wichmann does not mention this place. In the same manner, as the rituals of the village (*pokči vös'*) and *siz'is'kon* rituals were celebrated in the places called *keremet* and *lude pyron*, they were also conducted in *mu kuris'kon*. These three places served as a stage for the rituals by turns. Every year, when there was no *badzyn vös'*, separate villages arranged their own rituals among the villagers. For example in the place refered by term *mu kuris'kon*, the ritual of the village was arranged in summer 2007.

Fourth, there were *lykelân* places, to which the bones of the sacrificed animals were taken. Bones were hung on trees (5, c. 123). Yrjö Wichmann does not write about this ritual place in Bolšoj Kačak. According to the field material of the author there used to be *lykelân* in the village. It was situated on the southeastern side in the direction of Kurgak village. Trees in the place did not exist anymore, but place was remembered by some elders. Also many young people knew it because of the ghost stories related to it.

Fifth kind of ritual place of Udmurts is *šaj*, which is cemetary. In the villages there could be separate cemetaries for different nationalities and also for children without name, embryos in the case of miscarriage and to people, who had died in unnatural way (5, c. 123). Yrjö Wichmann does neither write about the cemetery in Bolšoj Kačak in 1894. Nowadays the cemetary is situated to the north of the village. In the village there are no separate cemeteries. Earlier there used to be *biger šaj*, which means Tatar cemetary. The place was earlier destroyed by planting there potatoes by the *brigadir* of the collective farm. This act was also judged by many villagers.

If we look at the whole picture of ritual places in Bolšoj Kačak, it can be said, that some of the places have got more importance in the landscape as some have faded away from the memory of people. Some part of the villagers (especially older) remembered places well, but some were not so much interested. The places, which are renewed to the ritual use are two places for *badzyn vös'*. In addition *keremet* and places refered by terms *lude pyron* and *mu kuris'kon* are also in ritual use, but they are not fenced or reconditioned as the places for *badzyn vös'*. Despite that many places are not anymore in ritual use (for example *lykelân*), they keep on living in the oral tradition of the villagers. Many narratives were told about ritual places. Often they were personal memories, ghost stories or special narratives, which were connected

to the breaking the taboos in a sacred place. Many older villagers appriciated the old ritual places. They used to be sacred areas, in which it was not aloud to behave disrespectfully (for example cut trees). Thereby the sacredness of the ritual places is not only created in ritual action. It also comes up in the narratives, which represent the villagers view about supernatural quality of those places.

ARCHIVAL SOURCE AND LITERATURE

1. Российский архив древних актов. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3790. Л. 436.
2. Список населенных мест по сведениям 1870 года. Т. XLV. Уфимская губерния. – СПб., 1877.
3. *Садиков Р., Мякеля К.* Рукопись Ю. Вихманна о религиозных верованиях и обрядах закамских удмуртов как ценный исторический источник // Финно-угроведение. 2008, № 1. С. 42–56.
4. *Eliade M.* The sacred and the profane: The nature of religion. San Diego: Harcourt Brace Jovanovich. 1968.
5. *Садиков Р.Р.* Святилища закамских удмуртов: Общая характеристика и типология. Культовые памятники Камско-Вятского региона: Материалы исследования (ред. Н.И. Шутова). – Ижевск, 2004.

Кирси Мякеля

СВЯЩЕННЫЕ МЕСТА ЗАКАМСКИХ УДМУРТОВ: ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ДЕРЕВНЕ БОЛЬШОЙ КАЧАК

В статье рассмотрены священные места, связанные с этнической религией закамских удмуртов. Этнографический материал собран в деревне Большой Качак Калтасинского района Республики Башкортостан. Автор показала, каково отношение удмуртов к священным местам в современных условиях, какое значение имеют эти места в религии современных удмуртов и чем они отличается от значения священных мест в конце XIX века.

«Финно-угроведение», 2009, № 1

ПЕРСОНАЛИИ

Надежда Федосеева
Йошкар-Ола

К ЮБИЛЕЮ И.С. ИВАНОВА

«Человек добрыми делами славится», – в одном из интервью сказал профессор Марийского государственного университета Иванов Иван Семенович, которому 25 февраля 2009 г. исполнилось 75 лет. Эти слова, конечно же, относятся и к нему, достигшему высоких результатов в научной и педагогической деятельности.

И.С. Иванов родился в 1934 г. в д. Куберсола Ронгинского района Марийской Автономной области (ныне Советский район Республики Марий Эл). После окончания Кужмаринской семилетней школы обучался в Йошкар-Олинском педагогическом училище (1948–1952). Год работал учителем марийского языка и литературы Ивансолинской средней школы Куженерского района. В 1958 г. с отличием окончил историко-филологический факультет Марийского государственного педагогического института им. Н.К. Крупской по специальности «Русский язык и литература, марийский язык и литература» с присвоением квалификации «Учитель русского языка и литературы, марийского языка и литературы в средней школе».

Будучи студентом, юбиляр проявил интерес к родной литературе и фольклору. На страницах альманаха «Рвезе вий» («Молодая сила») была опубликована его первая статья о марийских народных песнях.

Свою научную деятельность Иван Семенович начал в Марийском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории. Здесь он разрабатывал тему «Марийская литература в период Великой Отечественной войны», результаты работы над которой впоследствии были включены в двухтомную коллективную монографию «Очерки марийской литературы» (1963). Проработав в МарНИИ два года, И.С. Иванов поступает учиться в аспирантуру при кафедре марийского языка и литературы МГПИ им. Н.К. Крупской. Под руководством профессора Н.Т. Пенгитова пишет кандидатскую диссертацию «Марийская необрядовая лирика» и успешно защищает ее в 1970 г. в Тартуском университете (Эстония).

Вся научно-преподавательская работа И.С. Иванова связана с Марийским пединститутом, а ныне с Марийским госуниверситетом (в 2008 г. МГПИ им. Н.К. Крупской объединен с МарГУ). Долгое время И.С. Иванов заведовал кафедрой марийского языка и литературы, был заместителем декана историко-филологического факультета МГПИ им. Н.К. Крупской, в настоящее время является профессором кафедры финно-угорской литературы и фольклора Института финно-угроведения МарГУ. Он читает лекции по истории марийской литературы и фольклора, оказывает студентам и аспирантам научно-методическую помощь в написании исследовательских работ. За время работы в вузе проявил себя высококвалифицированным специалистом, результативно работающим педагогом-ученым, опытным преподавателем и наставником студенческой молодежи. И.С. Иванову как педагогу присуща четкость и доступность изложения материала в сочетании с высоким научно-теоретическим, методическим и методологическим уровнем проводимых им учебных занятий. Поэтому для своих учеников он стал образцом высокого профессионализма и внутренней культуры.

За долгие годы научной и педагогической деятельности И.С. Иванов подготовил целую плеяду учеников, многие из которых плодотворно работают в различных типах общеобразовательных учреждений, а также в системе высшей школы республики.

И.С. Иванов является одним из ведущих ученых Республики Марий Эл, занимающимся актуальными проблемами марийского литературоведения и фольклористики. Материалы его исследований активно используются в учебном процессе.

Ученым написано более 300 работ, в том числе подготовлены и опубликованы различные методические пособия и указания, учебники и хрестоматии для школ. Необходимо отметить следующие издания: «Марий калык лирика» («Марийская необрядовая лирика»,1980), «Марий сӱан» («Марийская свадьба», 1994), «Йоча литератур» («Детская литература», 1995, 1996) в двух частях, «С. Чавайн – школышто» («С. Чавайн – в школе», 1992) и др. Известный ученый-фольклорист В.А. Акцорин высоко оценил его книгу «Марий калык лирика». Он отметил, что работа отличается своеобразным подходом. Действительно, интересна основная мысль книги: в песне сливаются размышления о жизни одного человека и целого народа и их нельзя разделить.

Более 100 статей ученый посвятил острым проблемам развития марийской литературы и критики. В них отражены художественные параллели с литературой финно-угорских народов, а также Урало-Поволжского региона. И.С. Иванов внес заметный вклад в исследование творческого наследия классиков и изучение современной художественной словесности марийского народа.

Однако главное внимание исследователь уделяет народной лирике. В своих трудах он рассматривает обрядовую и необрядовую поэзию народа мари как одну из важнейших частей духовной культуры. Основные вопросы, которые

ученый поднимает и освещает в своих публикациях, – это символы-образы в народных песнях, сравнения в свадебных песнях, пасхальные песни, жанровые особенности песен и их поэтика, эпитеты, сравнения в марийской обрядовой лирике, термины народных песен и т.д.

Неоднократно И.С. Иванов участвовал в работе фольклорных экспедиций. Собранные им ценные материалы хранятся в научно-рукописных фондах МарНИИЯЛИ и МГПИ им. Н.К. Крупской. С результатами своих научных исследований И.С. Иванов часто выступал на международных, всероссийских, межрегиональных, республиканских научно-практических конференциях и «круглых столах», которые проводились в Йошкар-Оле, Чебоксарах, Казани, Сыктывкаре и т.д.

И.С. Иванов принимает активное участие в научно-общественной работе республики. Жизненный и творческий путь И.С. Иванова – пример беззаветной преданности делу, которому он посвятил свою жизнь. Юбиляр олицетворяет и соединяет в себе лучшие человеческие черты, является истинным ученым, скромным в оценке успехов своего труда. Имя Ивана Семеновича известно не только в Республике Марий Эл, но и далеко за ее пределами.

За многолетнюю плодотворную научно-педагогическую деятельность И.С. Иванов награжден Почётной грамотой Президиума Верховного Совета МАССР (1980), Почётной грамотой Правительства РМЭ (2004), удостоен почетных званий «Заслуженный деятель науки МАССР» (1981) и «Почётный работник высшего профессионального образования РФ» (2003).

«Финно-угроведение», 2009, № 1

Людмила Григорьева
Йошкар-Ола

НЕКОТОРЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СУЖДЕНИЯ ПРОФЕССОРА Н.И. ИСАНБАЕВА (к 80-летию со дня рождения)

Николай Исанбаевич Исанбаев, доктор филологических наук (1993), профессор (2002), заслуженный деятель науки РМЭ (1999), зарубежный член Финно-угорского общества (1994), пятьдесят с лишним лет успешно занимается научной и педагогической деятельностью на благо развития марийского языкознания.

Он родился 27 февраля 1929 г. в д. Нижний Качмаш Калтасинского района Башкирской АССР. Окончил с отличием Краснокамское педучилище Башкирской АССР (1948), историко-филологический факультет МГПИ им. Н.К. Крупской по специальности «Марийский язык и литература» (1952), аспирантуру Института языкознания АН СССР (1955). Под руководством академика Б.А. Серебренникова написал кандидатскую диссертацию на тему «*Н*-овые деепричастия в марийском языке», которую защитил в 1955 г. в Москве. Его трудовая деятельность многогранна: учитель начальной школы, воспитатель детдома (1945–1946), младший научный сотрудник Института языкознания АН СССР (1955–1958), старший научный сотрудник МарНИИ (1958–1963, 1972–1994), ведущий научный сотрудник МарНИИ (1994–1996), заведующий сектором языка МарНИИ (1960–1963, 1975–1996), старший преподаватель, доцент МГПИ им. Н.К. Крупской (1963–1972), профессор кафедры финно-угорских языков (1996–2008), кафедры общего и финно-угорского языкознания МарГУ (2008).

Девиз Н.И. Исанбаева: «Искать и найти, не сдаваться» (1, с. 235). Ежедневные занятия спортом, увлечение плаванием, интеллектуальное обогащение, постоянные научные поиски нового помогли ему стать опытным специалистом в области финно-угроведения, межъязыковых контактов и диалектологии, лексикографии, морфологии, синтаксиса марийского языка.

Николай Исанбаевич – автор более 100 научных трудов и учебно-методических работ, в т.ч. 6 книг. Первая его исследовательская работа «О некоторых следах древнего значения деепричастия на *-и* в марийском языке» была опубликована в научном журнале Венгерской академии наук «Nyelvtudományi Közlemények» в 1958 г. Монография «Деепричастия в марийском языке» (1961) посвящена системному описанию морфологических признаков и синтаксических функций деепричастий марийского языка. Н.И. Исанбаев на основе анализа богатого фактического материала приходит к выводу, что деепричастие в марийском языке является сложной грамматической категорией, обладающей основными свойствами глагола и наречия, а также имен. Общее грамматическое значение марийских деепричастных форм на *-н, -де, -меке, -мешке, -шыла* состоит в выражении связи двух действий, происходящих в одно время или в разное время. Деепричастия в марийской речи по сравнению с русской употребляются значительно чаще, это связано с поздним развитием сложного предложения в марийском языке (2, с. 140–142).

Немалое внимание ученый уделяет вопросам образования составных глаголов и аналитических форм модальности. Он считает, что составные глаголы в марийском языке возникли в результате влияния тюркских языков, т.к. модели их образования в рассматриваемых языках совершенно идентичны, классы составных глаголов в количественном отношении почти полностью совпадают (3, с. 60–61). В работе «Классификация марийских глаголов по образованию» (4) Н.И. Исанбаев внес ясность в разграничение сложных и составных глаголов. Изучение таких аналитических модальных форм, как *мияш лийым* 'я обещал прийти туда', *миен лийже* 'допустим, что я приду туда', *мийышын коям* 'делаю вид, что приду туда', *мияш ыштышт* 'обязали прийти туда' и др., привело исследователя к убеждению, что эти формы «представляют собой особую лексико-грамматическую категорию глагола и вместе с формами наклонений, модальными глаголами и модальными частицами образуют функционально-семантическую категорию модальности» (5, с. 8, 53). По мнению Николая Исанбаевича, эти интереснейшие языковые явления возникли в позднедревнемарийский период (VIII–XVI вв. н.э.) по внутренним законам самого марийского языка и в результате контактов с соседними поволжско-тюркскими языками (5, с. 54).

Исследования фонетических, лексических и морфологических особенностей восточного наречия марийского языка позволили Н.И. Исанбаеву составить схему диалектного членения данного наречия, состоящего из 12 говоров: бал-тачевского, белебеевского, бирского, елабужского, калтасинского, кильмезского, красноуфимского, кукморского, кунгурского, малмыжского, мензелинского, прибельского (6, с. 31). Профессором выявлен ряд фонетических явлений в марийском языке и в его наречиях и говорах: регрессивный сингармонизм, например: *кӧч-кӧ* В. калт. 'кто угодно, хоть кто' < *коч + кӧ*, *н'ӱгӱ* С.-з. 'никто' < *н'и + кӱ* (7, с. 26); заимствованные из татарского языка дифтонги *ау*, *аӱ*, *уа*,

например: *аул* балт., белеб., бирск.'деревня' < тат. *аул*; *куан* ЛВ 'радость' < тат. *куану* 'радоваться' (8, с. 73); появление лабиализации и заднерядности у гласного *а*; получение фонологической самостоятельности аллофонами некоторых гласных фонем (*[ӓ]*, *[ы]*); употребление шумного *[д']*, *[д'з']* вместо первичного *[й]* в начале слова в ряде говоров лугового и восточного наречий; развитие лабиальной гармонии гласных, перенос ударения с начального слога на конечный, возрождение палатальной гармонии и т.д. (8, с. 99–100). На основе анализа функционирования форм множественного числа в марийских говорах Башкортостана Н.И. Исанбаев пишет: «В сочетании с существительными, обозначающими не поддающиеся счету предметы <...>, форма множественного числа определенным образом влияет на семантику слова и сама при этом получает несколько иной оттенок значения, приближаясь по своим функциям к словообразовательным средствам языка» (9, с. 21).

В многочисленных трудах ученого освещены результаты исследования марийско-тюркских и русско-марийских языковых контактов на всех лингвистических уровнях. В монографии «Марийско-тюркские языковые контакты» (1989) дается периодизация марийско-тюркских языковых контактов, рассматривается проблема отграничения татаризмов от заимствований из арабского, башкирского, монгольского, персидского, русского, чувашского языков, представляется лингвогеографическая характеристика татарских заимствований. С учетом данных истории, этнографии и других наук автор выделяет следующие общие лексико-тематические группы заимствований: человек, семья и общество; природа; материальная культура; трудовая деятельность человека; духовная культура. Ставится вопрос о марийских лексических проникновениях в говоры татарского языка. Н.И. Исанбаев впервые дает относительные данные о характере распространения татарских заимствований в диалектах марийского языка: «96% татаризмов употребляются в восточномарийских говорах, 27,5% – в говорах лугового наречия, 8,75% – в горном и около 6% – в северо-западном наречии» (6, с. 164).

В уникальный «Словарь татарских и башкирских заимствований в марийском языке» (1993) включено около 3000 словарных заимствований, в нем использованы сравнительные данные более 30 тюркских языков и диалектов, что значительно повысило надежность и убедительность предложенных Н.И. Исанбаевым этимологий.

В результате выявления структурно-типологических сходств в языках Волго-Камья Николай Исанбаевич выдвигает гипотезу о существовании Волго-Камского языкового союза (10, с. 66–67).

Ряд работ ученого посвящен истории марийского языкознания и письменности. Изучив марийские рукописные памятники XVIII в., содержащие материалы по восточным диалектам, ученый делает важный для исторической диалектологии вывод: «Уже в XVIII веке все основные диалекты марийского языка получили свое отражение в письменных документах» (11, с. 72).

Н.И. Исанбаев написал следующие разделы для научной грамматики марийского литературного языка: «Вспомогательные глаголы», «Деепричастия» (Современный марийский язык. Морфология. – Йошкар-Ола, 1961), «Косвенная речь» (Современный марийский язык. Синтаксис сложного предложения. – Йошкар-Ола, 1961). Активно участвовал в составлении лингвистического атласа Европы (Atlas Linguarum Europas. Vol. I. Cortes Commentaries Sous la de Mario Alinei et autors Assen. – 1983. – 177 s.).

Будучи заведующим отделом языка МарНИИ, Николай Исанбаевич умело руководил работой по сбору лексического материала для многотомного «Словаря марийского языка» толкового типа, составлению, редактированию и подготовке к изданию первых 6 томов словаря.

В 1993 г. Н.И. Исанбаев защитил диссертацию в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора филологических наук «Марийско-тюркские языковые контакты». Данное исследование впоследствии легло в основу учебного пособия «Марий да тюрк йылме-влак контакт» (2001). Конкретные практические рекомендации по сбору диалектных материалов содержит его учебно-методическое пособие «Диалект материалым кузе да мом погаш» (2003, соавтор – В.Н. Васильев). В 2007 г. издано учебное пособие «Марий исторический фонетика».

Профессора Николая Исанбаевича мы знаем как самого внимательного редактора и рецензента работ начинающих исследователей. Он является членом специализированного совета ВАК России по защите докторских и кандидатских диссертаций по специальности 10.02.22 – Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (финно-угорские и самодийские языки) при МарГУ. Осуществляет научное руководство аспирантами. Подготовил двух кандидатов наук.

За плодотворный труд Н.И. Исанбаев был заслуженно отмечен Почетной грамотой обкома КПСС и Совета Министров Марийской АССР (1979), медалью «Ветеран труда» (1984), Почетной грамотой МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева (2008), Почетной грамотой ГОУ ВПО «Марийский государственный университет» (2009).

В день юбилея от всей души желаем Николаю Исанбаевичу крепкого здоровья, счастья, благополучия, дальнейших творческих успехов в научной и педагогической деятельности.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Кто есть кто в Марий Эл. Биографический справочник / Сост. В.А. Мочаев. – Йошкар-Ола, 2002.

2. *Исанбаев Н.И.* Деепричастия в марийском языке. – Йошкар-Ола, 1961.

3. *Исанбаев Н.И.* Общее и отличительное в составных глаголах марийского и поволжско-тюркских языков // Вопросы марийского языка. – Йошкар-Ола, 1978.

4. *Исанбаев Н.И.* Классификация марийских глаголов по образованию // Труды МарНИИ. Вып. XV. – Йошкар-Ола, 1961.

5. *Исанбаев Н.И.* Аналитические формы модальности в марийском языке // Вопросы марийского языка. Труды МарНИИ. Вып. 53. – Йошкар-Ола, 1982.

6. *Исанбаев Н.И.* Марийско-тюркские языковые контакты. Ч. I (Татарские и башкирские заимствования). – Йошкар-Ола, 1989.

7. *Исанбаев Н.И.* Гармония гласных и её виды в марийском языке // Вопросы марийского языка: Сб. ст. к 60-летию со дня рождения проф. Н.Т. Пенгитова. – Йошкар-Ола, 1975.

8. *Исанбаев Н.И.* Фонетическая адаптация татарских заимствований в диалектах марийского языка // Вопросы марийского языка: Вопросы истории и диалектологии. – Йошкар-Ола, 1979.

9. *Исанбаев Н.И.* Особенности категории множественности имен существительных в восточномарийских говорах // Вопросы марийского языка: Вопросы грамматики и лексикологии. Труды МарНИИ. Вып. 43. – Йошкар-Ола, 1980.

10. *Исанбаев Н.И.* Лексико-фразеологические параллели в языках Волго-Камья // Вопросы марийской ономастики. Вып. IX. – Йошкар-Ола, 2001.

11. *Исанбаев Н.И.* Неопубликованные рукописи Г.Ф. Миллера по марийскому языку // Вопросы марийского языкознания: Сб. ст. Вып. III. – Йошкар-Ола, 1973.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

балт. – балтачевский говор восточного наречия марийского языка
белеб. – белебеевский говор восточного наречия марийского языка
бирск. – бирский говор восточного наречия марийского языка
В. калт. – калтасинский говор восточного наречия марийского языка
ЛВ – лугово-восточная литературная норма марийского языка
С.-з. – северо-западное наречие марийского языка
тат. – татарский язык

«Финно-угроведение», 2009, № 1

Галина Некрасова,
Евгений Цыпанов
Сыктывкар

ЮБИЛЕЙ ПРОФЕССОРА Е.А. ИГУШЕВА

В этом году отмечает свое семидесятилетие коми языковед, талантливый исследователь и педагог, внесший значительный вклад в развитие коми филологической науки и национального образования, доктор филологических наук, профессор Евгений Александрович Игушев. Всю свою жизнь он посвятил изучению, преподаванию и пропаганде родного коми языка, поэтому его имя сегодня широко известно не только в Республике Коми, но и за ее пределами.

Е.А. Игушев родился 11 марта 1939 г. в д. Пожня Сосногорского района Коми АССР. После окончания Ухтинского горно-нефтяного техникума (1953–1957 гг.) он учился в Коми государственном педагогическом институте (1958–1963 гг.). Отслужив в армии и проработав сельским учителем, поступил в заочную аспирантуру Коми филиала АН СССР (1969–1973 гг.).

С 1973 г. в течение 30 лет Е.А. Игушев работал в Сыктывкарском университете, почти с самого его основания (университет был открыт в 1972 г.). Здесь он прошел все ступени карьерного роста преподавателя: от ассистента до профессора. Был деканом филологического факультета (1978–1986 гг.), заведовал кафедрой коми и финно-угорского языкознания (1992–1996 гг.). В 1991 г. преподавал коми язык для студентов и аспирантов финно-угорского института Королевского университета г. Уппсала (Швеция). В 2003 г. Е.А. Игушев перешел на работу во вновь открывшийся Югорский университет (г. Ханты-Мансийск), где были необходимы опытные и знающие специалисты. В настоящее время он является ведущим научным сотрудником лаборатории по изучению и сохранению языков Института языка, истории и культуры народов Югры, одновременно преподает в должности профессора кафедры финно-угорского и общего языкознания.

Круг научных интересов Е.А. Игушева широк и разнообразен, что обусловлено его преподавательской деятельностью, а также недостаточной разработанностью многих проблем коми и финно-угорского языкознания. Он зани-

мался вопросами синтаксиса, лексики и лексикографии, диалектологии и стилистики современного коми языка. Его кандидатская диссертация, которую он защитил в 1973 г. в Тартуском государственном университете, была посвящена русским заимствованиям в ижемском диалекте коми языка. Ижемский диалект, начало формирования которого относится к XVI в., отличается от других коми диалектов многочисленными русскими заимствованиями. В работе подробно рассмотрены вопросы межъязыкового контактирования: хронологическая последовательность вхождения русских заимствований в коми язык, их фонетическая и морфологическая адаптация, а также семантика. В 1990 г. в Тартуском университете Е.А. Игушев защищает докторскую диссертацию на тему «Стилистика морфологических категорий коми языка». Он один из первых в российском финно-угроведении всерьез обратился к практической стилистике, раскрыл эмоционально-экспрессивный потенциал морфологических категорий коми языка, проявив при этом хорошее знание и чутье родного языка. Стилистические варианты рассмотрены им с точки зрения механизма их образования, сферы их употребления и принципов отбора в зависимости от целей высказывания и обстановки речевого общения. Е.А. Игушев внес заметный вклад в теорию и практику лексикографии. В соавторстве с удмуртскими и мансийскими коллегами подготовлены и изданы словари: «Сравнительный словарь пермских языков» (Сыктывкар, 2004, соавторы: Р.Ш. Насибуллин, С.А. Максимов, О.П. Аксенова), «Системно-тематический русско-удмуртско-коми словарь» (Сыктывкар, 2005, соавторы: Р.Ш. Насибуллин, В.Г. Семенов), «Русско-мансийско-коми тематический словарь» (Екатеринбург, 2008, соавтор К.В. Афанасьева).

За годы работы в Сыктывкарском университете Е.А. Игушеву довелось вести большинство лингвистических дисциплин. Им были разработаны лекционные курсы по дисциплинам коми и финно-угорского языкознания: введение в финно-угорское языкознание, сравнительная грамматика финно-угорских языков, сравнительная грамматика пермских языков, коми диалектология, сопоставительная грамматика коми и русского языков, синтаксис коми языка, стилистика коми языка. Много времени и сил посвятил Е.А. Игушев составлению программ и учебников по коми языку, острая необходимость в которых возникла с открытием национального отделения филологического факультета. Он издал ряд учебных пособий по коми языку: «Сборник упражнений по синтаксису коми языка» (1977), «Коми кыв кузя упражнениеяс» (1977, соавторы: Е.А. Меньшикова, А.Н. Карманова), «Коми кыв да йӧзкостса поэзия» (1978, соавтор А.К. Микушев), «Современный коми язык (синтаксис)» (1980), «Коми диалектология» (1982), «Разговорная лексика коми языка» (1982), «Практическая стилистика коми языка» (1979, 1986), «Русско-коми-венгерско-финско-немецко-английский разговорник» (1985, соавторы: Г.Г. Толстова, В.Я. Чернышова), «Введение в финно-угроведение» (1987), «Сопоставительная грамматика русского и коми языков» (1988); «Финн-йӧгра кывъяс туялан подувъяс» (2003), «Коми кывлӧн стилистика» (2003) и другие.

Знания и опыт пригодились Е.А. Игушеву в работе в молодом Югорском университете. В связи с тем, что здесь, как и когда-то при открытии Сыктывкарского университета, отсутствовала научно-методическая база для преподавания и исследования финно-угорских языков, он подготовил и опубликовал учебные пособия «Применение данных финно-угроведения в школе» (Ханты-Мансийск, 2006), «Введение в финно-угроведение» (Ханты-Мансийск, 2006).

Е.А. Игушев – прекрасный преподаватель. Он умеет просто и доходчиво объяснять как сложные языковые явления современного языка, так и исторические процессы, протекавшие сотни и тысячи лет назад. И хотя языкознание является точной наукой, лекции Е.А. Игушева никогда не были скучными и утомительными, ибо его речь жива и образна, он говорит языком, доступным всем, приводя интересные примеры. Он обладает своей методикой преподавания родственных коми языков: для лучшего усвоения языкового материала со студентами разучиваются песни. Известно, что язык без речевой практики быстро забывается, тогда как песни, как и стихи, дольше сохраняются в памяти любого человека.

Е.А. Игушев умело организовывал диалектологические экспедиции, руководителем которых был на протяжении многих лет. Каждый раз это было комплексное исследование говора и ареала его распространения, охватывающее не только собственно лингвистический (изучение фонетических, морфологических и синтаксических особенностей говора), но и социолингвистический (изучение половозрастных особенностей информантов, уровня грамотности, степени владения языками) и фольклорно-этнографический (изучение материальной и духовной культуры) аспекты. Е.А. Игушев одним из первых начал исследование говоров зауральских коми, говоров своих предков, коми-ижемцев, проживающих в Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском национальных округах. Параллельно он изучал обско-угорские языки, что позволило впоследствии написать немало работ по проблемам взаимодействия коми, хантыйского и мансийского языков. Переход на работу в Югорский университет создал предпосылки для новых и более широких исследований обско-угорских языков.

Неизменным составляющим творческой деятельности Е.А. Игушева является участие в конференциях, симпозиумах, конгрессах – международных, всесоюзных, всероссийских, региональных, республиканских.

Свой научный опыт профессор Е.А. Игушев передает ученикам. Он руководил многочисленными курсовыми и дипломными работами. Под его руководством подготовлены кандидатские диссертации по различным проблемам коми диалектологии, синтаксиса, морфологии, лексикологии. Е.А. Игушев являлся членом специализированных советов по защите диссертаций при Петрозаводском и Удмуртском государственных университетах, многократно оппонировал докторские и кандидатские диссертации.

Е.А. Игушев – активный пропагандист коми языка. Является автором ряда популярных книг по занимательному коми языкознанию: «Тайӧ муса кылӧн чой-вок сёрнитӧны..» (1983), «Чужан кыв – менам олӧм да вӧт» (1988), «Чужан кывтӧ он ньӧб» (1994), «Коми кывйыс гажаджык на биысь» (1998), «Вок кывъяс» (2001), «Кывным миян сёрнитiгӧн олӧ» (2003). В них прослеживается жизнь слов и слово-

сочетаний, имеющих столетнюю и даже тысячелетнюю историю, живо, интересно рассказывает об их сложнейших видоизменениях. Читаются эти книги легко, с неослабевающим интересом. Они заставляют задуматься над вопросами, которые на первый взгляд кажутся простыми, а в действительности являются запутанными и сложными. Исследователь представляет язык в живом виде, обнаруживая необычное в обыкновенном, закономерности в кажущихся случайностях, выявляя своеобразие, гибкость и красоту как коми, так и других родственных языков.

Е.А. Игушев не только изучает и пропагандирует язык, но и всегда активно выступает за сохранение и развитие как коми, так и других финно-угорских языков. Почти в каждой его работе подчеркивается, что коми язык – это основа культуры, важнейший элемент национального самосознания коренного народа республики, память о корнях и перспектива дальнейшей жизни народа. Если национальные движения, нацеленные на возрождение языков и поддержку культур финно-угорских народов, активно проявили себя в финно-угорских регионах России только в начале 1990-х гг., то для Е.А. Игушева развитие и сохранение языка и культуры своего народа – кредо всей его жизни. В своих научных и публицистических работах он постоянно подчеркивает необходимость бережного отношения к языковым традициям, воспитания сознательного отношения к языку (не только коми) как национально-культурной ценности. Так, в предисловии к учебному пособию «Применение данных финно-угроведения в школе» Е.А. Игушев пишет, что при обучении студентов необходимо «зажечь в них желание познать глубины своего родного языка и проследить органическую связь языков ханты и манси с родственными им уральскими языками. Эту задачу можно решить, прививая любовь подрастающего поколения к родным местам, родной природе, родному народу, обживавшему суровый сибирский край в течение многовекового его освоения».

Несмотря на то, что Е.А. Игушев в течение ряда лет живет и работает за пределами Республики Коми, он проявляет самый живой интерес ко всему, чем живет его республика, быстро и живо откликается на все события, особенно на выход новых изданий: будь то научная работа или же художественное произведение. Его рецензии публикуются в международных журналах и на страницах региональных газет.

Е.А. Игушев награжден почетным знаком «Отличник высшей школы СССР» (1989), медалью в честь двухсотлетия со дня рождения А.С. Пушкина (1999), избран членом Международного общества хунгарологов (Будапешт, 1977), заграничным членом Международного финно-угорского общества (Хельсинки, 1993), удостоен звания «Заслуженный работник Коми Республики» (1994), звания заслуженного профессора Сыктывкарского университета (2001), лауреата Государственной премии Коми Республики (2003).

Человек поразительно искренний и необычайно душевно щедрый, Е.А. Игушев притягивает к себе всех, кто с ним соприкасается. Сегодня сотни его выпускников с благодарностью вспоминают своего преподавателя и поздравляют его с юбилеем, желают здоровья и дальнейших творческих успехов.

Кузь нэм да бур шуд, дона да пыдди пуктана Евгений Александрович!

«Финно-угроведение», 2009, № 1

Владимир Владыкин
Ижевск

КРАТКИЕ БЕГЛЫЕ ЗАМЕТКИ О НЕСПЕШНОЙ БОЛЬШОЙ ЖИЗНИ (к юбилею Л.С. Христолюбовой)

Таких людей сейчас, кажется, уже не производят... Я имею в виду таких, как Людмила Степановна Христолюбова. Впрочем, попробую рассказать обо всем по порядку.

Начиналась ее жизнь как у всех. Перво-наперво – родилась. Случилось это, как впоследствии выяснилось, весьма примечательное в истории удмуртской науки событие, 70 лет назад, 26 марта 1939 года в д. Волково ныне Завьяловского района в обычной крестьянской удмуртской семье. Большой, дружной, трудолюбивой. Отличала семью Христолюбовых некая, я бы сказал, «готическая» порода: все были рослые. Отличались не только ростом, но и мироустройством своей души, помыслами, стремлениями. Видимо, не случайно эти крестьянские дети почти все получили высшее образование (кстати, Людмила Степановна – первая с высшим образованием в своей деревне), стали высококлассными специалистами в своей области. Любопытно, что когда Л.С. Христолюбова бывала на Кавказе, ее часто, видимо, за «высокость» принимали за свою. А в общем-то она везде была своей.

Миля (так звали будущую Людмилу Степановну) в холщовом удмуртском дэреме, в лаптях – этой «униформе» трудных послевоенных лет – прилежно шагала в школу. Потом поступила в педучилище (пришла в Ижевское, но тут как раз его закрыли на время, пришлось заканчивать Можгинское – это удмуртский «Царскосельский лицей». Хотел бы еще заметить, Миля закончила его в 1957 году, а я как раз в этом году туда поступил – в тот раз встретиться не довелось). Один год учительствовала, пребывала в размышлениях: куда дальше. Выбрала Удмуртский пединститут, историко-филологический факультет, удмуртское отделение. Кстати, группа у них была сильная, с нею учились будущие кандидаты наук А.К. Байметов, Е.П. Никонова. По окончании ей предложили остаться на кафедре философии (замечу, не так часто вчерашней выпускнице удмуртского отделения доверяют преподавать столь ответственный и сложный предмет). Наверное, так бы все и пошло. Но тут ее «бес попутал». Вернее, это был Иван Васильевич Тараканов. И не столько попутал, сколько распутал ее

жизненный узел и протянул ее ниточку жизни совсем в другую сторону. В науку. В республике почти совсем не было специалистов-этнографов.

Так, Л.С. Христолюбова круто развернула свою судьбу. Еще не очень-то ясно себе представляя, что такое этнография, она решила с нею породниться. И оказалось – на всю жизнь. За короткое время подготовилась (сказалось добротное базовое образование) и успешно поступила в аспирантуру. И не куда-нибудь, а прямо в Москву, в Институт этнографии им. Миклухо-Маклая АН СССР. Итак, 3 года – 1967–1970 гг. – Л.С. Христолюбова – москвичка. Здесь она в полной мере воспользовалась возможностями, которые предоставила столица тогда еще по-настоящему великой страны: библиотеки, архивы, музеи, театры, многочисленные знакомства с интересными людьми. По сути закончила полный курс «московской академии высокой культуры». В жизни Людмилы Степановны довольно часто приходилось быть первой. В Москве она стала первой аспиранткой В.В. Пименова, в будущем известного ученого и педагога (кстати, он тоже, видимо, не случайно заболел удмуртской этнографией и впоследствии именно по удмуртам защитил свою докторскую диссертацию). Москва не Можга, но здесь нам все же удалось встретиться, наши пути пересеклись. И не удивительно, ведь в это же время я тоже учился в аспирантуре и тоже по этнографии, но в МГУ. Встречались, обсуждали научные проблемы, говорили о жизни. Пожалуй, это «московское знакомство» и определило наше будущее многолетнее соавторство.

Л.С. Христолюбова успешно, в срок, закончив аспирантуру, защитила диссертацию, используя новаторскую методологию и методику. Тогда, по существу, еще только зарождалась новая наука – этносоциология. Людмила Степановна вместе с шефом и его научной командой исповедовала и успешно проповедовала компонентный анализ этноса. Их известная совместная статья, опубликованная в журнале «Советская этнография», надолго стала настольным методическим руководством в современных этносоциологических исследованиях.

В 1970 году Людмила Степановна возвращается в свою родную Удмуртию. И с этого времени неустанно трудится в УдНИИ, сначала старшим научным сотрудником, затем ровно десять лет – заведующей сектором, сейчас – снова старший научный сотрудник. За эти в общем-то долгие годы пришло глубинное познание своего народа, обретение высокой квалификации, определение своего местоположения в науке, в общем контексте проблем: в основном это обрядовая жизнь этноса во всем многообразии и сложности ее проявлений, современный культурно-бытовой уклад, этнокультурные процессы, прогнозирование будущего развития народа и т.д. Из начинающего исследователя Л.С. Христолюбова выросла в ведущего этнографа Удмуртии. Ее имя хорошо известно среди этнографов страны и пользуется заслуженным авторитетом в научном обществе. Мне неоднократно доводилось видеть, как Людмила Степановна достойно представляет нашу маленькую Удмуртию на самых больших научных

форумах, российских, международных. Ею издано свыше 100 научных работ, среди них публикации в таких престижных изданиях, как «Советская этнография», энциклопедии «Народы мира», «Народы России», «Народы и религии» и многих других. Особое место занимают ее книги «Семейные обряды удмуртов», «История этнографии удмуртов», «Калык сямъёсты чакласа», «Этнография удмуртов» и др. Совершенно особняком в этом ряду стоит ее фундаментальный библиографический справочник «Ученые-удмурты» – это краткая энциклопедия удмуртской науки. Создание этой книги можно вполне определить как научный подвиг автора. Мне посчастливилось на протяжении многих лет как бы изнутри наблюдать и даже в какой-то мере соучаствовать в функционировании творческой лаборатории Людмилы Степановны. Так сложилось, что нам хватило ума не строить научные баррикады и выяснять отношения по принципу «кто гениальнее и важнее» (что, к сожалению, нередко бывает в науке), а объединить наши общие усилия и стараться оперативно выполнять заказы времени и общества. С гордостью могу констатировать, что наш «авторский дуэт», кажется, не сфальшивил. В ходе совместной научной работы я с удовольствием наблюдал, как красиво работает Людмила Степановна, вроде бы неспешно, но весьма продуктивно, очень добросовестно, надежно, основательно, скрупулезно.

Людмила Степановна успешно себя проявила и на преподавательском поприще. О том, что она успешно вела философские циклы в вузе, я уже упоминал. Наверное, мало кто знает, что среди ее учеников (разного времени) ныне такие знаменитости, как Александр Григорьевич Шкляев и Петр Васильевич Елкин. Людмила Степановна читала этнографию на филологическом факультете. Была председателем Государственной аттестационной комиссии. Л.С. Христолюбова – один из авторов первой книги для чтения по удмуртской истории на удмуртском языке «Даур куара» (1998), ей принадлежит один из самых обширных и ответственных разделов – новая и новейшая история удмуртов.

Людмилу Степановну всегда отличала активная жизненная позиция, уже начиная со школы, она всегда была среди первых. Была комсоргом, парторгом, членом ОК ВЛКСМ, делегатом XV съезда ВЛКСМ, председателем Общества удмуртских женщин – и сейчас ее часто можно видеть на ТВ, в жюри различных конкурсов и т. д., и все это не корысти и карьеры ради, а по глубокому убеждению, ради служения идее. К ее чести она и сейчас не поменяла своих убеждений, остается верна своим основополагающим жизненным принципам. И это вызывает глубокое уважение.

Ее сын Антон – выпускник немецкого отделения университета – наверное, самая главная и важнейшая «монография» в жизни.

Ну, вот, кажется и все, что хотел сказать о Людмиле Степановне Христолюбовой. Хотя разве все расскажешь. Какой она простой, компанейский, молодой по мироощущению человек. Как неповторимо она рассказывает анекдоты. Да разве я знаю достаточно Людмилу Степановну? Вдруг она, при всей ее привер-

женности к постоянству и определенности, неожиданно (по-моему, даже для себя) срывается и мчится ... в Лондон, Будапешт, Париж. Женщина!

Людмила Степановна верна своим друзьям, своей памяти, родственникам по крови и по убеждениям. Это очень надежный, обязательный, ответственный человек, таких сейчас почти уже и не осталось.

Ее достоинства, успехи, достижения не остались не замеченными ее друзьями и в какой-то степени руководителями: Людмила Степановна – лауреат нескольких премий, награждена Почетной грамотой Президиума Верховного Совета УАССР, заслуженный деятель науки УАССР.

Кому-то может показаться течение ее жизни спокойным и безмятежным, а сама Людмила Степановна – счастливой коллекцией добродетелей. Это вовсе не так. Она из той категории людей, которых трудно причислить к баловням судьбы. Россию и нашу Удмуртию судьба, кажется, никогда не баловала почему-то. Людмила Степановна не пассажир по жизни, а пешеход. Она сама не только выбирает себе дорогу, но и выстраивает ее своим каждодневным трудом. Да, это состоявшаяся, счастливая личность. Но какое это трудное счастье! Сколько ей пришлось всего преодолеть! О ее послевоенном «ненарядном детстве» (по В. Шкловскому) я уже упоминал. Добавьте к этому педучилищную не шибко сытую юность. До сих пор Людмила Степановна вспоминает можгинские ночные очереди за хлебом. А сколько в ее жизни очередей, причем нередко когда подходит ее очередь, «лавка» почему-то закрывается... И что ей пришлось пережить, когда прямо на лекции ей сообщили, что с мамой плохо, и она сердилась на медленный поезд, а потом бежала по заснеженным декабрьским полям 6 километров. Не успела, мама уже ушла в вечное «навсегда». И сколько пришлось пережить ее сердцу!.. А тяжелая болезнь, что пришла к ней не постучавшись... И она выдержала с честью, победила, несмотря ни на что. Не стала плакаться о своих проблемах, сама справилась. Поистине это наша удмуртская «железная леди». Это наша национальная валюта, элита, наша гордость.

Достойно шагает по жизни высокая, статная, красивая женщина. Красиво идет. Это – Людмила Степановна Христолюбова. Не оставь ее, Инмар!

«Финно-угроведение», 2009, № 1

Иван Иванов
Йошкар-Ола

К 60-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА А.Н. РАКИНА

Анатолий Николаевич Ракин – видный коми языковед, один из лидеров российского финно-угроведения. Он относится к той когорте российских финно-угроведов, чьи научные взгляды формировались под влиянием таких выдающихся ученых XX в., как финн Эркки Итконен, венгр Петер Хайду, эстонец Пауль Аристэ, россияне Дмитрий Бубрих, Василий Лыткин, Борис Серебренников, и, наверное, потому вся его научная деятельность направлена на сохранение и дальнейшее развитие идей классического финно-угроведения в России.

Родился он 18 июня 1949 года в селе Деревянск Усть-Куломского района Коми АССР в семье учителя. В 1971 году окончил историко-филологический факультет Коми государственного педагогического института. В студенческие годы серьезно увлекся филологией, упорно осваивал финно-угроведение, занимался спортом, являлся активным членом литературно-творческого кружка.

Профессионально начал заниматься наукой в 1971 году в Институте языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР. В том же году поступил в аспирантуру Института языкознания АН СССР в Москве по специальности «Финно-угорские и самодийские языки». Его научным руководителем был один из выдающихся финно-угроведов Советского Союза земляк В.И. Лыткин, возглавлявший в то время сектор финно-угорских языков в Институте языкознания. Но учеба в аспирантуре у молодого аспиранта прерывается в связи с призывом на военную службу. После завершения службы А.Н. Ракин восстановился в аспирантуре и продолжил работу над диссертацией. Каждое лето выезжал в диалектологические экспедиции в различные районы Коми республики, в последующие годы проводил полевые исследования также в Пермской и Мурманской областях. В феврале 1976 года после завершения курса аспирантуры вернулся в Сыктывкар и стал младшим научным сотрудником сектора языка в Институте языка, литературы и истории. В 1977 году успешно защитил кандидатскую дис-

сертацию на тему «Лексика флоры коми языка». В то время эта тема относилась к числу малоизученных не только в коми, но и в других финно-угорских языках.

В 1982 году, в ответственный для института период подготовки к VI Международному конгрессу финно-угроведов, А.Н. Ракина назначают ученым секретарем института. Он становится вторым должностным лицом научного учреждения, в сфере деятельности которого оказывается не толко организационное обеспечение исследований по языкознанию, фольклористике, литературоведению, искусству, истории, археологии, этнографии, социологии большого научного коллектива, но и решение конкретных вопросов по проведению главного научного форума финно-угроведов всего мира. VI Международный конгресс финно-угроведов состоялся в Сыктывкаре в августе 1985 года. По мнению участников, он был организован на высоком уровне и заметно отличался от предыдущих подобных форумов. В этом была немалая заслуга и нашего юбиляра.

С конца 1985 года А.Н. Ракин – заведующий сектором языка Института языка, литературы и истории Коми филиала Академии наук СССР, старший научный сотрудник. Здесь он создает новое направление в коми языкознании – одним из первых приступает к исследованию вопросов стилистики пермских языков. Результатом его многолетних изысканий в этой области явился раздел «Функционально-стилистическая характеристика лексики коми языка» в коллективной монографии «Современный коми язык. Лексикология», опубликованной в Москве в издательстве «Наука» в 1985 году. В нем представлена подробная характеристика всех основных стилей коми литературного языка – художественного, публицистического, официально-делового, научного, разговорно-бытового, определены функциональные и экспрессивно-стилистические признаки каждого из них.

Докторскую диссертацию по теме «Антропонимическая лексика в пермских языках» А.Н. Ракин защитил в октябре 1997 года в Марийском государственном университете. Оппонировали ему известные в финно-угроведении ученые – профессор Сыктывкарского государственного университета Е.А. Игушев, профессор Елабужского педагогического института Л.Ш. Арсланов и доктор филологических наук из г. Ижевска М.Г. Атаманов. В диссертации впервые в финно-угроведении прослежены формирование и развитие лексики, относящейся к анатомии человека, на всех важнейших этапах истории пермских языков: в прауральскую, прафинно-угорскую, прапермскую, пракоми и современную эпохи. Вскоре после защиты и получения диплома доктора филологических наук А.Н. Ракина избирают на должность ведущего научного сотрудника института, а в 2004 году в числе первых становится главным научным сотрудником этого учреждения.

В 1998 году в Москве вышла энциклопедия «Коми язык». Для нее по различным проблемам лексикологии, лексикографии, стилистики, диалектологии, топонимии, этимологии и истории коми языка А.Н. Ракиным написано более

сорока статей. Он входил в основной состав авторского коллектива трехтомной энциклопедии «Республика Коми» (1997, 1999, 2000).

Область научных интересов А.Н. Ракина весьма обширная – это актуальные проблемы лексикологии и лексикографии, ономастики и стилистики, этимологии и истории языка и т.д. Список научных трудов ученого, опубликованных на коми, русском, венгерском, финском, немецком и английском языках, включает в себя более 290 названий. Большой популярностью среди читателей пользуются такие его книги, как «Краткий коми-русский, русско-коми ботанический словарь», «Коми анатомический словарь», «Ботаническая терминология коми языка», «Пемӧс нимъяслӧн кывкуд», «Быдмӧг нимъяслӧн кывкуд».

Исследования А.Н. Ракина представляют большую теоретическую и практическую значимость. Разработанные им методы лингвистического анализа терминологической лексики и принципы описания ее применяются специалистами и по другим родственным и неродственным языкам. Его разработки по языку художественных произведений включены в школьные учебники и хрестоматии. Словари, подготовленные ученым, широко используются в качестве учебных пособий в школах и вузах Коми республики. А.Н. Ракин часто выступает с научно-популярными статьями в периодической печати, оказывает консультативную помощь работникам коми телевидения и радио, газет и журналов.

Много внимания уделяет А.Н. Ракин подготовке научных кадров. Трое его аспирантов успешно защитили кандидатские диссертации. Как ученый, имеющий богатый опыт исследовательской работы, он часто выступает оппонентом кандидатских и докторских диссертаций по финно-угорским языкам, активно участвует в работе специализированных советов по защите докторских и кандидатских диссертаций в Йошкар-Оле и Саранске. Плодотворную научную деятельность успешно сочетает с большой преподавательской работой в Сыктывкарском госуниверситете и Коми государственном педагогическом институте.

А.Н. Ракин известен в финно-угорском мире также своей переводческой деятельностью. На протяжении многих лет он сотрудничает со специалистами Института перевода Библии (г. Хельсинки), переводит на коми язык библейские тексты. Активно участвует во всероссийских и региональных научных конференциях и симпозиумах по финно-угорским проблемам. Выступал с научными докладами на V, VI, VII, VIII, IX, X международных конгрессах финно-угроведов. Являлся инициатором проведения в Сыктывкаре III Всероссийской научной конференции финно-угроведов, состоявшейся в июле 2004 года.

Научная деятельность А.Н. Ракина получила широкую признательность: он является членом исполкома Международного комитета конгрессов финно-угроведов, председателем Российского комитета финно-угроведов, членом комиссии при Правительстве Коми Республики по наименованиям географических объектов. Избран зарубежным членом Финно-угорского общества (Хельсинки), входит в состав редколлегий журналов «Финно-угроведение» (Йошкар-Ола), «Финно-угорский мир» (Саранск).

В последние годы активно включился в организационную работу по развитию финно-угроведческой науки в Российской Федерации в качестве руководителя российских финно-угристов.

За плодотворную научную деятельность А.Н. Ракин неоднократно отмечался различными почетными грамотами. Он лауреат премии Коми комсомола в области науки, лауреат Государственной премии Республики Коми, заслуженный работник Республики Коми.

От всей души поздравляем Анатолия Николаевича со славным юбилеем, желаем ему новых научных открытий, успехов в многогранной деятельности по развитию финно-угроведения в России.

«Финно-угроведение», 2009, № 1

Владимир Сухин
Йошкар-Ола

А.А. ЗЕНКИН (к 70-летию со дня рождения)

18 января 2009 года исполнилось 70 лет со дня рождения Зенкина Анатолия Александровича, партийного, общественного и государственного деятеля, кандидата исторических наук, заслуженного работника культуры Республики Марий Эл.

А.А. Зенкин родился в деревне Первая Лесная Исменецкого сельского Совета Звениговского района Марийской АССР в крестьянской семье. После окончания средней школы работал в колхозе, учился в Марийском лесотехническом училище. После службы в Советской Армии работал в исполкоме Исменецкого сельского Совета начальником военно-учетного стола, счетоводом-кассиром, председателем исполкома.

Профессиональная подготовка Анатолия Александровича как руководителя началась в 1962 году в годичной школе по подготовке руководящих кадров колхозов и совхозов, после окончания которой работал начальником участка колхоза им. Ленина. В 1963 году он был избран на комсомольскую работу секретарем комитета ВЛКСМ Звениговского производственного колхозно-совхозного управления, затем первым секретарем Звениговского райкома ВЛКСМ. Исполнительность в работе, высокая требовательность к себе и окружающим, умение работать с людьми обеспечили его быстрое продвижение по службе. В 1966 году он избирается вторым секретарем Марийского обкома ВЛКСМ. Эти годы ознаменованы энергичной работой по созданию студенческих строительных отрядов, организацией научно-технического творчества молодых, молодежного туризма, походов по местам боевой и трудовой славы. В 1963–1968 годах А.А. Зенкин заочно обучается в Высшей партийной школе при ЦК КПСС.

Показав себя перспективным руководителем на комсомольской работе, в 1970 году он получает рекомендацию Марийского обкома КПСС на учебу в Академию общественных наук, после окончания которой в 1973 году успешно защищает диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

Последующие годы его трудовой деятельности связаны с развитием культуры в нашей республике: в 1974–1982 гг. он является министром культуры, а в 1982–1984 гг. – зав. отделом культуры Марийского обкома партии. Работа в области культуры проводилась разносторонняя: открытие Республиканской

юношеской библиотеки и Республиканского выставочного зала, создание хоровой капеллы А. Искандарова и фольклорного ансамбля «Марий памаш». За эти годы была значительно укреплена материальная база развития массовой культуры в республике: построены районные дома культуры в Волжске, Звенигове, Морках, Сернуре, Новом Торъяле, Оршанке, Килемарах. В столице республики построены великолепные дворцы культуры – им. XXX-летия Победы, им. Ленина, им. Калинина, здания русского драматического и кукольного театров. Оживилась деятельность всех отраслей культуры, творческих союзов и коллективов. Творческие коллективы были достойно представлены в своей стране и за рубежом, демонстрируя народное и профессиональное искусство марийского народа и республики. Фольклорные ансамбли «Марий Эл», «Марий памаш», «Сударушка» выступали на Международных фольклорных праздниках в Венгрии, Испании, Нидерландах, Чехословакии.

В 1984–1986 годах А.А. Зенкин возглавляет одну из крупнейших парторганизаций республики, являясь первым секретарем Ленинского райкома КПСС г. Йошкар-Олы, в 1988–1991 годах – секретарем Марийского обкома КПСС, в 1991–1993 годах – первым заместителем Председателя Верховного Совета Марийской ССР. В 1994 году – депутат Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации, где до января 1996 года исполнял обязанности секретаря Комитета Совета Федерации по вопросам науки, культуры и образования.

Важной вехой в жизни А.А. Зенкина стало издание республиканской «Книги Памяти» (тт. 1–17, Йошкар-Ола,1994–1998). Являясь ответственным редактором, он работал над ней многие годы, независимо от того, какой пост в то время занимал. Благодаря кропотливой поисковой работе А.А. Зенкина и его коллег удалось выявить имена 77 тыс. человек, погибших на полях Великой Отечественной войны. 27 тыс. из тех, чьи имена опубликованы на страницах этой книги, были ранее не известны и могли быть незаслуженно забыты. Вечная память погибшим и неизмеримая благодарность тем, кто сделал эти имена незабвенными. Особо следует отметить работу Анатолия Александровича на посту директора Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, который он возглавлял дважды в 1986–1989 гг. и с 1995 по 2000 г., вплоть до своей кончины. Несмотря на трудности этого времени (задержки заработной платы, отсутствие средств на экспедиции и командировки, на научные издания) ему удалось сплотить научный коллектив. Под его руководством МарНИИЯЛИ становится центром научных исследований в области марийского языка, литературы, фольклора и искусства, истории и этнографии марийского народа. Он внес большой организационный вклад в развитие научных исследований в области филологии и истории, являясь главным редактором и руководителем творческих коллективов по созданию крупных исследований. При его непосредственном участии увидели свет «История Марийской АССР (советский период)», несколько томов «Словаря марийского языка», «История марийской литературы», «История изобразительного искусства Марийской

АССР», «Культурный национально-региональный комплекс Республики Марий Эл» и ряд других изданий, подготовленных в институте. За время его работы в институте проведено несколько крупных региональных, всесоюзных и международных конференций и симпозиумов: «40 лет Марийской археологической конференции», «Структура и развитие волжско-финских языков», «Финские ученые о языке и культуре марийского народа», «Финно-угорский мир и XXI век», «Марийцы: проблемы социального и национально-культурного развития» и др.

А.А. Зенкин являлся научным руководителем межрегиональной государственной программы «Финно-угры Поволжья и Приуралья». Большое и пристальное внимание он уделял журналу «Финно-угроведение».

Плодотворный труд А.А. Зенкина в различных отраслях народного хозяйства Республики Марий Эл был заслуженно отмечен серией правительственных наград: медалями «За трудовое отличие», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», «Ветеран труда», почетными грамотами Президиума Верховного Совета Марийской АССР, Министерства культуры РСФСР, ЦК ВЛКСМ, Правительства Республики Марий Эл, а в 1995 году за достойный вклад в развитие культуры и науки ему присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры Республики Марий Эл».

«Финно-угроведение», 2009, № 1

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Рец.: Корнишина Г.А. Экологическое воззрение мордвы (религиозно-обрядовый аспект). – Саранск: Изд-во Мордовского государственного университета, 2008. – 160 с.

Изучение традиционных систем природопользования российских этносов в условиях обострения проблем, связанных с охраной окружающей среды в современных условиях, чрезвычайно актуально. Как известно, этническая культура является важнейшим механизмом, посредством которого осуществляется адаптация человеческого общества к окружающей среде.

Можно полностью согласиться с мнением автора о том, что наиболее адекватным в этнографическом познании традиционного опыта использования природных ресурсов является его познание с точки зрения носителя «культурной традиции» (с. 5). В этой связи, религиозно-обрядовая культура мордвы, как одного из коренных этносов Среднего Поволжья, представляет значительный интерес. Автор показывает, что, несмотря на значительную степень разрушенности и неизбежных эволюционных преобразований, обрядовая сфера сохраняет значительные элементы сохранившихся с незапамятных времен архаичных структур и глубинной мифологической семантики.

Прослеживая изменения и инновации, происходящие в ее различные периоды и в разных социальных средах, реконструируя ее древние пласты, можно получить наиболее полное и глубокое представление о этнической культуре народа, его связях с другими этносами, в том числе и в экологической культуре.

Автор показывает экологические элементы в религиозно-обрядовой культуре мордвы, указывая на то, что огонь, вода, растительность играли в ней важную роль.

Особенно указываем на то, что автором привлечен значительный материал, что подчеркивает эксклюзивность и особую значимость проведенной работы. Это и значительное количество архивных документов, относящихся к разным периодам истории мордовского народа, огромный массив полевых исследований, проведенных в Самарской, Оренбургской, Пензенской областях, а также Республике Мордовия. Кроме того, автором привлечено несколько сотен печатных источников, проведен их критический анализ, некоторые из результатов научных исследований, содержащихся в них, уточнены и дополнены автором.

Результаты исследований, содержащиеся в монографии Г.А. Корнишиной, дополняют и уточняют положения и выводы, содержащиеся в научных трудах, использованных автором при подготовке исследования.

Считаю, что научное исследование Г.А. Корнишиной, результаты которого опубликованы в монографии «Экологическое воззрение мордвы (религиозно-обрядовый аспект)», вносит серьезный вклад не только в развитие этнографии, этнологии и антропологии, но и истории России.

Оно выполнено на серьезном научном уровне, написано доступным языком и может быть использовано в ходе преподавания этнографии, истории России, этнологии в вузах, а также может быть рекомендовано широкому кругу читателей.

Считаю, что данные материалы можно использовать при подготовке учебных пособий не только по истории, этнографии, этнологии Мордовии, но и других регионов, входящих в Среднее Поволжье.

Иван Чуканов
Ульяновск

Рец.: Vászolyi Erik – Lázár Katalin. Sudár fenyő nőtt az erdőn. Énekek Komiföldről. – Budapest: Tinta könyvkiadó, 2008. – 393 old.

В 2008 г. в издательстве «Tinta» в Будапеште вышла книга под названием «Sudár fenyö nött az erdön». В основу заглавия книги положен венгерский перевод первой строки одной из коми песен, помещенных в книгу: «Ягын быдмис мичаник пожем…» («Выросла в бору стройная сосна…»). Подзаголовок книги – «Énekek Komiföldről» («Песни Земли Коми»). Авторы-составители – Эрик Васои (Vászolyi Erik) и Каталин Лазар (Lázár Katalin).

Эрик Васои в 1956 г. окончил в Будапеште университет им. Этвеша Лоранда, где изучал финно-угорское языкознание и под руководством профессоров Э. Беке и Д. Фокоша-Фукса специализировался по коми языку. После окончания университета Э. Васои преподавал в одной из гимназий города Будапешта. С октября 1959 г. по март 1960 г. он находился в научной командировке в Республике Коми. Вместе с фольклористом А.К. Микушевым Э. Васои побывал в селах Маджа, Корткерос и Пезмог. В 1966 г. он посетил районы Ижмы, Колвы, Усы, Вашки и Мезени. В селе Колва исследователю удалось записать уникальные колвинские эпические песни, которые опубликовал в 1967–1968 гг. в венгерском журнале «Ethnografia». Э. Васои составил и в 1964 г. издал в Будапеште сборник коми народных сказок «A pórul járt víziszellem» («Водяной попал в беду»), содержащий 63 текста. Им также опубликовано более 20 статей по коми языку. В конце 60-х гг. Э. Васои уезжает из Венгрии. Несколько лет он преподает в Кембриджском и других университетах Англии, читает лекции, в том числе и по коми языку. Затем он переезжает в Австралию, где изучает австралийские аборигенные языки и преподает в различных университетах общее языкознание, английский язык и социолингвистику. Некоторое время Э. Васои работает в университете иностранных языков в г. Гуанчжоу на юго-востоке Китая.

Второй автор книги – Каталин Лазар – окончила гуманитарный факультет университета им. Этвеша Лоранда в Будапеште по специальностям венгерский и английский языки и финно-угроведение. Занималась музыкальными исследованиями. С 1978 г. она работает в Институте музыки Венгерской академии наук. Одной из ее основных задач является изучение вокальной музыки финно-угорских народов. В первую очередь исследователь занимается песенным народным творчеством хантов (она 4 раза была в экспедициях среди обских угров). На эту тему написала диссертацию. Каталин Лазар изучает народную музыку и других финно-угорских народов, в том числе и коми.

Как можно понять из названия, книга посвящена коми народному песенному творчеству. В ее основу положен материал, собранный Эриком Васои во время исследовательских поездок по Республике Коми в 1959–1960 и 1966 гг. Издание знакомит венгерскую публику (специалистов музыковедов и финно-угроведов, студентов, изучающих музыковедение и финно-угристику, а также всех интересующихся родственными народами, их языками, культурой и народной музыкой) с коми народной вокальной музыкой, народным песенным творчеством. В сборник включено 102 коми народные песни разного жанра. Все песни снабжены нотами, что предоставляет венгерским специалистам хорошую возможность изучать особенности коми народной вокальной музыки и делает доступным воспроизведение, исполнение оригинальных коми песен для широкого круга читателей. Кроме самих песен книга содержит обширные главы, знакомящие читателей с коми народом и его историей, с историей сбора материала Эриком Васои.

Книга состоит из 8 глав. Первая называется «Коми народ, коми земля, коми судьба», она кратко повествует об истории коми народа с древних времен до сегодняшних дней. Во второй главе под названием «Один магнитофон и тот, кто его таскал» Э. Васои рассказывает о предпосылках своих поездок в Коми, о самих поездках, об условиях и особенностях сбора материала. В этих двух главах автор ненавязчиво высказывает и свое понимание истории коми народа, делится своими опасениями по поводу постепенного угасания народнопоэтических традиций коми народа, тревогами по поводу того, удастся ли коми народу, его языку и культуре выстоять в эпоху урбанизации и глобализации, в условиях коми-русского двуязычия.

Самая большая глава книги называется «Напевы с текстами, напевные тексты». В ней песни расположены согласно их жанрам, например, эпические, детские, рекрутские, свадебные, любовные и лирические. Они даются на коми языке и в венгерском переводе. У каждой песни имеются ноты, запись которых выполнила Каталин Лазар. Она же написала для каждой отдельной песни характеристику и примечания с музыковедческой точки зрения, а также примечания, поясняющие непонятные места и реалии, встречающиеся в песне (например, оленеводческую лексику, редкие, диалектные и устаревшие слова). Иногда даются пояснения, почему перевод на венгерский язык сделан именно так, а не иначе. Эти пояснения, как и перевод коми текстов на венгерский язык, выполнены Эриком Васои.

В главе «Главные особенности коми народных песен» К. Лазар на материале приведенных песен выявляет музыкальные особенности коми песен. В этой главе говорится о том, при каких обстоятельствах исполнялись песни, рассматриваются основные особенности построения напевов песен, их звукоряда и интервала, а также соединения напевов и текстов, двухголосия. С точки зрения обстоятельств исполнения коми песни разделены на две группы: песни, не связанные с каким-либо событием, которые исполнялись когда угодно, где угодно

и кем угодно, в одиночестве или хором, и песни, связанные с определенными обстоятельствами, событиями. Например, К. Лазар ко второй группе относит колыбельные, свадебные, рекрутские песни и песни, связанные с календарными праздниками, и т.п. Исследователь отмечает, что коми исполняют песни на различные напевы: и архаичные, и менее архаичные, разнообразные по диапазону и звукоряду, одноголосые и двухголосые, оригинальные коми и адаптации русских напевов. К. Лазар пишет, что коми напевы в основном диатонические, встречающийся в них звукоряд – би- и трихорд; наряду с архаичными напевами (малого амбитуса, с повторяющимися мотивами) в репертуаре коми народных песен встречаются и русские напевы, и коми адаптации русских напевов. Финно-угорские особенности коми напевов – это одноголосие, диатонический звукоряд, малый амбитус, повторение мотивов. А строфическое построение напева, их большой амбитус можно отнести к русскому или какому-либо другому влиянию. Что касается отношения текстов и напевов, то у многих коми текстов имеются свои определенные напевы. Однако не редки случаи, когда различные тексты исполняются на один и тот же напев или на его вариант, и наоборот, бывает, что один и тот же текст исполняется на различные напевы. К первому случаю относятся, например, эпические песни, ко второму – некоторые детские песни.

В заключении К. Лазар еще раз коротко останавливается на целях издания, отмечает особенности подачи текстов и напевов, сжато формулирует финно-угорские особенности напевов коми народных песен. В главе «Об изданиях по коми народной музыке» дается достаточно полный обзор литературы по коми народной музыке, вышедшей в разное время и в разных странах. В библиографии представлены источники и литература, упоминаемые в сборнике. Последняя часть книги богато проиллюстрирована фотографиями, сделанными Эриком Васои во время своих экспедиций в Республике Коми.

В 1942 г. один из самых выдающихся исследователей венгерской народной музыки Золтан Кодай (Kodály Zoltán) писал, что «очень большим упущением нашей литературы [т.е. венгерской – *H.P.*] является то, что она совсем не знакомит читателей с поэзией родственных народов». Но уже во второй половине XX в. целая плеяда венгерских исследователей посвящает себя устранению этого недостатка. Благодаря сибирским экспедициям Вилмоша Диосеги (Diószegi Vilmos) и Лайоша Вардяша (Vargyas Lajos) граница территорий, на которых венгерскими исследователями осуществляется сбор народной поэзии и музыки, расширяется чуть ли не до границ Монголии. Больше 20 лет из года в год Габор Берецки (Bereczki Gábor) и Ласло Викар (Vikár László) бывают в селах бассейнов рек Волги, Камы и Белой и записывают сотни песен марийцев, мордвы, чувашей, башкир, татар. В 90-е гг. венгерские экспедиции под руководством Марты Чепреги (Csepregi Márta), Агнеш Кережи (Kerezsi Ágnes) и Каталин Лазар (Lázár Katalin) часто проводятся среди хантов и манси. Не охваченной до сих пор оставалась коми территория. Хотя и здесь бывали венгерские ученые,

собиравшие произведения народного творчества, но с публикацией материала, собранного ими, пришлось повременить чуть ли не до наших дней. В начале нынешнего тысячелетия было решено, наконец-то, издать хранящийся в Институте музыки Венгерской академии наук коми фольклорный и музыкальный материал, собранный живущим сейчас в Австралии Эриком Васои. В результате выхода в свет данной книги венгерский читатель получил первое, представленное на его родном языке, увесистое собрание коми народной вокальной музыки.

Хорошо было бы, если в перспективе это издание появится и на русском языке. В этом случае с шедеврами коми народного песенного творчества могли бы ознакомиться не только те, кто владеет венгерским языком, но и широкий круг лиц, интересующихся данной проблематикой как в самой Республике Коми, так и в других финно-угорских регионах России.

Николай Ракин

Будапешт

«Финно-угроведение», 2009, № 1

Рец.: Янгайкина Т.И. Системные семантические отношения в лексике мокшанского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Саранск, 2008. – 180 с.

26 сентября 2008 г. состоялась защита вышеназванной кандидатской диссертации в Марийском государственном университете. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук, профессор А.П. Кочеваткина (Саранск) и кандидат филологических наук, профессор Е.Н. Мустаев (Йошкар-Ола).

Диссертация «Системные семантические отношения в лексике мокшанского языка» состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованной теоретической литературы, включающего 110 наименований, списка художественной литературы, состоящего из 45 названий, 3 приложений, в которых представлен список антонимов, гипонимов, синонимов.

Глава I (с. 9–28) содержит некоторые положения о системности в лексике и краткий обзор трудов по словарному составу мордовских языков. Здесь представлены исследования и по фразеологии, и этимологии, и флоре, и фауне, и терминам ткачества, родства, и словам, связанным со свадьбой, и соматизмам, и многозначным глаголам и др. На мой взгляд, этот обзор не имеет прямого отношения к работе, основной целью которой является исследование родо-видовых, синонимических и антонимических отношений между словами. Думается, следовало бы ограничить его названными выше тремя аспектами. А тема диссертации могла быть названа «Родо-видовые, синонимические и антонимические отношения в мокшанской лексике в аспекте (или в контексте) системных связей».

В главе II «Гипонимические (родо-видовые) отношения между лексическими единицами» (с. 29–52) исследуется совершенно не разработанная в мордвинистике проблема, которую можно назвать отношениями общего и частного. Глава содержит ряд интересных, правильных положений. Однако в ней встречаются недостатки. Прежде всего выскажу свое мнение о названии главы, в котором вместо слова «гипонимические» следует употреблять «гиперо-гипонимические» (отношения между словами).

Диссертантка пишет, что «одно и то же *панчфть* 'цветок' можно назвать *цецякс* 'одуванчиком', *акша панчфокс* 'белым цветком' (с. 30). Речь должна идти не о различных названиях одного и того же цветка (предмета). Речь следует вести о родо-видовых отношениях между словами. Раскрывая сущность гипе-

ронимов и гипонимов, нужно было выразиться хотя бы так: слово *панчфть* включает в себя, скажем, *цецякс, розу, тюльпан* и др.

Процитирую из этой же главы выдержку: «Итак, родо-видовое отношение образует иерархическую структуру. Понаблюдаем за понятиями «часть – целое». Объект, как правило, состоит из нескольких частей или элементов. Например, *панар* 'рубашка' состоит из *ожаста* 'рукавов', *воротникста* 'воротника' и т.д.» (с. 33). Данная выдержка нуждается в существенных коррективах. Первое, следовало бы сказать «частное и общее», а не «часть – целое». Речь же идет об отношении родо-видовом, а не партитивном. Второе, представлен неверный пример. Дело в том, что гипоним может быть заменен гиперонимом, но *ожа*, *воротник* не могут быть заменены словом *панар*: *ожа* 'рукав' не *панар* 'рубашка'. Следует иметь в виду, что слово с более узким значением (гипоним) противопоставляется слову с более широким смыслом (гипероним); значение первого при этом включается в значение второго. Два примера: значения слов *инези* 'малина', *ксты* 'земляника', *шукштурода* 'смородина' включаются в значение слова *иможс* 'ягода'; *тума* 'дуб', *куз* 'ель', *пиче* 'сосна' – гипонимы (частное), *шуфта* 'дерево' – гипероним (общее).

В главе употреблены термины эквонимы, эквонимия (с. 41–42). Их нет ни в одном словаре лингвистических терминов. Вместо эквонима лучше употреблять согипоним, который имеет хождение в научной литературе.

Вопреки сущности родо-видовых отношений гиперонимы гипонимов *цёра* 'сын' – *стирь* 'дочь', *сазор* 'младшая сестра' – *дуган* 'младший брат', *аля* 'отец' – *тята* 'мать' представлены в форме множественного числа: *шабат* 'дети', *роднят* 'родственники', 'родители'. Следовало бы назвать эти гиперонимы в форме единственного числа: 'ребенок, дитя' (мокш. *шаба*), 'родственник' (мокш. *родня*), 'родитель' (приведено Т.И. Янгайкиной мокш. *шачфтыхне*, но оно не зафиксировано в мокшанско-русском словаре ни 1949 г., ни 1998 г.).

Исчерпывающе не раскрыта относительность понятий «гипероним» и «гипоним» (с. 42–43). В качестве примера приведены *кал* 'рыба', являющееся гиперонимом, и гипонимы, «образующие две родо-видовые группы» (следует сказать: видовые) *акша* и *мази кал* 'белая и красная рыба' (по-видимому, принято во внимание внешний вид филе, но рыбаки и ихтиологи не употребляют в своей речи 'красная рыба' и 'белая рыба'). Как видно, диссертантка сказала не всё. Слово *кал* по отношению к словам с более узким содержанием (*акша кал* и *мази кал*) действительно является гиперонимом, в то же время *акша кал* по отношению к словам *ментюк* 'налим', *карася* 'карась', *щука* выступает как гипероним, то же самое следует сказать и о гипероними *мази кал* и гипонимах *лосось, горбуша, кета*.

Об отсутствии термина «гипоним» «в мокшанском языке и мокшанско-русском словаре» (с. 31) не стоило говорить: редко употребляемые термины в подобные словари вообще не включаются. Замечу, кстати, что *гипоним*, а также связанное с ним *гипероним* не нашли места даже в «Словаре лингвистических

терминов» О.С. Ахмановой (1966). Они появились в словарях языковедческих терминов, вышедших в свет лишь в девяностые годы прошлого столетия. В мордовском же языкознании *гипоним* и *гипероним* впервые в середине девяностых годов минувшего века употребила, насколько я осведомлен, В.К. Маркина, исследовавшая мокшанские соматизмы.

В главе III (с. 53–97) еще раз после исследования Р.Н. Бузаковой затронута синонимия, но автором сужен круг задач – разработать проблемы мокшанских синонимов.

«Синонимы – это близкие по семантике слова, имеют общее ядро…» (с. 61). Под синонимами понимаются слова одной части речи, которые имеют полностью или частично совпадающие значения, т.е. речь нужно вести о тождестве или сходстве значений. Правда, на другой странице уточняется: «Основой синонимов является тождество или близость значений слов».

По мнению Т.И. Янгайкиной, третьим критерием синонимичности является сочетаемость (с. 66). Не думаю, что это адекватно отражает сущность синонимичности. Хотя названное ею *комляв* сочетается со словом *симомбяль* (хмельной напиток), он (*комляв*) составляет вместе с двумя словами один синонимический ряд *ирецта – комляв – копордаф*, объединенный значением 'пьяный, хмельной, подвыпивший'.

Сделана попытка исследовать средства создания синонимии. К таким средствам отнесены лексические преобразования, основанные на замене данного слова (какого слова, не ясно): 1) конверсивом, приведены примеры *каратель – враг – противник*. Последние два слова, конечно, синонимы, но *каратель* (участник карательного отряда) не является в языке таковым к словам *враг* и *противник*; далее непонятно о каком конверсиве идет здесь речь; 2) антонимом, приведены примеры *аф пара* 'невзрачный' и *кальдяв* 'плохой'. Нет здесь антонимов, *аф пара* и *кальдяв* – синонимы; 3) лексическим синонимом, приведены глаголы *пешкодомс* и *ювademс* с общим значением 'кричать'. Словом, *враг* и *противник, аф пара* и *кальдяф, пешкодомс* и *ювademс* без каких-либо «лексических преобразований, основанных на замене слова», являются синонимами.

Представлено значительное количество абсолютных синонимов с учетом их частеречной принадлежности (с. 71). На мой взгляд, ошибочно мнение, согласно которому *келунал* и *келу вирь* 'березняк' являются синонимами, так как *келу вирь* 'березовый лес' представляет собой словосочетание, а не отдельное, самостоятельное слово.

В работе отмечены пять видов синонимов: абсолютные, идеографические, экспрессивные, стилистические, семантико-стилистические. Опираясь на иллюстративный материал, диссертантка со знанием дела истолковала эти виды синонимов. Можно было, конечно, использовать более логичную, на мой взгляд, классификацию, представленную Л.А. Новиковым в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (М.: Советская энциклопедия, 1990): по степени синонимичности (тождеству, близости значений и способности замещать друг дру-

га) синонимы делятся на полные (абсолютные) и частичные (относительные); с учетом выполняемых функций синонимы делятся на семантические (идеографические), передающие разные стороны обозначаемого объекта, и стилистические, дающие различную оценочную характеристику обозначаемому объекту; семантико-стилистические синонимы совмещают обе эти функции (с. 147).

В IV главе речь идет о мокшанских антонимах (с. 98–141).

В отечественной науке антонимы, или слова с противоположными значениями, стали предметом лингвистического анализа сравнительно недавно. В мордвинистике разработка этого вопроса только начинается. Работа Т.И. Янгайкиной является, по сути, первым опытом исследования антонимов.

Важно заметить, что автор в своей диссертации всецело опирается на труды российских русистов. Так, вслед за Л.А. Новиковым [см. его статью «Русская антонимия и ее лексикографическое описание», опубликованную в книге М.Р. Львова «Словарь антонимов русского языка» (М.: Русский язык, 1984), а также его статьи в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (М.: Советская энциклопедия, 1990) и энциклопедии «Русский язык» (М.: Научное изд-во «Большая российская энциклопедия», 1997)] в зависимости от семантики, типа выражаемой противоположности Т.М. Янгайкина различает три разновидности антонимов: 1) антонимы, выражающие качественную противоположность; они соответствуют контрарным противоположным понятиям (от лат. *contrarius* – противоположный) и характеризуются градуальной (ступенчатой) оппозицией; 2) антонимы, выражающие дополнительность (от лат. *complementum* – дополнение) они соответствуют комплементарным противоположным понятиям; 3) антонимы, выражающие противоположную направленность действий, признаков и свойств; они реализуют в языке векторную противоположность (от лат. *vector* – везущий, несущий, направленный отрезок). Эти теоретические положения русиста, касающиеся семантической классификации антонимов, подкреплены мокшанскими антонимическими парами, которые истолкованы достаточно убедительно.

В этой связи следует внести коррективы в утверждение диссертантки о том, что М.Р. Львов якобы «различает следующие типы противоположности: контрарную, контрадикторную и векторную», что об этом изложено будто в его «Словаре антонимов русского языка», изданном в 1985 г. В действительности же это не так. Эта книга состоит из перечня антонимических пар и статьи Л.А. Новикова «Русская антонимия и ее лексикографическое описание».

Вторая классификация антонимов, в основу которой положены их формальные (структурные) свойства, вызывает недоумение. Диссертантка привела цитату: «В мордовских языках отсутствуют префиксы, поэтому значение противопоставления передается разнокоренными глаголами» (Е.Н. Лисина. Эрзя-мордовские функциональные аналоги русских префиксальных антонимических глаголов движения // Взаимодействие финно-угорских и русского языков. – Сыктывкар, 1984, с. 169–171). Затем, не принимая во внимание вышеприведен-

ную выдержку, завела речь о том, что у однокоренных антонимов «антонимичная характеристика появляется в результате присоединения отрицательной частицы (префикса)... Именно благодаря префиксу данное слово приобретает значение, противоположное значению слова, имеющего тот же корень... Отрицание путем присоединения отрицательного префикса качественно отличается от отрицания при помощи отрицательной частицы ... Отрицательный префикс значительно полнее выражает отрицание, чем отрицательная частица ... Отрицательный аффикс теоретически (? – *Г.Л.*) может образовывать слово-антоним» (с. 123). Нельзя не возразить диссертантке. Первое, поставлен знак равенства между частицей и префиксом (аффиксом). Второе, в мокшанском языке, как и в эрзянском, нет префиксов. Третье, речь должна идти о частице, так как отрицательный элемент неизменяем, к тому же он пишется раздельно: *аф мазы* (*ломань*) 'некрасивый человек', *аф весялат* 'невеселый', *минь аф пельхтяма врагта* 'мы не боимся врагов', *аф якан* 'не хожу', *аф якат* 'не ходишь'. Четвертое, голословно сравнивается качественное отличие отрицания отсутствующего в мокшанском языке префикса и имеющей место в нем частицы. Словом, трудно распутывается этот абзац.

Представлено немалое количество антонимических пар с учетом их лексико-грамматической принадлежности (с. 124–125). На мой взгляд, *кудряв* 'кудрявый, вьющийся' и *галош* 'лысый' (с. 124) не являются языковыми антонимами. Приведены пары слов *цёра* 'сын' – *стирь* 'дочь', *сазор* 'сестра' – *дуган* 'брат', *баяр* 'помещик' (в «Мокшанско-русском словаре» 1949 г. 'барин, господин') – *крестьянин* 'крестьянин', *атя* 'дед' – *баба* 'баба' (с. 125), *тонафты* 'учитель' – *тонафти* 'ученик' и др. (в «Приложении 1»). Статус антонимов этих слов весьма сомнителен. *Цёра – стирь, атя – баба* и др., хотя они наделены разными, противоположными анатомо-физиологическими особенностями, данными природой, нельзя считать антонимами. «Не имеют антонимов слова конкретной неоценочной семантики», – утверждает Л.А. Новиков («Лингвистический энциклопедический словарь», с. 36). Я полностью разделяю эту точку зрения.

Что касается семантической функции антонимов, то нет сомнений в том, что они употребляются для обозначения контрастных явлений, которые семантически могут быть соотнесены друг с другом. Приведены диссертанткой примеры на контрастные действия, быструю смену состояния, действия, на актуализацию высказывания или усиление образа впечатления и т.д. Эти положения, на мой взгляд, не так уж существенны, важны. То же, думается, следует сказать о стилистических функциях антонимов, которые используются в художественной речи как образное средство, как антитеза.

Все, что сказано диссертанткой, лишь начало исследования антонимии. Наверное, Т.И. Янгайкина продолжит разработку этой темы, при этом ее внимание будет приковано, наряду с другими аспектами, к тому, что антонимические ряды могут осложняться, сталкиваться с полисемией слова. Полагаю, что она

обратит внимание также на связь антонимов с синонимами, не упустит из виду также речевые (контекстуальные) антонимы и энантиосемию.

Утверждается, что в диссертации применялись сравнительно-исторический, сравнительно-типологический, структурный методы. Детально ознакомливаясь с работой, я не заметил использования этих методов.

О грамматических, орфографических и иных ошибках и недочетах, об отсутствии логики в абзацах, о повторении одних и тех же положений за неимением места не приходится писать. К тому же они не имеют существенного значения.

Как явствует из вышеизложенного, в рецензируемой диссертации имеет место, наряду с позитивными моментами, ряд недостатков. Автор данного отзыва порекомендовал диссертантке продолжить работу по искоренению отмеченных пробелов, погрешностей.

Члены диссертационного совета в целом положительно оценили диссертацию, они проголосовали за присуждение Т.И. Янгайкиной ученой степени кандидата филологических наук и посоветовали ей продолжить разработку недостаточно исследованных в мордвинистике проблем.

Гурий Лаврентьев
Йошкар-Ола

«Финно-угроведение», 2009, № 1

Рец.: Цыплякова О.Ю. Структура и семантика сложноподчиненных предложений в эрзянском языке. – Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Саранск, 2008. – 191 с.

27 ноября 2008 г. на заседании диссертационного совета Д 212.117.09 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук в Государственном образовательном учреждении «Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева» состоялась защита кандидатской диссертации Ольги Юрьевны Цыпляковой «Структура и семантика сложноподчиненных предложений в эрзянском языке» по специальности 10.02.02. «Языки народов Российской Федерации (финно-угорские и самодийские языки)». Официальными оппонентами на защите выступили доктор филологических наук Е.А. Цыпанов и кандидат филологических наук Н.И. Рузанкин, ведущей организацией – Сыктывкарский государственный университет.

Диссертационная работа выполнена в отделе языкознания ГУ «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» под научным руководством доктора филологических наук профессора Р.Н. Бузаковой.

Диссертация является актуальной для современного мордовского и финно-угорского языкознания, т.к. тема сложноподчиненных предложений в эрзянском языке, уже привлекавшая внимание исследователей, в качестве диссертационной еще не разрабатывалась. Общеизвестно, что синтаксис финно-угорских языков пока изучен недостаточно полно. Кроме актуальности темы в общетеоретическом аспекте, диссертационная работа имеет и большое практическое значение как в отношении преподавания мордовских языков, так и для написания учебных пособий и учебников эрзянского языка. За период работы над диссертацией автором собран и обработан обширный материал из литературных и фольклорных источников, выбраны для написания работы наиболее приемлемые и репрезентативные предложения, показывающие кроме прочего также красоту и выразительность эрзянской речи. Сама Ольга Юрьевна – носитель эрзянского языка, как исследователь уверенно владеет научной методологией, ориентируется в специальной литературе по теме диссертации.

Структурно диссертационная работа О.Ю. Цыпляковой состоит из введения, трех основных глав с выводами в двух последних, заключения, списка сокращений, списка использованной научной литературы с сокращениями, списка художественной литературы с сокращениями и приложения. Главы непро-

порциональны по объему: первая включает 16 с., вторая – 34 с., третья – 108 с. Общий объем кандидатской работы составляет 191 с. текста, набранного на компьютере. Список использованной и цитируемой теоретической литературы состоит из 96 наименований, 14 из них на иностранных языках. Список источников включает 56 названий, что говорит о достаточной репрезентативности материала исследования. Список произведений художественной литературы содержит также фольклорные произведения и литературный журнал «Сятко». При характеристике источников диссертации автор указывает на материалы периодической печати (5 с.), однако в упомянутом списке нет ни одного наименования газет. В работе также отсутствуют сведения об общем количестве примеров, собранных и обработанных диссертанткой в ходе исследования.

В первой главе «История изучения сложноподчиненных предложений (СПП)» представлен анализ хода изучения сложноподчиненных предложений в финно-угорских и мордовских языках. Вопрос рассмотрен достаточно подробно, однако диссертантом освещены не все работы. Например, не указан труд «Современный коми язык. Часть II. Синтаксис» (Сыктывкар, 1967), не проанализированы обобщающие работы по синтаксису известного финно-угроведа Вальтера Таули (*Tauli V.* Structural Tendencies in Uralic Languages. – The Hague: Mouton, 1966; Eesti grammatika. II. Lausexpetus. Uppsala, 1980) и Тимоти Рииса (*Riese T.* The Conditional Sentence in the Ugrian, Permian and Volgaic Languages. – Wien, 1984). В последнем труде объектом анализа были условные предложения в волжских языках. По мнению оппонента, данную главу логичнее было бы дать в виде предисловия, т.к. она носит информативно-реферативный характер.

Вторая глава «Структура сложноподчиненных предложений в эрзянском языке» достаточно информативна и насыщена интересным материалом. В сжато написанных подразделах освещены такие темы, как развитие СПП, средства связи компонентов в них (союзные слова, подчинительные союзы, соотносительные слова, порядок компонентов, интонация, контактные слова). В конце главы сделаны краткие, но содержательные выводы. Развитие СПП О.Ю. Цыплякова излагает на основе трудов в области общего языкознания, при этом представляет наиболее распространенные мнения по этому вопросу. Однако для оппонента, специалиста в области финно-угорского языкознания, было бы очень интересно узнать о возникновении такого вида сложных предложений в мордовских (прежде всего в эрзянском) языках, было бы весьма полезно получить обобщенную информацию о приблизительном периоде формирования и ходе развития системы СПП, о роли русского языка в данном процессе. К сожалению, эти вопросы во второй главе диссертации не рассмотрены. При характеристике союзных слов О.Ю. Цыплякова правомерно приводит прафинно-угорские реконструкции и параллели из современных языков, однако делает это без каких-либо ссылок на научные источники и с некоторыми неточностями. Так, на с. 30 неверно подан пример на удмуртский *kin* (в тексте *kun)*, на с. 31 представлена не существующая в коми языке словоформа *kut*, а в эрзянском слове *зярдо* (в его транскрипции) отсутствует указание на палатальность начального

консонанта. В разделе интонации как средстве связи компонентов СПП отсутствует конкретная ее характеристика применительно к эрзянскому языку. По мнению оппонента, желательно было бы в этой главе видеть и подраздел об актуальном членении в составе СПП, т.к. последний фактор в простых и сложных предложениях отличается. В принципе сложное предложение и возникло в языке для совершенно отличного выражения темы и ремы (в сравнении с соответствующими возможностями в рамках простого предложения).

Третья глава «Типы сложноподчиненных предложений» имеет основополагающее значение для диссертационной работы, т.к. в ее подразделах содержатся наиболее ценные положения, формирующие новый вклад в теорию синтаксиса эрзянского языка. Типы СПП О.Ю. Цыплякова раскрывает на основе принципов семантико-структурной классификации, выделяет 12 типов СПП: атрибутивные, изъяснительные, времени, места, причины, образа действия, меры и степени, сравнительные, условные, уступительные, следствия, цели. В описании типов автор вычленяет средства связи придаточных предложений, структурные схемы в определенных формулах, семантические подтипы предложений, в конце подразделов дает семантические схемы рассмотренных типов сложноподчиненных предложений. Третья глава завершается характеристикой многокомпонентных СПП, которые, как справедливо указывает О.Ю. Цыплякова, употребляются в основном в письменной форме языка. Последовательно представлены типы МСПП, различающиеся по способу подчинения придаточных частей. Несомненно, это новое слово в теории синтаксиса эрзянского языка. Все положения главы подтверждаются конкретными примерами, взятыми из произведений эрзянских писателей. Однако логически и по характеру материала подраздел о МСПП, по мнению оппонента, следовало бы вынести в качестве отдельной главы, к тому же третья глава уже и без того перегружена материалом. Достаточно объемное заключение (9 с. текста) отражает основные положения и выводы диссертационной работы. В целом кандидатское исследование О.Ю. Цыпляковой является цельной, законченной, самостоятельной работой, которую желательно целиком опубликовать в самое ближайшее время в виде монографии.

Текст диссертации написан вдумчиво, главы отражают внутреннюю логику исследования, материал подан последовательно и в достаточном объеме. Однако у оппонента есть и общие замечания, имеющие научно-методическое значение и носящие скорее рекомендательный характер. Так, введение представляется излишне кратким и неполным, всего 3 с. текста; отсутствует теоретический подраздел, из-за чего положения теоретического характера содержатся в разных главах; не во всех примерах выделены рассматриваемые элементы (союзы, союзные слова и т.п.); нет списка сокращений языков и диалектов, хотя сами сокращения в тексте присутствуют. Приложение с ценными статистическими данными об употребительности СПП в эрзянских художественных текстах носит атомарный характер, т.к. эти очень интересные цифровые факты ни в третьей главе, ни в заключении не приводятся и не комментируются. Выводы заключения автор экстраполирует на весь эрзянский язык (с. 169 и далее), хотя

исследование построено только на материале художественной литературы и частично на произведениях фольклора. Так, в работе не проанализирован диалектный синтаксис, синтаксис устно-разговорной речи, из функциональных стилей не рассмотрен язык газет, деловых документов, научных работ (кстати, в этом заключается перспектива дальнейших исследований О.Ю. Цыпляковой). Некоторые термины в работе, по мнению оппонента, явно неудачны. Например, на с. 130 говорится о неизвестной нам *синтаксической категории наклонения* (вероятно, термин употреблен в значении модальности), на с. 39 говорится о *фонетической деформации* заимствованных из русского языка союзов, хотя здесь необходимо говорить о фонетической адаптации.

Диссертационная работа с содержательной стороны не имеет серьезных недостатков, однако она не лишена недочетов формального и технического характера. Так, диссертант в переводах примеров с эрзянского языка на русский личные имена передает традиционными русскими именами, например, *Проска* как *Прасковья*, *Михал* как *Михаил* (с. 43), *Миколь* как *Николай* (с. 82), *Яхим* как *Еким* (с. 106). Между тем это не соответствует международной практике переводов, сохраняющей национальную специфику именника любого языка, ведь английское имя *Джон* или финское *Юхани* мы не передаем *Иваном* или *Ваней*. Эрзянский язык в этом отношении не является исключением. Есть ошибки в переводах, например, *ударить на плацдарм* (с. 95), *на тетеревов не стрелял* (с. 134) вместо *ударить по плацдарму* и *тетеревов не стрелял*. Стиль работы в ряде случаев не соответствует письменной форме научного изложения, допускаются формулы и обороты, характерные для устных выступлений, докладов и лекций, например, *книги составлены по мерке русских учебников* (с. 17), *возьмем и вставим для примера член предложения* (с. 123), *сразу видно на примере, что...* (там же). Замечены опечатки и ошибки в правописании слов на с. 7, 13, 21, 32 и др., лишние запятые и их пропуски на с. 21, 32, 34, 83 и др. Однако перечисленные недочеты имеют частный характер, их несложно исправить при подготовке текста исследования О.Ю. Цыпляковой к публикации.

Автореферат кандидатской диссертации отражает все основные положения исследования, он написан сжато и в языковом отношении корректно.

В целом диссертация О.Ю. Цыпляковой представляет серьезный вклад в общую теорию синтаксиса эрзянского языка, положения работы создают базу для написания больших обобщающих работ в области мордовского синтаксиса. Содержание исследования найдет несомненное применение прежде всего в практике преподавания эрзянского языка в вузах, при разработке новых основных и спецкурсов, написании учебных и учебно-методических пособий, учебников нового поколения для средних школ. Диссертационное исследование О.Ю. Цыпляковой «Структура и семантика сложноподчиненных предложений в эрзянском языке» написано на соответствующем научно-методическом уровне, является заметным достижением в мордовском и финно-угорском языкознании.

Евгений Цыпанов
Сыктывкар

«Финно-угроведение», 2009, № 1

Рец.: Павлова А.Н. Семантика украшений древнемарийского костюма. Монография. – Йошкар-Ола: Марийский государственный технический университет, 2008. – 197 с., илл.

Недавно увидела свет книга Павловой А.Н. «Семантика украшений древнемарийского костюма» (2008), посвященная одной из наиболее ярких и информативных, но слабо изученных сторон марийской культуры. Марийский костюм привлекал внимание археологов и этнологов с функциональной, искусствоведческой точки зрения (Т.А. Крюкова, Т.Л. Молотова, Г.И. Соловьева и т.д.), рассматривался как этноопределяющий фундамент и хронологический репер в решении вопросов этногенеза, изучении этнокультурных и торговых связей (Л.А. Голубева, Г.А. Архипов, Т.Б. Никитина). Отдельные украшения из древнемарийских могильников неоднократно привлекались для объяснения мифологических представлений мари (О.В. Данилов, Ю.А. Калиев). Автор исследования выбрала в качестве основного – культурологический подход, предполагающий «исследование костюма как феномена культуры в единстве его материальных и духовных функций, раскрывающий особенности этнического менталитета» (с. 9). Выбранный подход должен был определить новизну исследования.

Автором поставлены достаточно конкретные и понятные цели: с помощью методов культурологии, «позволяющих выйти на более высокий уровень информативности», прочитать текст культуры, заложенный в древнемарийском костюме, и решить главную задачу: «проследить реализацию в элементах костюма основных мифологических представлений» (с. 27). В основу реконструкции положен метод сопоставления археологических и этнографических данных. Автором вполне справедливо отмечено, что при этом необходимо использование статистических данных, что позволяет выделить наиболее распространенные комплексы, а также типичные для марийцев способы ношения тех или иных украшений. При этом исследователь сознает, что при изучении семантики костюма необходимо различать на могильниках половозрастные группы, проследить особенности их костюмов и учитывать место украшения в костюмном комплексе, поскольку возможное перемещение отдельных предметов может повлечь изменение их семантического значения.

Использование этнографических материалов при реконструкции древнего костюма и объяснении его семантики автор исследования считает вполне оправданным, основываясь в основном на выводе Г.Е. Шкалиной об устойчивости материальной культуры мари. При этом Павлова подчеркивает, что костюм

XVIII – начала XX вв. претерпел незначительные трансформации. «Минимально подвержены изменениям крой и особенности ношения костюма, незначительно изменились форма головных уборов и элементы декора» (с. 17). С таким выводом автора сложно согласиться. Костюм не может оставаться в течение стольких лет «минимально измененным», менялись эпохи, изменялся и костюм. Тем более что затронут значительный (два века), сложный в социально-экономическом развитии временной период. Самые значительные изменения в марийском костюме произошли во второй половине XIX и начале XX вв.: появились новые фабричные ткани и отделка, что было связано с развитием текстильной промышленности в России; изменилась цветовая гамма вышивки; исчезли некоторые архаичные формы орнаментации, украшений и головных уборов; появились совершенно новые формы одежды (отрезные в талии кафтаны, передники с грудкой, фабричные платки, обувь). Безусловно, что привлечение этнографических материалов XVIII–XX вв. для выяснения семантики костюма VII–XII вв. вполне правомерно, однако, целесообразно было больше внимания уделить периоду середины II тыс. и XVI–XVII вв., тогда было бы возможным проследить непрерывную эволюцию костюма. Тем более, что средневековый костюм марийцев XVI–XVII вв. довольно подробно проанализирован в работе Т.Б. Никитиной (Марийцы в эпоху средневековья, Йошкар-Ола, 2002), в основе которой лежит большой археологический материал.

На с. 19–20 А.Н. Павлова, ссылаясь на работу Т.Л. Молотовой (Марийский народный костюм, Йошкар-Ола, 1992) отмечает, что «в поздний период украшения уже значительно трансформировались, так как марийцы оказались ограничены в выборе материала». В работе Т.Л. Молотовой ни слова не сказано об «ограничении материалов», речь шла об изменении полностью технологии производства украшений в XVIII веке, что было связано с указом царского правительства 1699 г. о запрете кузнечного и ювелирного производства народам Поволжья. Не имея возможности производить ювелирные украшения, марийцы стали использовать другие разнообразные материалы: монеты, бисер, бусы, цепочки, позумент, раковины каури и др.

В качестве источника изучения автором выбраны марийские украшения из могильников VI–XII вв., что и определило название опубликованного исследования. Анализ источников предложен во второй главе работы «Основные элементы древнемарийского костюма». Стремясь уйти от типологий, предлагаемых традиционно археологами, автор исследования обозначил свои принципы типологии, продиктованные целями своей работы, что вполне логично. За основу взяты общеизвестные принципы в культурологии и выделены классы, связанные с семантикой различных частей тела, внутри классов – группы по смысловой (?) нагрузке, внутри группы – предметы одинакового назначения, отличающиеся по форме.

Украшения, связанные с семантикой тела, объединены в пять основных классов (с. 60) или видов (с. 62): головные, нагрудные, поясные, рук, обуви (навер-

ное ног – ?). Автор вообще относится недостаточно уважительно к использованию терминов (в данном случае класс или вид – ?), что затрудняет восприятие работы в целом. Выделенные классы (или виды) представлены в статистической таблице на с. 62. Все данные представлены в процентном соотношении даже с точностью до десятых долей, но, к сожалению, не указаны их точные количественные показатели (ни в таблице, ни в тексте), позволяющие представить реальное количество тех или иных элементов. Представленные количественные характеристики вызывают большие сомнения. Одному из авторов данной рецензии Т.Б. Никитиной, как исследователю могильника Нижняя стрелка, непонятно откуда могли возникнуть цифры, предложенные А.Н. Павловой. В частности, в работе указано, что поясные украшения обнаружены в 43,75% женских захоронений и в 55,556% мужских захоронений. Фактически поясные украшения присутствуют в 100% мужских захоронений и не менее 70% женских. Не менее странным кажется, что головные украшения указаны чаще в мужских (77,77%), чем в женских (62,5%) костюмных комплексах. Фактически они найдены примерно в 50% мужских захоронений и в 70% – женских. Аналогичная картина предстает и с остальными видами украшений. Вызывают сомнения приведенные в таблице цифры и по другим могильникам. Судя по тексту рецензируемой работы, в Младшем Ахмыловском могильнике в 100% мужских и женских захоронений обнаружены нагрудные украшения. Нам, археологам, просто мечтать приходится о такой статистике. Нужно сказать, что автор исследования вообще находится не в ладах со статистикой. В конце книги приведена еще сводная таблица процентного соотношения основных сочетаний украшений в древнемарийском костюме (это должно быть с. 196, 197 – они не пронумерованы). Мало того, что приведенные в таблице цифры вызывают сомнение, но они также не согласуются с вышеупомянутой таблицей на с. 62. Вернемся вновь к могильнику Нижняя стрелка. Ни в одном из выделенных костюмных комплексов Нижней стрелки в таблице на с. 195 не отмечены украшения рук, в то время как в табл. на с. 62 они присутствуют в 91,78 % женских захоронений. Выводы на с. 75, завершающие вторую главу исследования, целиком противоречат таблице на с. 62, на которую ссылается сам же исследователь. Приведенные выше примеры (которые можно дополнять неоднократно) показывают, что автор отступил от одного из обозначенных во введении методических подходов: использование статистических данных с целью выделения наиболее распространенных комплексов, а также типичных для марийцев способов ношения тех или иных украшений. Без этого дальнейшая работа не будет иметь полноценного значения. Не представляя реальной картины распространения тех или иных украшений и не выделив наиболее типичных марийских, очень легко увлечься выбором наиболее ярких, но не типичных для марийского комплекса украшений и построить на них свою доказательную базу. И именно эта ошибка сделана автором данного исследования, что вполне закономерно при такой некачественной обработке первоисточника. Например, из нагрудных

украшений автору больше всего понравилась круглая бляха с «крышечкой» из погребения 41 Младшего Ахмыловского могильника (с. 71, 116–120). Ее совсем не смущает тот факт, что это изделие встречено в единственном экземпляре и заимствовано из мордовской культуры. Для иллюстрации культа змеи исследователь подробно анализирует бляху из Старшего Ахмыловского могильника (с. 104–106) ананьинского времени, очень отдаленно связанного с марийской культурой, совершенно игнорируя материал из древнемарийских могильников. Вполне понятно, что мировоззрение и семантические традиции любого народа, в том числе и марийского, начали формироваться в весьма отдаленные времена, что неизбежно требует использования более ранних материалов, но не нужно забывать темы своего исследования и периода, материал которого должен стать базовым, а более ранний привлекаться дополнительно.

Пренебрежительное отношение к статистике позволяет автору делать необоснованные заключения. Разделяя шейные украшения на женские и мужские, она отмечает, что мужчины носили гривны из гладкой проволоки или витые, а богато украшенные экземпляры гривен характерны для женского костюма (с. 71). Полный анализ материала показывает, что витые гривны были характерны для мужского и женского костюма, а богато украшенных экземпляров только три. Они, как правило, заимствованные, 2 из них находились в могильнике Нижняя стрелка, украшены орнаментом «волчий зуб», относятся к изделию радимичского типа (вероятно, именно оттуда и были привезены) и находились по одному в мужском и женском захоронениях.

Из этнографических исследований известно, что основой традиционного костюмного комплекса марийцев была рубаха лишь одного типа – туникообразного покроя, сшитая из одного полотнища, перекинутого со спины на грудь, в нем делался разрез для ворота. В работе А.Н. Павлова не учитывает локальные отличия в покрое нижней части рубахи и рукавов, в расположении грудного разреза, а также в характере орнаментации, которые также хорошо освещены в этнографии. К тому же этнографический материал Павлова использует не всегда корректно (с. 51), подчиняя его своим измышлениям. Например, ссылаясь на работу известной исследовательницы В.Н. Белицер (Народная одежда мордвы. – М., 1973. С. 44), она пишет, что древней рубахе мордвы-эрзи, сшитой из двух полотнищ, близки и старинные рубахи луговых мари. В указанной работе нет ни слова по этому поводу, поскольку подобный крой был характерен только для эрзи. Если автор проводила самостоятельные исследования (о чем не упоминается в работе) и ей удалось зафиксировать подобный покрой у марийцев, то для научной достоверности нужны фактические доказательства, а не огульные заявления.

Рассуждая об архаичности техники кроя и шитья марийского костюма, исследовательница ссылается на работу Т. Евсеева и говорит о правомерности сопоставления археологических и этнографических материалов при реконструкции силуэта костюма с украшениями, обувью, набедренниками. В качестве

основы для такой иллюстрации автором были выбраны фотографии марийских крестьян начала XX века, позволяющие отметить специфику ношения костюма (с. 23). Но не говорится – какие коллекции фотографий использованы автором, из фондов каких музеев.

На с. 66 автор, рассматривая кожаные шапочки (вероятно, имеется в виду шапочка «такия») волжских финнов, также неудачно обращается к этнографическому материалу. «До начала XX в. марийские девушки носили матерчатые шапочки ошпу, украшенные монетами, бисером…» (сноска на Т.Л. Молотову. Марийский народный костюм, с. 43, 44). Никогда девушки не носили головного убора ошпу, так как это исключительно женский убор. И тем более об этом не могла писать Т.Л. Молотова, как и любой профессиональный этнограф, имеющий реальное представление о марийском костюме.

Требуют дополнительной аргументации и уточнения и ряд других положений. Автор предполагает, что «сюльгамы чаще использовались для того, чтобы соединить полы кафтана» (с. 53). По этнографическим материалам сюльгама использовалась для скрепления грудного разреза рубах, для скрепления пол кафтана не использовалась. Далее следует, что «женщины использовали пояса с металлическими накладками, следовательно, рубахи не должны были иметь напуска, который закрывал бы поясную гарнитуру» (с. 53). В традиционных комплексах горных мари и части луговых мариек рубахи носили с большим напуском, закрывая пояса. Без напуска носила рубаху группа луговых марийцев («шымакшан мари»).

Н.А. Павлова в исследовании не решилась высказать конкретную точку зрения по поводу возникновения штанов в женском костюме, объясняя это возможностью влияния природно-климатических условий и тюркских народов. На наш взгляд это древнейший элемент женского костюма, который прежде всего был связан и с природно-климатическими условиями, и с конструктивными особенностями одежды, а также с хозяйственной деятельностью, эстетическими и этическими взглядами народа.

На с. 67 (абзац 2) А.Н. Павлова пишет: «В состав головного убора входили полотенца или позатыльники (?), последние изготовлялись как из ткани, так и из войлока. Обычай богато украшать лопасть, спускающуюся на спину, сохранился у мари и мордвы. Марийские женщины использовали для этого в начале XX в. вышивку, монеты, бисер, каури» (Молотова Т.Л. Указ. соч. С. 35). По тексту Павловой совершенно непонятно о каком головном уборе идет речь. У Т.Л. Молотовой на этой странице говорится о женских головных уборах – «шурка, шымакш, сорока». К большому сожалению, в тексте А.Н. Павловой очень много неточностей, а иногда ложных сносок по многим работам.

На с. 72 Н.А. Павлова, говоря о нагрудных украшениях, сравнивает их с матерчатыми нагрудниками, надевавшимися на голое тело и закрывавшими грудь. Такие текстильные нагрудники, прикрывающие грудь и надевавшиеся под рубаху, бытовали у татар, башкир, восточных мари, части удмуртов, что

относится к формам одежды, и они не имеют никакого отношения к украшениям. Очевидно, автору термин «нагрудники» надо было бы заменить на термин «нагрудные украшения», что ясно показало бы, о чем собственно идет речь в тексте.

В третьей главе монографии были выделены основные коды древнемарийского костюма: зооморфный и геометрический код, а также рассмотрена символика цвета и материала в костюме. На с. 134 указывается, что для передачи мифологических представлений наряду с другими кодами использовался «анатомический». Вероятно, автор имела в виду антропоморфный код.

В зооморфном коде древнемарийских украшений обозначены образы утки, лося (оленя), медведя, коня и змеи, через которые А.Н. Павлова сделала попытку раскрыть мировоззрение древнемарийского населения.

Достаточно хорошо владея работами исследователей в области этнологии, фольклора, культурологии, занимающихся проблемами мировоззрения марийцев, автор вполне правильно расставила акценты, сосредоточив свое внимание на освещении культов утки, коня и т.д. Но, все же она забывает, что основной целью ее исследования является древнемарийский костюм. Ей хочется изложить все свои знания по языческим культам марийцев, независимо от того в какой степени они были отражены в костюме. Значительное место в рецензируемой работе отведено культу оленя (лося) и медведя, при этом не подтверждено достаточными вещественными доказательствами из комплекса марийского костюма. Очень обстоятельный раздел об образе медведя (с. 86–91) подтверждается единственным свидетельством – наличием подвески из медвежьих когтей в Кочергинском могильнике. В остальном мы читаем уже не новые данные и рассуждения о языческом культе медведя, который действительно присутствовал в древнемарийской культуре, но не в костюме и достаточно хорошо и полно освещен О.В. Даниловым еще в 1992 году в кандидатской диссертации и последующих публикациях. Кстати, О.В. Данилов нашел и большее количество подтверждений проявления этого культа в украшениях (Данилов О.В., 1992). Аналогичная картина и с культом лося (оленя), который представлен в металлопластике древних мари, чаще всего в кресалах. Автору не удалось подтвердить свои многословные рассуждения конкретными примерами из непосредственных объектов своего исследования. Для иллюстрации опять же использована лишь форма гребней из погребения 70 Акозинского могильника ананьинского времени. Правда при рассмотрении геометрического кода при анализе подвесок из спиралей исследователь еще раз обращается к этому культу, опять же не указывая степень распространенности их в марийском костюме.

Незаслуженно мало уделено места культу змеи. Исследователем отмечен факт, что культ змеи использован лишь в украшениях, находящихся на периферии костюмного комплекса, а именно в браслетах. В данном случае А.Н. Павлова опять же находится под влиянием предшественников, писавших о языческих культах мари. В действительности известны неоднократные случаи исполь-

зования подвесок в форме змеи и в качестве шейных и нагрудных украшений (Нижняя стрелка, Веселовский могильник, Черемисское кладбище). Поэтому не ясно, почему автор для иллюстрации, подробно анализируя бляху из Старшего Ахмыловского могильника (с. 104–106) ананьинского времени, совершенно игнорирует древнемарийские изделия. Учитывая массовость браслетов, а также существование иных видов украшений со змеей, можно однозначно утверждать, что в костюмном комплексе марийских могильников (возможно, это погребальный костюм) данный образ является одним из ведущих и требует дополнительного прочтения.

В качестве одного из принципов своего исследования автор провозгласила стремление «проследить место украшения в костюмном комплексе, поскольку возможное перемещение отдельных предметов может повлечь изменение семантического значения», который ею неоднократно нарушается. Приведем несколько примеров. На с. 110 описываются подвески, входящие, по мнению А.Павловой, в состав ожерелий со ссылкой на рис. 15-11, 14. Подвеска под № 11 из Веселовского могильника найдена не в погребении 13, как это указано в монографии (в погребении 13 нет таких подвесок и ожерелий тоже), а в погребении 3 (Халиков А.Х., Халикова Е.А., 1960. Рис. 21-3)* . Исследователи этого памятника довольно конкретно зафиксировали это изделие в составе нагрудного украшения (там же с. 27), к тому же крепление аналогичных изделий позволяет их пришивать к основе ткани или коже, но ни в коем случае носить на шнурке. Аналогичная картина с подвеской на рис. 15-4 из погребения 8 Юмского могильника. В качестве иллюстрации такого важного элемента древнемарийского костюма как накосник А.Н. Павлова выбрала костяные коньки из погребения 29 могильника Нижняя стрелка (с. 68). Произвольный выбор не подтвержден источниками. В данном погребении нет упоминания о накоснике (см. отчет Т.Б. Шикаевой 1987 г.), а найденные коньки могли быть успешно использованы в составе ожерелий, височных украшений и других деталей костюма, содержащих подвески.

Третий раздел этой главы автором выделен для анализа цвета и материала в древнемарийском костюме. А.Н.Павлова отмечает, что слабо освещенной остается проблема цветового кода в древнемарийском костюме, но и ее рассуждения не дают ясной картины. Например, по этнографическим материалам красный цвет в вышивке имел сотни оттенков от красного до терракотового, что

---

*Указанное изделие автор могла видеть только в альбоме к «Отчету Марийской археологической экспедиции» или в указанной мной выше статье. В монографии А.Павловой нет ссылок ни на один из вышеуказанных источников. Как впрочем, в библиографическом списке нет работы Т.Б. Никитиной по инвентарю могильника Нижняя стрелка (1990 год), а она использована. По непонятным причинам в список не включены использованные работы Габышева, 1999 (упомин. на стр. 84), Никитиной, 1992 (упомин. на стр. 13) и др. Точное указание на источник, которым пользовался исследователь, принятое в научной литературе, позволило бы автору избежать ряда ошибок.

отражалось и в богатой марийской терминологии. Определенные оттенки красного использовались для орнаментации в определенные периоды времени и для определенных форм одежды, но автор не имеет никакого представления об этом. Павлова предполагает (с. 125), что «зеленый цвет также входил в группу сакральных цветов, о чем косвенно свидетельствует использование шапок и кафтанов из зеленого сукна в свадебных обрядах…» (сноска на Евсеева). Зеленые кафтаны бытуют и в настоящее время, но никогда у марийцев не было зеленых шапок. Свадебная шапка в сочетании с таким кафтаном всегда была и есть из красного сукна с лисьей опушкой. В целом для автора характерно неточное цитирование этнографического материала. На этой же странице она пишет, что медь у марийцев обозначалась термином «вургече», что обозначает в переводе «среда» (нелепость).

В монографии А.Н.Павлова рассматривает и ткани одежды. Она отмечает, что по этнографическим данным основным материалом для одежды была конопля, а наиболее архаичные предметы, например, свадебные покрывала у мари, делали из крапивного полотна (с. 127). «Мари предпочитали брать крапиву в отдаленных местах, где не было петухов» (сноска на Молотову). Это высказывание не Молотовой, которая в своих работах ссылается на информацию Т.А. Крюковой (Материальная культура марийцев как один из источников решения вопроса об этногенезе // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967. С. 124). И дело совсем не в том, что «не было петухов», а в том, что крапиву брали далеко от селения, в экологически чистых местах, где даже «не было слышно пения петухов».

А.Н. Павлова, опираясь на работу Л.В. Ефимовой (Ткани из финно-угорских могильников I тыс. н.э. // КСИА. Т. 107. М., 1966. С. 128–142), делает вывод о том, что «в средневековье одежда, головные уборы и другие детали костюма чаще изготавливались из шерстяной ткани». Но такой вывод скорее всего не соответствует действительности, так как Л.В. Ефимова не анализировала марийские могильники. Вероятно, что и в период средневековья использовались наряду с шерстяными тканями и растительные, а также ткани, сочетавшие шерсть и растительное волокно, привозные.

В тексте (с. 128) не ясно, что автор хотел сказать: «Овечья шерсть была одним из первых видов сырья для производства одежды, полученных не непосредственно из природы, а созданных в мире культуры… Таким образом, шерсть как материал, полученный из животного мира, хотя и преобразованного человеком, сохранила тесную связь между людьми и их животными предками или покровителями. Если в мифологии богини выступают в роли пастушек, можно предположить, что некогда они имели и звериные черты». Эти высказывания автора искажают мифологию марийцев. У читателя возникают вопросы: какие у марийцев животные предки (судя по контексту – овца), какие звериные черты имели марийские богини? Читая эту работу, много возникает вопросов из-за искажений, надуманных выводов, не соответствующих действительности.

В приложении помещены несколько реконструкций древнемарийского костюма из хронологически различных марийских могильников. К сожалению, исследователь не всегда аккуратно использует полевой материал, позволяя по своему усмотрению убирать отдельные украшения, найденные в комплексах, или добавлять их, что недопустимо с методической точки зрения. Например, в реконструкции женского костюма из погребения 53 Дубовского могильника вдруг появляется головной убор из металлической цепочки, не обнаруженный фактически (Отчет о раскопках с. 15–16). Думаю, что нет необходимости объяснять важность такого элемента костюма, как головной убор, имеющий разную форму и семантическую нагрузку в погребении девушки и женщины. Поэтому без определения возраста и статуса конкретного объекта (а такого не проведено) недопустимо делать по своему усмотрению аналогичные дополнения к костюму. В костюме же женщины из погребения 3 Выжумского могильника вдруг исчезли нагрудная сюльгама и браслет. Реконструкция костюма по погребению 3 Выжумского могильника дана на с. 191 (костюм сзади) и с. 192 (костюм спереди). Логичнее их дать на одной странице. В костюме на с. 191 дан вид сзади и реконструирован накосник. Если сравнить данную реконструкцию с полевыми материалами, то становится очевидным, что она маловероятна, так как одно украшение (верхнее) найдено с правой стороны от костяка в районе пояса, а нижнее с левой стороны костяка у бедренной кости, почти у колена.

При рассмотрении отдельных видов украшений необходимо все же разделить комплексы по половозрастному типу, так как похожие украшения могут нести различную нагрузку в погребениях мужчин и женщин. Автор не предпринял такой попытки, не считая нескольких реконструкций костюма, приведенных в приложении. Причиной тому, как она вполне справедливо заметила, является плохая сохранность костей и отсутствие антропологического анализа, позволяющего достоверно определить принадлежность той или иной группе. В числе рассмотренных ею памятников центральное место занимает могильник Нижняя стрелка, антропологический материал которого определен Рыкушиной, что позволяет сегодня хотя бы на небольшом объеме источников провести эту работу. К тому же есть такой метод, как изучение взаимовстречаемости вещей в одном комплексе, который также позволяет выделить костюмные комплексы и специфические черты внутри них. Но, к сожалению, аналогичной работы не было проведено. Как, впрочем, и не подчеркнуты (хотя выделены Г.А. Архиповым, Т.Б. Никитиной) специфические черты марийского костюма. Им не уделено почти никакого внимания, в то время как они должны были занять центральное место в работе.

Рассматривая методологические аспекты исследования символики древнемарийского костюма, автор уделил внимание обзору опубликованных философских, культурологических, этнологических работ, посвященных понятиям «традиция, традиционная культура, символ». Особенно много места в работе занимает принятое разъяснение понятия «символ» (с. 33–50). В результате вслед

за известными исследователями (Голан), автор обращает внимание читателей на то, что символы принято делить: «символы для своих» – внутренние, «символы для чужих» – внешние. Это характерно и для символов древнемарийского костюма (с. 46, 49, 50). Однако, неоднократно повторяя о наличии таких символов, в монографии так и не дается конкретного ответа – какие же символы в древнемарийском костюме внутренние, а какие внешние.

Хронологический диапазон исследования с VI до XII в. достаточно широк. Это сложный период в этнической истории марийского народа, он охватывает различные этапы этногенеза, развития хозяйственного уклада и социального устройства общества, изменения направлений культурных и торговых связей и т.д. Все это отражалось не только в материальной культуре, но и в мировоззрении населения. К сожалению, исследователю не удалось проследить этих изменений в семантике. Да она и не ставила такой цели, рассматривая элементы костюма бегло, без хронологических привязок, что методически неверно.

В монографии приводится широкий круг аналогий, особенно при расшифровке семантики основных кодов марийского костюма. Это положительно характеризует кругозор автора, но к сожалению не всегда обосновано целями и задачами данного исследования. «Чрезмерно широкий региональный охват при корреляции сравниваемых признаков часто приводит к тому, что начинается сопоставление внешне похожих, но структурно и логически неадекватных штришков и клочков разных несопряженных блоков и систем» (Косарев М.В., 2003. С. 6). Одни и те же культы, похожие украшения могут иметь совершенно иную семантическую нагрузку у народов иной природно-географической среды, а тем более иной системы верований. Стоит осторожнее подходить к использованию аналогий и семантики отдельных проявлений мировоззрения даже угорских народов, с которыми марийцы объединяются в одну финно-угорскую общность. Все-таки мы не должны забывать, что у угорского населения ярко выражен шаманизм.

В пределах данной рецензии невозможно высказать все замечания к монографии. К общим замечаниям, бросающимся в глаза, можно отнести: небрежное оформление ссылочного аппарата – неправильно названы годы изданий ряда публикаций, на отмеченных страницах ссылок отсутствуют цитируемые данные или автором приводится ложная информация, некорректно используются этнографические материалы, многие выводы автора не соответствуют действительности и др.

Марийский народный костюм – один из самых ярких элементов культуры народа, который бытует и в настоящее время. Автору монографии не удалось раскрыть богатство, самобытность, красоту древнемарийского костюма.

Автор вполне справедливо заметила, что в настоящее время в археологии отсутствуют исследования, посвященные семантике древнемарийского костюма, претендуя на выполнение этой миссии. Но, к сожалению, ее работа была сведена к семантике отдельных украшений, бессистемно выхваченных из кон-

текста и не всегда основательно проработанных. Представленный калейдоскоп текстовых описаний и иллюстраций не дает полного представления о костюме и позволяет лишь повторять, иногда дополнять, уже имеющиеся и опубликованные данные о марийских языческих культах. И непонятно, каким образом три таких авторитетных доктора наук могли рекомендовать данную работу к печати.

Татьяна Никитина,
Тамара Молотова
Йошкар-Ола

Рец.: Мухина Е.Н. Порядок слов в простом предложении в эрзянском и финском языках. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Саранск, 2008. – 156 с.

27 ноября 2008 г. на заседании диссертационного совета Д 212.117.09 при Мордовском государственном университете им. Н.П. Огарева состоялась защита кандидатской диссертации Е.Н. Мухиной «Порядок слов в простом предложении в эрзянском и финском языках». Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор Л.П. Водясова (Саранск) и кандидат филологических наук доцент О.А. Сергеев (Йошкар-Ола).

Исследование Е.Н. Мухиной имеет целью изучение порядка слов в простом предложении в эрзянском и финском языках. В соответствии с ней ставятся следующие задачи частного характера: 1) представление общей характеристики порядка слов в эрзянском и финском языках с исторической точки зрения; 2) выявление общих тенденций расположения главных и второстепенных членов простого повествовательного предложения в исследуемых языках; 3) определение разграничения между психологическим субъектом и психологическим предикатом; 4) сравнение факторов и функций, определяющих порядок слов в простом повествовательном предложении эрзянского и финского языков.

Настоящее исследование является первой попыткой сравнительно-сопоставительного изучения месторасположения слов в эрзянском и финском языках. В диссертационной работе впервые представлено подробное и научно обоснованное описание порядка слов двух родственных языков, которые входят в одну финно-волжскую языковую группу.

Научная новизна данного исследования заключается в том, что оно является первой работой по сравнительному синтаксису эрзянского и финского языков. В диссертации впервые уточнены сходства и различия порядка слов, главных и второстепенных членов простого предложения в эрзянском и финском языках; выявлены тенденции зависимости порядка слов от логического ударения; определены функции расположения слов в эрзянском языке, проведено их сопоставление с соответствующими функциями в финском языке.

Необходимость рассмотрения данной проблемы обусловлена и тем, что в мордовских языках, в частности в эрзянском, в связи с влиянием русского языка происходит деформация порядка слов.

Достижение поставленной цели осуществлено на основе анализа значительного количества иллюстративного материала, извлеченного как из эрзя-мордов-

ской, так и из финской художественной литературы, а также критического обобщения теоретических изысканий по проблемам источниковедения. Методы изучения поставленных задач отличаются новизной, анализ языкового материала логичен и последователен в изложении. Это, бесспорно, придает достоверность исследованию.

Структура исследования полностью соответствует поставленным задачам и включает в себя введение, четыре главы, заключение, список использованной научной и научно-методической литературы, в том числе на иностранных языках. Список использованной литературы включает 145 теоретических источников, 90 названий художественной литературы. Работа изложена на 156 страницах компьютерного текста.

Во введении (с. 4–9) автор весьма аргументированно обосновывает выбор темы, ее актуальность, определяет конкретные цели и задачи, раскрывает научную новизну, теоретическую и практическую значимость, а также указывает источники и методы работы над диссертацией, сообщает об апробации.

В первой главе «История изучения вопроса» (с. 9–26) содержится постановка проблемы и необходимая информация о состоянии ее изученности в общем и финно-угорском языкознании. Диссертант дает краткий обзор исследований по общему синтаксису и синтаксису финно-угорских и самодийских языков.

По мнению Е.Н. Мухиной, первым ученым, высказавшим мысль об организации предложения, считается А. Вейл (1844). Далее этим вопросом занимались такие языковеды с мировыми именами, как Ф.Ф. Фортунатов, П. Адамец, Ш. Балли, В. Матезиус и некоторые другие. Среди финно-угроведов указываются такие имена, как Э.Н. Сетяля, Ф.Й. Видеман, Л. Хакулинен, Б.А. Серебренников, Л. Раеваара, Э. Линден, Н.М. Терещенко. Что касается мордовских исследователей, то в поле зрения диссертанта были работы М.Е. Евсевьева, П. Орнатова, М.Н. Коляденкова, Н.С. Алямкина.

Прав автор в том, что простое предложение является нормальным или нейтральным. В эрзянском языке предложение организуется в такой последовательности, что перестановка слов влечет за собой не только перемещение их синтаксической роли, но изменяет и смысл предложения. Так дело обстоит и в словосочетаниях исследуемых языков. Диссертант справедливо констатирует, что в предложении значительную роль играют вид и стиль речи. Сравнительно-сопоставительный анализ простых предложений в эрзянском и финском языках позволил установить, что коммуникативное членение в устной речи выражается интонационно, в письменной – порядком слов. Порядок слов в рассматриваемых языках играет существенную роль в оформлении актуального членения предложения. Сравнительное изучение эрзянского и финского языков позволило определить в них закон порядка слов: определение + определяемое.

Вторая глава «Факторы, определяющие порядок слов в простом предложении в эрзянском и финском языках» (с. 27–47) посвящена сравнительному исследованию факторов и функций, обусловливающих порядок слов в данных

языках, и анализу влияния интонации и частиц в них. В ходе сравнительно-сопоставительного анализа диссертантом были выделены общие факторы в эрзянском и финском языках, а именно: структура предложения, способ выражения члена предложения, жанр произведения, традиция и влияние иного языка. Наиболее важным фактором в данных языках является логическое ударение.

Автор уделяет пристальное внимание частицам. В эрзянском и финском языках они являются не самостоятельными словами, а «прилепами», которые присоединяются к отдельным словам в предложении и не выражают синтаксических отношений. Е.Н. Мухина отмечает, что в отличие от финского языка в эрзянском по месту, занимаемому в предложении, частицы бывают не только постпозитивными, но и препозитивными. Ср., например: эрз. ***Ведь*** *Микита ульнесь пек иредезь, натой мезеяк, паряк, а помнильгак* '**Ведь** Микита был очень пьяным, даже ничего, наверно, и не помнил'; *Исяк* ***самай*** *мон неия те ломанемть* 'Вчера-**то** я и видела этого человека'; *Жадной сельме* ***ансяк*** *песоксо пештяви* 'Жадный глаз может **только** песком наполниться'; *Эсензэ марто дивизиястонть лисевсть* ***ансяк*** *колмошка сядо ломань ды зяро жо лия дивизиятнестэ* 'С ним вместе из дивизии сумели выйти **только** около трехсот человек и столько же из других дивизий'.

По происхождению частицы эрз. *-гак*, *-как*, *-як* являются финно-угорскими. Общность происхождения мордовских и финских частиц признается многими исследователями.

Хорошо проанализированы случаи, когда вопросительная частица *ли* в эрзянском языке встречается в различных стилях речи и ставится обычно после того слова, на которое падает логическое ударение. Диссертант убедительно доказывает, что в общевопросительном предложении вопросительная частица *ли* выступает во многих случаях в постпозиции к глаголу или к словам, выполняющим функцию предиката.

В рассматриваемой главе совершенно верно показано, что частицы не имеют лексических значений. Если знаменательные слова обладают предметным значением и сохраняют его вне контекста, то частицы, напротив, не имеют лексического значения, хотя среди них есть и такие, которые не полностью лишены лексического содержания.

В третьей главе диссертации «Порядок главных членов простого предложения в эрзянском и финском языках» (с. 48–80) освещается проблема сходств и различий между главными членами простого предложения в исследуемых языках. Преобладающим структурно-семантическим типом простого предложения в эрзянском и финском языках является такой, в котором предикативную основу составляют два главных члена предложения – эрз. подлежащее, фин. субъект, эрз. сказуемое, фин. предикат, а вокруг них группируются второстепенные члены предложения – эрз., фин. определение, эрз. дополнение, фин. объект, эрз., фин. обстоятельство.

В результате сравнительно-сопоставительного анализа автор установил, что подлежащее в эрзянском и финском языках находится не только в начале, но и в середине и в конце предложения.

Нужно заметить, что в эрзянском и финском языках существуют конструкции, где сказуемое находит свое место в разных местах предложения. Финитная форма глагола также нашла свое применение в рассматриваемых языках. Автор утверждает, что в финском языке финитная форма глагола в анлауте предложения ставится реже, чем, например, в эрзянском языке.

По мнению диссертанта, инверсионный порядок главных членов предложения является нормой словорасположения в предложении. В главе отмечается, что место расположения инфинитива в описываемых языках остается малоизученным, поэтому данная тема является актуальной и в настоящее время. Разнообразные инфинитивные конструкции широко используются как в письменной речи, так и в литературном языке, создавая неповторимое своеобразие синтаксического строя исследуемых языков.

Четвертая глава «Порядок второстепенных членов в простом предложении эрзянского и финского языков» (с. 81–120) посвящена сравнительному изучению месторасположения объекта, обстоятельства и определения в исследуемых языках.

Автор указывает на тот момент, что прямое дополнение с семантической точки зрения в эрзянском языке обозначает неопределенный объект действия и определенный объект действия. Неопределенным объектом действия является предмет без указания на него как на предмет. Определенным объектом действия является: а) предмет, в какой-то степени известный говорящему; б) предмет, известный говорящему как принадлежащий определенному лицу.

Е.Н. Мухина справедливо подчеркивает, что употребление наиболее распространенной формы объектного падежа в генитиве единственного числа вполне нормально, так как совпадение с генитивом явление вторичного порядка.

В результате проведенных исследований автором выделен инвентарь внешних характеристик обстоятельств в рассматриваемых языках: 1) располагаются на разных местах в предложении; 2) отвечают на одни и те же вопросы; 3) делятся на выражающие цель и причину, образ действия, время, место. Внешнее отличие обстоятельств заключается в том, что в эрзянском языке при разборе предложения они подчеркиваются, а в финском нет.

Диссертант делает вывод, что обстоятельства в эрзянском и финском языках при их вынесении на первое место в предложении, как и другие члены, могут выполнять две основные функции: 1) выражают исходный момент, от которого идет повествование; 2) выступают как средство связи с предшествующим текстом.

Е.Н. Мухиной было отмечено также, что одной из общих характерных черт постановки обстоятельства места в эрзянском и финском языках является то, что постпозитивные обстоятельства места обычно заканчивают предложение

и подчеркиваются логически, ср.: эрз. *Таня прась* ***межас*** 'Таня упала **на межу**'; *Авантень сеедьстэ савкшны яксемс те кшнаить* ***вирев*** 'Женщине часто приходится ходить по этой дороге **в лес**'; фин. *Mies juoksi* ***kadulla*** 'Мужчина бежал **по улице**'; *Hän on lähtenyt* ***Tanskaan*** 'Он улетел **в Данию**'. Если в одном предложении эрзянского языка находятся два обстоятельства места, то на первом месте помещается: 1) обстоятельство с широким значением. Последующее обстоятельство имеет более узкое значение и конкретизирует предшествующее; 2) обстоятельство, которое обозначает исходный пункт действия, выраженного глаголом движения. За ним ставится обстоятельство, указывающее на предмет, к которому или внутрь которого направлено действие.

Теоретическая часть завершается заключением (с. 121–131), содержащим умело сформулированные выводы по всем четырем главам.

В конце диссертации помещены два приложения. Если в приложении I (с. 134) дана таблица частотности употребления прямого дополнения в эрзянском языке, то в приложении II (с. 135) – таблица частотности употребления прямого дополнения в финском языке.

В целом, объем и характер проделанной работы, собранный материал и способы его систематизации, методы анализа позволяют говорить о достаточно высоком уровне исследования, предпринятого Е. Н. Мухиной.

Теоретическая и практическая значимость настоящей диссертации состоит в систематизации имеющегося материала, а также в выдвижении новых положений по описанию порядка слов, которые могут найти применение в практике вузовского и школьного преподавания, при разработке учебных и учебно-методических пособий по эрзянскому и финскому языкам, при написании соответствующих разделов синтаксиса и научной грамматики мордовских языков, а также в сравнительно-сопоставительных исследованиях порядка слов других родственных языков. Материалы и выводы работы представляют познавательный и методологический интерес.

К числу недостатков, замеченных в исследовании, нужно отнести следующие:

1. Орфографические описки в марийских примерах: *Начальникын пытартыш шомакше ныжылгын каласыме ыле гынат, Лизан шӱмышкы**т**ӧ керылте* 'Хотя последние слова начальника были произнесены ласково, сердце Лизы встрепенулось' вместо *Начальникын пытартыш шомакше ныжылгын каласыме ыле гынат, Лизан шӱмышкыжӧ керылте* (с. 21); *Мыят Ӱпо олаште заводышто пашам* ***о**пшт**е**нам* 'И я работал в Уфе на заводе' вместо *Мыят Ӱпо олаште заводышто пашам* ***ы**шт**е**нам* (с. 21); *Мый йӧратем тугай жапым, кунам ландыш пеледем* 'Я люблю такое время, когда цветет ландыш' вместо *Мый йӧратем тугай жапым, кунам ландыш пеледеш* (с. 22).

2. В отдельных примерах не соблюдена гармония гласных финского языка, ср., например: *paljon ihmisi**a*** (с. 23), *min**a*** (с. 32), *ersälainen, venälainen* (с. 133), вместо *paljon ihmisi**ä**, min**ä**, ersäl**ä**inen, venäl**ä**inen*.

3. Иные примеры из финского языка переведены на русский не правильно: *puhukaa suomea* 'говори по-фински' (с. 62), *minun täytyy laulaa* 'мне нужно читать' (с. 77), *he asuvat* 'они жили' (с. 105) вместо *говорите по-фински, мне нужно петь, они живут.*

4. В тексте фамилии отдельных ученых даны латиницей: M. Vilkuna (с. 95), L. White (с. 116).

5. В списке использованной литературы (с. 136–149) приводятся две работы Н.С. Алямкина, вышедшие в свет в одном и том же году. К сожалению, они не помечены буквами *а* и *б*. Поэтому в тексте трудно различить, к какой работе относится ссылка (с. 136).

6. Наблюдается путаница в оформлении страниц, например: рус. *С* вместо нем. *S* (с. 145), рус. *с* вместо нем. *s* (с. 146), нем. *S* вместо англ. *P* (с. 148), нем. *s* вместо нем. *S* (с. 149).

7. В диссертации имеются пунктуационные (с. 34, 48, 56, 83, 124) и орфографические (с. 32, 61, 106) ошибки. Встречаются отдельные опечатки (с. 5, 54, 76, 81, 101, 133), также незначительные погрешности стилистического характера, не имеющие существенного значения.

Кроме того, в теоретической части имеют место отдельные спорные положения, побуждающие к дискутированию, а некоторые из них могут стать лишь импульсом для анализа под другим углом зрения.

Отмеченные погрешности, неточности и замечания легко устранимы и не снижают общей положительной оценки исследования.

Работа Е.Н. Мухиной представляет собой серьезное, самостоятельное, законченное исследование с обоснованными выводами и результатами. Комплексное исследование, проведенное на фактическом материале с применением разных методов и приемов, открывает новое направление в изучении синтаксиса современных мордовских и финского языков и расценивается как вклад не только в мордовское языкознание, но и в финно-угроведение в целом.

Олег Сергеев
Йошкар-Ола

ХРОНИКА

СЕМИНАР ЛЕКСИКОГРАФОВ В ТАЛЛИННЕ

13–14 ноября 2008 г. Институт эстонского языка в лице заведующей словарным отделом Маргит Лангеметс и заведующего отделом эстонских диалектов и родственных языков Свен-Эрика Соосаара организовал и с большой пользой для участников провел семинар «Словари финно-угорских языков: что их объединяет, что различает» (так назывался и доклад Соосаара, выступившего первым). Семинар прошел четко и точно по минутам (двадцать отводилось на изложение доклада, десять – на вопросы и обсуждение) согласно отведенному программой времени, на нем выступили все заявившие об участии. Большинство выступили на эстонском языке, 3 выступления были на русском, 5 – на английском.

Галина Некрасова из Сыктывкара выступила с докладом о Коми лексикографии (современное состояние и перспективы), Елена Рябина (Таллинн) – о проблемах в удмуртской лексикографии, Валерий Вершинин (Йошкар-Ола) – по этой же теме, но о марийской, в том числе и о тираже словарей. Он отметил, что появляются сообщения об изданных словарях и книгах на Западе, которые в России достать непросто (например, Венгерско-марийский словарь М. Кузнецовой в Сомбатхее, Венгрия, «Кунгурский диалект марийского языка» Е. Ковердяевой в Гамбурге, Германия).

Приехавшие участники семинара радовались успехам по выпуску словарей у эстонцев (у них появились даже такие, как эстонско-японский, японско-эстонский словари). Кроме того, в какой-то мере эстонской лексикографией заняты и в других странах, например, Веслав Томаш Стефанчук (Польша) говорил о составлении эстонско-польского словаря, Эллен Довгань – эстонско-украинского, Светлана Ядыгарова – эстонско-удмуртского.

О проблемах составления словарей для малых и исчезающих народов и ходе работы над ними говорили Карл Паюсалу (Тарту) и Валт Эрнштрейт (Латвия) – ливского, Силья Грюнберг (Таллинн) – водского, Эстер Рутткай (Будапешт) – диалекта Сынъя хантыйского языка (она, собирая материал, два года прожила среди хантов).

Венгр Силард Тот (Латвийский университет) очень интересно говорил о развитии эстонско-венгерской лексикографии, Тамаш Янурик (Венгрия, Кечке-

мет-Секешфехервар) – о совершенно новом для всех лексикографов словаре слово- и формообразующих аффиксов венгерского языка (Magyar képzőszótár). Тыну Сейленталь (Тарту) рассказал об эстонско-венгерском словаре, Мадис Юрвисте (Тарту) – о Большом эстонско-французском словаре и его корпусе, Елена Каллас (Таллинн) – об учебных словарях эстонского языка на фоне общей типологии учебных словарей, Ирис Метсмяги и Меэли Седрик (Таллинн) – об эстонском этимологическом словаре. О проблемах базы датировок слов для саамского этимологического словаря – Клаас Руппель (Хельсинки), по этой же проблеме выступил и Джек Рютер (Хельсинки). О работе над удмуртско-финским словарем говорил Вадим Данилов (Тарту).

К сожалению, не было представителей из Карелии, Мордовии, Ханты-Мансийска, Кудымкара, Москвы, Санкт-Петербурга.

Многие докладчики говорили о важности издания словарей, в том числе диалектологических, этимологических, о необходимости более частых контактов между финно-угроведами и научными учреждениями разных стран, о проблемах, связанных с обменом опытом и научной литературой (например, слишком редкие встречи ученых не способствуют этому, пересылка по почте в другую страну книг и журналов оказывается не дешевой, а деньги на это выделяются редко или недостаточно). Сотрудники редакции «Linguistica Uralica» посетовали и на то, что часть финно-угроведов почему-то вообще не публикуется в этом журнале. И в этом плане всем нам следует стать более активными.

Во время приема института эстонского языка состоялась также презентация перевода книги Вийви Луик «Seitsmes rahukevad» на горномарийский язык («Шӹмшӹ тыр шошым»), во время которой Валерию Аликову была вручена литературная премия Эстонии. А на следующий день после окончания семинара участникам была предоставлена возможность посетить музей Рокка аль Маре, где они ознакомились со старинным бытом эстонцев, их народными музыкальными инструментами, послушали игру на них.

К сожалению, доклады опубликованы не будут, но каждый участник получил размноженные тезисы выступлений, материалы к ним и мог получить (по желанию) тексты докладов. Вообще-то такой формат семинаров и конференций с не очень большим числом участников иногда может быть вполне рационален. Во всяком случае это лучше, чем когда обещанное издание материалов таких семинаров и конференций осуществляется лишь через несколько лет или же такие материалы не издаются вовсе.

Было отрадным и то, что и начинающие ученые владеют многими языками, например, девушки-удмуртки легко переходили с английского на эстонский. Нашей молодежи надо знать больше языков, используя для их освоения самые современные методы обучения.

Валерий Вершинин
Йошкар-Ола

ФИННО-УГОРСКИЙ КАЛЕНДАРЬ 2008 ГОДА

9 января г. Тюмень	Мероприятия, посвященные родственным финно-угорским народам. В Тюменской области их проживает около 100 тысяч человек.
31 января г. Сыктывкар	Финно-угорский культурный центр Российской Федерации представил сайт в сети Интернет, который направлен на сохранение и популяризацию культур, языков и традиций финно-угорских народов www.finnougoria.ru.
31 января – 2 февраля г. Саранск Мордовия	III Всероссийская выставка-ярмарка изделий народных художественных промыслов и ремесел финно-угорских народов. В рамках выставки прошли конференции, презентации, курсы, выступления фольклорных ансамблей, демонстрация моделей национальной одежды. Организаторы выставки – государственные учреждения Республики Мордовия, Ассоциация финно-угорских народов России, Поволжский центр финно-угорских народов, Торгово-промышленная палата, ООО «Мордовэкспоцентр».
12 февраля г. Москва	Заседание Консультативного комитета финно-угорских народов. Обсуждены организационные вопросы по подготовке к V конгрессу, план работы на 2008 год и заслушан финансовый отчет за 2007 год.
14 февраля г. Москва	Семинар сопредседателей и докладчиков V Всемирного конгресса финно-угорских народов.
21 февраля г. Москва	Подписано Соглашение о сотрудничестве между Финно-угорским культурным центром Российской Федерации – филиалом ГРДНТ и Поволжским центром культур финно-угорских народов.
13 марта – 15 мая г. Таллинн, Эстония	В Художественном музее «KUMU» работала выставка «Север и северо-восток: континентальное подсознание». Первая выставка современного искусства четырех финно-угорских республик России – Коми, Марий Эл, Мордовия, Удмуртия. В рамках выставки состоялся показ документальных фильмов Леннарта Мери и Марка Соосаара, а также архивных телевизионных материалов из Коми, Марий Эл и Удмуртии. Выставка проводилась при поддержке программы Европейской комиссии «Культура 2000», Ми-

	нистерства культуры Эстонии, программы малых народностей, культурного капитала Эстонии, института Литвы в Вильнюсе, FRAME в Хельсинки и института Венгрии в Таллинне.
27–28 марта г. Сыктывкар	Творческий семинар координаторов финно-угорских культурных центров и активистов межрегиональной телевизионной программы «Финно-угорский мир». Подведены итоги конкурса «Кто мы? Откуда?». Первое место присуждено детскому объединению «Краеведение» из пос. Луговой Республики Коми.
28–30 марта г. Петрозаводск	Межрегиональный молодежный семинар «Финно-угорская молодежь в изменяющемся мире» и расширенное заседание правления Молодежной ассоциации финно-угорских народов.
Март–апрель, июнь–сентябрь Финно-угорские регионы	Международный фестиваль искусств и народного творчества финно-угорских народов и его I тур «Финно-угорский транзит: Культуры народов» – «Сету в Коми», родственные встречи на Коми-Пермяцкой земле, «Финно-угорский транзит. Волжская мозаика», «Земля предков», «Сигудок на родине Кантеле». Маршрут фестиваля: Сыктывкар, Коми – г. Кудымкар, Коми-Пермяцкий округ Пермского края – города Поволжья – Удмуртия – Петрозаводск.
2 апреля	15 лет тележурналу «Финно-угорский мир». Всего подготовлено 129 выпусков.
Начало апреля г. Петрозаводск	Обучающий семинар по проектной деятельности при поддержке Фонда культуры Финляндии.
14 апреля г. Набережные Челны, Татарстан	Третий тур VII республиканского конкурса исполнителей народной и современной песни финно-угорских народов Татарстана.
23–25 мая г. Тарту Эстония	Семинар по вопросам финно-угорских СМИ, организованный учреждением «Фенно-Угриа» для выработки проекта рекомендаций для секции по СМИ V Всемирного конгресса финно-угорских народов. Принимали участие журналисты из Карелии, Коми, Марий Эл, Удмуртии, Пермского края.
13–16 мая г. Саранск	Межрегиональный фестиваль творчества молодежи и студентов.
14–18 мая г. Хельсинки	XXIV Международная студенческая конференция финно-угроведов – IFUSCO. В рамках конференции состоялись встречи с победителями литературного конкурса, мастерская по написанию проектов и «инфобиржа» о событиях в финно-угорском научном мире.

18 мая г. Сыктывкар	Международный фестиваль искусства и народного творчества «Финно-угорский транзит: Культуры народов». Фестиваль проводит Финно-угорский культурный центр Российской Федерации при поддержке Министерства культуры Российской Федерации и Государственного Российского Дома народного творчества.
29 мая –1 июня г. Саранск	Межрегиональный фестиваль народных игр и традиционных состязаний финно-угорских народов. Приняли участие представители Карелии, Коми, Мордовии, Пензенской и Нижегородской областей. Конференция «Национальный аспект в физическом воспитании финно-угорских народов».
6–9 июня г. Петрозаводск	Международный фестиваль эпической культуры «Эпосы народов мира в гостях у Калевалы».
28–30 июня г. Ханты-Мансийск	V Всемирный конгресс финно-угорских народов «Идентичность и изменяющийся мир». Работали секции: «Этнополитика и право», «Культура», «Язык и образование», «Медиа и СМИ», «Здоровье, демография и семья». Участвовали 300 делегатов из 11 стран от 24 финно-угорских и самодийских народов, 300 наблюдателей. Впервые приняли участие практически все уральские народы. Присутствовали представители Европарламента. Конгресс открыл Президент России Д. Медведев. В церемонии открытия приняли участие и выступили президенты Венгрии, Финляндии и Эстонии. Председателем Консультативного комитета вновь избран В.П. Марков. Штаб-квартира Международного консультативного комитета финно-угорских народов вновь находится в г. Хельсинки. Очередной VI Конгресс состоится в Финляндии.
26–30 июня г. Ханты-Мансийск, Шурышкарский район Ямала	V Международный фестиваль ремесел финно-угорских народов «Югра-2008». На выставке-ярмарке «Город-мастеров» были представлены образцы гончарного искусства, традиционной резьбы по дереву, текстильного ремесла, проведены мастер-классы.
28–30 июня г. Ханты-Мансийск	Международная выставка фотохудожников финно-угорских стран и регионов «Взгляд: традиции и современность финно-угорского мира».
2–6 июля село Ижма Коми	Второй творческий семинар финно-угорских фотожурналистов.
Июль города Поволжья	Этнокультурная экспедиция-фестиваль «Волга – река мира. Диалог культур финно-угорских народов».

13 – 20 июля г. Козьмодемьянск Марий Эл	XVII смена международного лагеря финно-угорских народов, в рамках которого прошел фестиваль детских фольклорных коллективов и собрал 140 ребят из Карелии, Коми, Удмуртии, Башкортостана, Марий Эл. В рамках мероприятий проведены экскурсии, мастер-классы по фольклору и костюмам.
15 – 22 июля Удмуртская Республика	Летняя сессия Открытого финно-угорского университета. В рамках сессии проведены семинары «Стратегия развития родного языка», «Финно-угорский туризм: идеи и перспективы», летняя школа центра развития толерантности и международный финно-угорский экологический лагерь. В работе сессии приняли участие старшеклассники и студенты, а также преподаватели, журналисты, психологи, экологи, представители сферы науки, культуры, молодежной и национальной политики из Удмуртии, Республики Коми, Татарстана, Свердловской области, Эстонии, Финляндии. Организаторами сессии являются Министерство национальной политики, Гуманитарный лицей г. Ижевска, Удмуртское региональное молодежное общественное движение «Открытый финно-угорский университет».
20 – 29 июля Моркинский район, Республика Марий Эл	II Межрегиональный слет детских финно-угорских фольклорных коллективов.
31 июля – 5 августа г. Кудымкар Пермский край	III Международный этнофутуристический фестиваль. В числе 200 участников были творческие коллективы Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Челябинска, Удмуртии, Мордовии, Коми, Карелии, Ханты-Мансийска, Чувашии, Татарстана, Эстонии, Финляндии. Впервые в формате фестиваля «KAMWA» заявлены два новых жанра – это этно-театр и этно-мода: 25 молодых художников-дизайнеров показали свои коллекции, представлены арт-проект «Искусство света» и выставка художников этно-футуристов (Движение этнофутуристов началось в Эстонии в конце 80-х годов. Потом его подхватила Удмуртия, республика Коми, Марий Эл, Пермский край).
9 августа г. Сыктывкар	В Международный день коренных народов мира состоялась презентация альманаха поэтических и прозаических произведений финно-угорских авторов на коми, коми-пермяцком, венгерском, вепском, карельском, марийском, удмуртском, финском и эстонском языках. Автором-составителем альманаха стала председатель Союза писателей Коми Елена Козлова.

Представлена фотовыставка «Культура и быт финно-угорских народов», которая познакомила с традициями и современностью Коми, Удмуртии, Марий Эл, Мордовии, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, Эстонии.
(День коренных народов мира учрежден постановлением Генеральной Ассамблеи ООН в 1994 году. Тогда же ООН приняла решение о проведении Международного десятилетия коренных народов мира (1994–2004 годы), по завершении которого было объявлено о проведении второго десятилетия коренных народов мира).

7 – 24 августа
г. Сыктывкар

II Международный скульптурный симпозиум «Финно-угорский мир. Знак рода» проведен в рамках реализации программы «Сад скульптуры», принятой в 2000 году. В работе мероприятия приняли участие 5 мастеров – по два скульптора из Коми и Удмуртии и один мастер из Мордовии. Организаторы заготовили для них глыбы доломита, привезенного из карьера в Усть-Куломском районе, а также кварцитопесчаника и гранита. Проект реализуется Национальной галереей Коми и Финно-угорским культурным центром РФ при поддержке Министерства культуры и по делам национальностей Коми, республиканского отделения Союза художников России и Финно-угорского культурного центра Коми.
(В 2002 году прошел первый международный пленэр «Финно-угорский мир. Природа и этнос», созданные во время него скульптуры остались в саду).

18 – 29 августа
г. Бадачоньтомай
Венгрия

Летний университет «Хунгарология». Вводный курс по изучению венгерского языка прошли 15 представителей Карелии, Коми, Марий Эл, Мордовии, Удмуртии, Коми-Пермяцкого округа Пермского края и Ленинградской области. На занятиях студенты познакомились с культурой и традициями Венгрии. Лекции по социологии, истории, литературе Венгрии, положению проживающих в стране народностей, системе школьного образования и религии читали известные венгерские ученые, такие как Петер Домокош,Янош Пустаи, Пал Тамаш, Ференц Мучи и другие. Участники и преподаватели обсудили проблемы современного финно-угроведения, двуязычия, сохранения языков и культур финно-угорских народов. Прозвучали доклады на марийском, коми, коми-пермяцком, вепсском, карельском, удмуртском языках. Особое внимание было уделено проблемам национального вещания, вопросам создания и популяризации интернет-порталов на национальных язы-

	ках. Летние курсы организует кафедра уральской филологии педагогического института Западно-венгерского университета (Сомбатхей) и институт Collegium Fenno-Ugricum.
21–23 августа г. Сыктывкар	Дни финно-угорского кино. В программе мероприятий состоялся просмотр лучших произведений: фильм-номинант на премию «Оскар» финского режиссера Аки Каурисмяки «Человек без прошлого», лента эстонского режиссера Арво Ихо «Сердце медведицы», также номинировавшаяся на «Оскар», а также фильм молодого венгерского режиссера Корнела Мундруцо «Счастливые дни».
21–22 августа г. Сыктывкар	Круглый стол «Инновационные технологии в сфере функционирования языков финно-угорских народов». Принимали участие представители из Удмуртии, Марий Эл, Мордовии, Башкортостана, Пермского края, Ямало-Ненецкого автономного округа, Мурманской области.
27–28 августа Печорский район Псковской области	Впервые состоялся Международный этнокультурный фестиваль «Сетомаа» финно-угорской народности сету. Приняли участие около 400 гостей из Эстонии, Финляндии и Венгрии, а также представители сету, переселившиеся в начале XX века в Красноярский край («сибирские сету»). В рамках мероприятий выступили самодеятельные народные коллективы из России и Эстонии, открылась обновленная экспозиция «Сетомаа. Музей семьи», работала ярмарка ремесленников, состоялся праздник народа сето «Кирмаш».
10–13 сентября г. Йошкар-Ола	X Международный конгресс финно-угорских писателей «Будущее финно-угорской литературы. Творчество молодых авторов». В конгрессе приняли участие 150 делегатов и около 300 гостей – писатели, журналисты, переводчики, литературные критики, книгоиздатели, представители творческих союзов и объединений из всех финно-угорских регионов России, Алтайского края, Башкортостана, Москвы, Мурманска, Татарстана, Чувашии, а также из Финляндии, Венгрии, Франции, Германии, Чехии, Эстонии, Латвии и Литвы.
10–25 сентября г. Йошкар-Ола	II Международная фотовыставка финно-угорских народов «Корни». На рассмотрение оргкомитета и жюри выставки поступило около 400 работ 27 участников финно-угорских регионов России – Марий Эл, Мордовии, Карелии и Республики Коми. Зарубежное фотоискусство представляли мастера Венгрии и Эстонии.
18–22 сентября г. Ижевск	II Международный фестиваль по боксу среди финно-угорских народов.

19 сентября г. Йошкар-Ола	Презентация «Финляндско-Российского проекта по обучению неправительственных организаций финно-угорских народов». Инициатором встречи стал Центр-музей имени Валентина Колумба. Совместный «Финляндско-Российский проект» стартовал в 2006 году, его учредитель – общество «Финляндия – Россия». Целью проекта является расширение возможностей для деятельности организаций финно-угорских народов Российской Федерации, повышение их общественной значимости, а также укрепление межтерриториальных и международных связей. На специальных обучающих семинарах людей учат планировать, реализовывать, составлять отчеты и осуществлять свои проекты. За 2006–2007 годы обучение прошли более 100 человек из более 20 регионов.
19 сентября г. Санкт-Петербург	Семинар представителей общественных организаций финно-угорских народов и органов власти «Финно-угорское движение на современном этапе. Взгляд из Санкт-Петербурга» по обсуждению вопросов сохранения языка и культурной самобытности. Представители организации «Inkerin Liitto», местных вепсского, эстонского и коми обществ участвовали в работе «круглого стола».
25–27 сентября г. Йошкар-Ола	Заседание правления Молодежной ассоциации финно-угорских народов.
25–27 сентября г. Петрозаводск	Международный дистанционный фестиваль этнических театров стран Баренцева, Евро-Арктического региона и финно-угорского мира «Северная звезда». Участвовали 13 театров России, Латвии, Финляндии, Эстонии.
28 сентября Карелия	Финно-угорский спортивный фестиваль «Медолапый – диво леса».
9–10 октября г. Ювяскуля Финляндия	В работе Российско-Финляндского культурного форума «Будущее сегодня и здесь: культура, молодежь, образование» приняли участие представители Коми, Карелии, Марий Эл, Мордовии, Ненецкого автономного округа, Астраханской, Вологодской, Ярославской, Калининградской, Мурманской областей, гг. Санкт-Петербурга и Москвы.
15–19 октября г. Петрозаводск	III Всероссийский турнир по боксу среди финно-угорских народов. Участвовали 50 спортсменов из Коми, Карелии, Мордовии, Пермского края, Вологодской, Ленинградской, Архангельской, Мурманской областей, г. Тобольска, Финляндии.
15–17 октября г. Саранск	Международная конференция «Финно-угры как часть мировой культуры». Участвовали ученые-этнографы, музейные работ-

	ники, журналисты из Финляндии, Мордовии, Марий Эл, Удмуртии, Татарстана, Ханты-Мансийска, Пензенской, Ульяновской областей, г. Сергиева Посада, всего 30 человек.
17–18 октября г. Таллинн Эстония	Заседания Международного консультативного комитета финно-угорских народов.
17–19 октября Мордовия	I Межрегиональный фестиваль «Кштима» с участием любительских хореографических коллективов из Мордовии, Марий Эл, Удмуртии, Кировской, Нижегородской, Пензенской областей.
19 октября во всех регионах	День родственных финно-угорских народов.
20–22 октября Республика Коми	В рамках Дней родственных финно-угорских народов проведены Дни документального кино Санкт-Петербургской киностудии «Этнос».
23–24 октября г. Петрозаводск	Ежегодная научная конференция «Бубриковские чтения. Вопросы лексикологии и лексикографии прибалтийско-финских языков».
27–30 октября г. Сыктывкар	Семинар финно-угорских авторов учебно-методических комплектов на финно-угорских языках для национальных детских садов.
28 октября г. Санкт-Петербург	Презентация проектов Общества М.А. Кастрена по вопросам музейного сотрудничества, создания «языкового гнезда», обмена стипендиатами, обучения специалистов издательского дела.
28 октября г. Москва	В Венгерском культурном центре провели День родственных финно-угорских народов «Наши предки – наша гордость». Участвовало 130 представителей финно-угорских народов.
5–8 ноября г. Москва	VI Международная выставка-конкурс детского художественного творчества по мотивам легенд, преданий, сказок финно-угорских народов «Завещание предков». В конкурсе участвовало более 1100 работ из Карелии, Коми, Марий Эл, Мордовии, Удмуртии, Ханты-Мансийского и Ненецкого автономных округов, Пермского края, Мурманской и Донецкой (Украина) областей, Белоруссии, Чувашии, Башкортостана. 30 работ прислали юные эстонские художники. Наибольшее количество детских работ, более 200, направлено из Марий Эл и Коми.
Ноябрь г. Сыктывкар	Дни венгерской культуры.

10–11 ноября г. Сыктывкар	Заседание международного консультативного комитета финно-угорских народов. Участники заседания обсудили выполнение резолюции V Всемирного конгресса, вопросы стратегического планирования на ближайший год и весь 4-летний цикл до следующего конгресса финно-угорских народов. В заседании приняли участие около 20 делегатов от Венгрии, Финляндии, Эстонии и финно-угорских регионов РФ.
18–24 ноября г. Йошкар-Ола	VII Международный фестиваль театров финно-угорских народов «Майатул» под девизом «Мастерство актера спектакля» по пьесам национальной, русской и мировой драматургии. Свое мастерство показали 12 творческих коллективов.
20–21 ноября г. Санкт-Петербург	В Доме правительства Ленинградской области состоялась конференция «Национальное движение финно-угорских народов Северо-Запада России». В рамках конференции прошли заседания, круглый стол на тему: «Национальное движение финно-угров Ленинградской области: проблемы и пути их решения», выставка «Взгляд на Ингерманландию». Выступление фольклорной группы коренных народов «Корпи». На заседании выступили представители комитета финно-угорских народов Республики Коми, общества «Финляндия-Россия», Финно-угорского культурного центра РФ, члены Консультационного комитета финно-угорских народов от вепсов, карел, ижор. Обсуждена программа поддержки национальной самобытности коренных малочисленных народов Ленинградской области, в список коренных народов РФ внесены водь и ингерманландские финны, создан Ленинградский областной центр коренных финно-угорских народов, разработан закон Ленинградской области о коренных малочисленных народах.
20–21 ноября г. Саранск	Второй транзитный тур в рамках Фестиваля искусств и народного творчества финно-угорских регионов Российской Федерации «Финно-угорский транзит: культура народов». В рамках фестиваля прошли концерты с участием творческих коллективов из Коми и Мордовии, выставка работ фотохудожника из Коми В. Прокушева. В гала-концерте Фестиваля культур «Волжская мозаика» приняли участие творческие коллективы Удмуртии, Марий Эл.
21 ноября г. Хельсинки	Торжественное заседание, посвященное 125-летию Финно-угорского общества (1883–2008 гг.).
26 -29 ноября г. Ижевск	IV Всероссийский фестиваль финно-угорской прессы «Национальные СМИ: место в общественной жизни и перспективы

развития» обсудил совместные проекты, проблемы печатных средств массовой информации. Во время фестиваля подведены итоги творческих конкурсов финно-угорских СМИ. Участвовало более 50 представителей СМИ Марий Эл, Мордовии, Удмуртии, Карелии, Республики Коми, а также Башкортостана, Татарстана, Эстонии. Состоялись заседание Секретариата ассоциации финно-угорских журналистов и презентация книги «Удмуртские заводы». Фестиваль организован Российской ассоциацией финно-угорских журналистов и редакцией газеты «Удмурт Дунне».

27–28 ноября г. Сыктывкар	Конференция «Журналистская этика и роль СМИ в освещении и формировании межнациональных отношений».
1–7 декабря Венгрия	Международный семинар по финно-угорской терминологии. Семинар организован научным институтом Collegium Fenno-Ugricum под руководством профессора Яноша Пустаи (Pusztay Janos), заведующего кафедрой уральской филологии педагогического института Западно-венгерского университета. В работе семинара приняли участие ученые из Удмуртии, Мордовии, Марий Эл, Коми.
12 декабря г. Ижевск	XI всеудмуртский съезд. В работе съезда принимали участие более 400 делегатов и 100 гостей из 6 регионов России, стран ближнего и дальнего зарубежья. Председателем избран Николай Мусалимов, депутат Государственной Думы.
13 декабря г. Самара	В рамках Дня финно-угорских народов проведен областной конкурс «Финно-угорская красавица – 2008».
14 декабря г. Оленегорск Мурманской области	Первый съезд саамов Мурманской области и учреждение Совета уполномоченных представителей при региональном правительстве. В выборах участвовали 4 общественные организации саамов, 19 общин, а также национальные культурные автономии региона.
19 декабря г. Москва	Заседание исполкома ООД АФУН Российской Федерации по реализации законов о государственных языках, принятых в финно-угорских субъектах РФ.

Международный консультативный комитет финно-угорских народов открыл свой сайт www.fucongress.org.

В Интернете появилась специальная финно-угорская социальная сеть «Уралистика» http://uralitico.ning.com/ .

Университетом г. Турку (Финляндия) издан «Удмуртско-финский словарь». Авторы-составители: Сергей Максимов, Вадим Данилов, Сиркка Саринен.

В г. Сыктывкаре вышел первый номер журнала «Финноугория. Этнический комфорт». Журнал издается Финно-угорским культурным центром Российской Федерации при поддержке Министерства культуры России и Государственного Российского Дома народного творчества. Материалы журнала отражают актуальные события культурной жизни финно-угров. Журнал, тираж которого составляет 999 экземпляров, распространяется по этнокультурным учреждениям финно-угорских регионов.

В Сыктывкаре вышло уникальное издание – сборник пьес финно-угорских драматургов России «Венок родной земли». Книга выпущена при поддержке Министерства культуры Российской Федерации, Государственного Российского Дома народного творчества и Финно-угорского культурного центра Российской Федерации. Составителем и редактором издания выступил Алексей Попов. В сборнике представлены пьесы, на которых в основном держится репертуар национальных театров Карелии, Коми, Марий Эл, Мордовии и Удмуртии.

В г. Саранске выпущен международный научный журнал «Финно-угорский мир». Главным редактором его стал Николай Макаркин, в редакционный состав входят профессора и доктора наук крупнейших вузов Мордовии, Марий Эл, Карелии, Коми, Удмуртии, Эстонии и Финляндии. Журнал призван всесторонне и объективно информировать читателей о жизни народов группы уральской языковой семьи. В журнале представлены интервью с известными людьми: политиками, деятелями искусств и учеными финно-угорского мира. В первом номере авторы дали развернутые материалы об истории и развитии народов Удмуртии. Также развернуты дискуссии, одна из которых на тему «Единый мордовский литературный язык: за и против».

Игорь Садовин
Йошкар-Ола

«Финно-угроведение», 2009, № 1

ПАМЯТИ ВЕНГЕРСКОГО ПРОФЕССОРА КАРОЯ РЕДЕИ

17 августа 2008 года завершился жизненный путь выдающегося финно-угроведа современности, известного во всем мире лингвиста доктора филологических наук Кароя Редеи. Скончался он на 76 году после продолжительной тяжелой болезни.

Карой Раданович (эту фамилию Редеи носил до 1964 года) родился 11 апреля 1932 года в венгерском городе Надьканижа в семье кузнеца, закончил местную гимназию и поступил на филологический факультет Будапештского университета. В то время на факультете работали такие известные ученые, как М. Жираи, Г. Барци, Д. Лако, Д. Пиж, Д.Р. Фокош-Фукс, М. Кишпал, Э. Лавота. После завершения учебы в университете в 1955 году К. Редеи поступает в аспирантуру при Институте языкознания Венгерской академии наук. Его научным руководителем становится Дёрдь Лако. Благодаря умению успешно достигать поставленные цели, научно-исследовательская деятельность и научно-организаторская карьера молодого ученого складываются удачно. По окончании аспирантуры в 1959 г. К. Редеи становится научным сотрудником сектора финно-угорских языков Института языкознания ВАН. В июне 1960 года защищает кандидатскую диссертацию. В марте 1966 года его избирают старшим научным сотрудником. После защиты докторской диссертации в 1967 году занимает должность заведующего сектором финно-угорских языков Института языкознания. Через четыре года ему присваивают звание профессора. С 1961 по 1973 год К. Редеи был техническим редактором научного журнала Венгерской академии наук «Nyelvtudományi közlemények» («Вестник языкознания»), в 1974–84 гг. вместе с академиком Петером Хайду являлся соредактором данного журнала. В 1987–88 гг. исполнял обязанности председателя Венского лингвистического общества.

В 1974 году К. Редеи приглашают в Австрию для работы в Венском университете. Здесь он организует кафедру финно-угорского языкознания, руководителем которой являлся вплоть до выхода на пенсию. С самого начала своего возникновения кафедра занималась подготовкой преподавателей родного языка для венгерских школ Австрии, а также специалистов по финно-угроведению. Лекции для студентов по многим теоретическим и практическим дисциплинам читает сам заведующий кафедрой, кроме того, составляет и издает

учебные пособия по мансийскому и коми языкам, например, «Syrjänische Chrestomathi» (Вена, 1978).

Объектом исследования К. Редеи являлись почти все современные финно-угорские (уральские) языки. Под его руководством с 1966 года в Институте языкознания Венгерской академии наук проводилась работа по составлению этимологического словаря уральских языков. Этот фундаментальный научный труд в трех томах под названием «Uralisches etymologisches Wörterbuch» был издан в Будапеште в 1986–91 гг. В первом томе этого уникального словаря даются праязыковые реконструкции лексики самых древних эпох – уральской и финно-угорской. Во втором томе приводятся этимологии слов, возникших в последующие периоды развития наших языков. Третий том представляет собой указатель анализируемого материала, содержащегося в первых двух томах. Самая важная часть работы – установление этимологий, их окончательного варианта принадлежит К. Редеи.

К. Редеи активно занимался вопросами взаимодействия уральских языков, древними языковыми контактами между уральцами и индогерманцами, между древними булгарами и прапермянами и т.д. Данной проблеме посвящены, например, такие статьи ученого, как «Jurák-szamojéd jövevenyszóka zürjen nyelvben» (NyK LXIX, 1962, c. 71–75), «Obi-ugor jövevenyszók a zürjen nyelvben» (Nyk 66, 1964, c. 3–15), «A permi nyelvek öspermi kori bolgar-török jövevényszavai» (Nyk 74, 1972, c. 281–298; в соавторстве с Рона-Таш), «Osztjak jövevényszavak a szelkupban» (NyK 74, 1972, c. 186–193), «Zu den syrjänischen Lehnwörter der obugrischen Sprachen» (FUF 40, 1973, c. 177–184), «Zu den indogermanisch-uralischen Sprachkontakten» (Wien, 1986), « Zu den uralisch-jukagirischen Sprachkontakten (Einige Kapitel aus dem Themenkreis)» (CIFU 7 I A, c. 27–36).

Пермские языки, прежде всего коми-зырянский, являлись одним из основных объектов в исследовательской деятельности К. Редеи. Его кандидатская диссертация была посвящена послелогам коми языка, он издал ее в виде монографии в 1962 году под названием «Die Postpositionen im Syrjänischen unter Berücksichtigen des Wotjakischen». А в качестве темы докторской диссертации выбрал коми-зырянские заимствования в мансийском языке. Она издана в 1970 году в виде монографии под названием «Die syrjanische Lehnwörter im Wogulischen». В последующих своих статьях, относящихся к коми-зырянскому и коми-пермяцкому языкам, он рассматривает различные вопросы фонетики, морфологии, лексикологии и диалектологии. В некоторых работах конца прошлого столетия К. Редеи рассматриваются особенности древнекоми языка в эпоху Стефана Пермского на уровне синтаксиса. Благодаря К. Редеи до нас дошел рукописный памятник коми-пермяцкого языка «Словарь русско-пермяцкій», составленный Ф.А. Волеговым в 1883 году. В переработанном виде он был опубликован венгерским ученым в Будапеште в 1968 году под названием «Permjakisches Worterverzeichnis aus dem Jahre 1833 auf Grund Aufgezeichnungen F.A. Wolegows».

Занимался К. Редеи и переводческой деятельностью. Он перевел на венгерский язык художественные произведения коми писателей Вениамина Чисталева, Якова Рочева, Ивана Изъюрова, Ивана Торопова, Валериана Баталова, а также народные сказания о Пере-богатыре. Все эти переводы были опубликованы

в Малой антологии восточных финно-угорских литератур «Medveenek» (Медвежьи песни) (Budapest, 1975).

Еще в студенческие годы К. Редеи изучил коми язык и мог свободно разговаривать на нем со своими коллегами из Сыктывкара. И на радио, и на телевидении, и интервью газетам и журналам он старался давать только на коми языке. Собеседников поражала его эрудиция в области коми языкознания и умение красиво говорить на их родном языке.

Свою первую научную поездку в Коми республику ученый предпринял в 1964 году. В течение трех месяцев пребывания у нас он посетил многие сельские населенные пункты. С помощью коми ученых, лингвистов Е.С. Гуляева и Г.Г. Бараксанова, фольклориста Ю.Г. Рочева, ему удалось записать большой материал по коми-зырянскому языку. На основе собранного во время этой и других поездок лингвистического, фольклорного и этнографического материала в 1978 году была издана на английском языке книга «Zyrjan Folklore Texst», в нее включено также большое количество иллюстраций в виде фотографий.

Талант и научные достижения неутомимого труженика К. Редеи нашли признание и достойную оценку как на его родине, так и во многих странах мира. Он был избран действительным и зарубежным членом многих научных обществ: Венгерского лингвистического общества (1955), Финно-угорского общества (1961), Общества Кёрёши Чома (1970), Венского лингвистического общества (1974), Урало-Алтайского общества (1976), Финского литературного общества (1977), Международного общества венгерской филологии (1977). К. Редеи являлся членом Финской академии наук, Венгерской академии наук, членом Международного комитета конгрессов финно-угроведов. В 1985 году он получил от президента Финляндской Республики орден Льва.

Я хорошо помню последние два приезда К. Редеи в Сыктывкар. В феврале 1996 года он был приглашен на торжественные мероприятия, посвященные празднованию 100-летия со дня рождения профессора В.И. Лыткина, которого венгерский ученый считал одним из своих учителей, научную и писательскую деятельность которого высоко ценил. Несмотря на недомогание и пошатнувшееся к тому времени здоровье, К. Редеи вместе со своим другом профессором Петером Домокошом принял участие в III Всероссийской научной конференции финно-угроведов, которая состоялась в Сыктывкаре 1–4 июля 2004 года.

С тех пор прошло четыре года. Сегодня уже нет с нами скромного и обаятельного коллеги К. Редеи. Прощальное отпевание профессора состоялось 4 сентября в часовне при гимназии Пиаришта. Похоронили его на кладбище Медери. При погребении присутствовали родственники, друзья, коллеги, а также ученые из Австрии и Финляндии.

Светлая память о великом ученом и добром человеке К. Редеи навсегда останется в сердцах людей, которым он был известен своими многочисленными публикациями.

Анатолий Ракин
Сыктывкар

«Финно-угроведение», 2009, № 1

ПАМЯТИ ГЕННАДИЯ МАТВЕЕВИЧА ТУЖАРОВА

19 ноября 2008 года скоропостижно скончался доктор филологических наук, профессор Марийского государственного университета Г.М.Тужаров.

Он родился 7 января 1931 года в деревне Симаничи Яранского района Кировской области в крестьянской семье. После окончания Йошкар-Олинского педагогического училища работал учителем Табашинской семилетней школы Оршанского района. В 1953–1958 годах учился в Марийском педагогическом институте им. Н.К.Крупской на историко-филологическом факультете. Был направлен на работу учителем русского языка и литературы Чирковской средней школы Оршанского района, где был выдвинут на должность завуча. В 1959 году был приглашен в Министерство просвещения республики в качестве инспектора школ. В 1961–1963 годах работал в Марийском педагогическом институте им. Н.К.Крупской.

В 1963–1966 годах Геннадий Матвеевич учился в аспирантуре при Тартуском университете (Эстония). Здесь педагог-исследователь прошел серьезную научную школу под руководством академика П.Аристэ. В 1966 году защитил диссертацию на тему «Яранский говор марийского языка (морфологическая характеристика)». В диссертации дан подробный анализ одного из малоизученных диалектов марийского языка. В последующие годы Г.М.Тужаров продолжил исследование данного диалекта и вместе с И.Г. Ивановым он издал монографию «Северо-западное наречие марийского языка» (1970), «Словарь северо-западного наречия марийского языка» (1971). Опубликовал ряд научных статей в журнале «Советское финно-угроведение».

Он плодотворно занимался исследованием проблем грамматических (морфологических) категорий в марийском языке. Много внимания уделял вопросам падежной системы. Ему принадлежит заслуга научного доказательства существования в марийском языке новых падежей, таких как компаратив, комитатив, абессив. В 1998 году на специализированном совете при Марийском государственном университете Геннадий Матвеевич защитил научный доклад на тему «Грамматические категории имени существительного в марийском языке» и получил ученую степень доктора филологических наук. С 1999 года – профессор.

Его работы неоднократно издавались за рубежом – в Финляндии, Венгрии, Эстонии. Он участник многих международных конгрессов по финно-угроведению. С 2000 года был членом диссертационного совета по защите

докторских и кандидатских диссертаций при Марийском государственном университете.

За заслуги в научно-исследовательской и педагогической деятельности Г.М. Тужаров награжден медалями «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны», «50 лет Победы в Великой Отечественной войне», «Ветеран труда». Он – заслуженный деятель науки Республики Марий Эл, награжден нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации», почетными грамотами Министерства просвещения РСФСР, правительства Марийской АССР.

Ушел из жизни талантливый педагог, большой ученый. Светлая память о Геннадии Матвеевиче Тужарове – замечательном человеке, видном лингвисте-исследователе, навсегда останется в наших сердцах.

Елизар Мустаев
Йошкар-Ола

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бурков Леонид Николаевич – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературы МарНИИЯЛИ

Вершинин Валерий Иванович – старший научный сотрудник отдела языка МарНИИЯЛИ

Владыкин Владимир Емельянович – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой этнологии и региональной истории Удмуртского государственного университета

Григорьева Людмила Яковлевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языка МарНИИЯЛИ

Иванов Иван Григорьевич – доктор филологических наук, профессор кафедры марийского языка МарГУ

Исанбаев Николай Исанбаевич – доктор филологических наук, профессор кафедры марийского языка МарГУ

Кульбаева Наталия Ивановна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературы МарНИИЯЛИ

Лаврентьев Гурий Иванович – доктор филологических наук, профессор МарГУ

Минниахметова Татьяна Гильниахметовна – кандидат исторических наук, зам. директора АНО «Институт стратегии развития региона»

Мустаев Елизар Николаевич – кандидат филологических наук, профессор кафедры общего и финно-угорского языкознания МарГУ

Мякеля Кирси – студентка кафедры социальной и культурной антропологии Хельсинского университета

Некрасова Галина Александровна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

Никитина Татьяна Багишевна – доктор исторических наук, зам. директора МарНИИЯЛИ

Ракин Анатолий Николаевич – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

Ракин Николай Анатольевич – аспирант Тартуского университета

Рогачёв Михаил Борисович – кандидат исторических наук, преподаватель Коми республиканского лицея при Сыктывкарском государственном университете

Садовин Игорь Геннадьевич – координатор общества М.А. Кастрена по Республике Марий Эл

Сергеев Олег Арсентьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и финно-угорского языкознания МарГУ

Сухин Владимир Иванович – кандидат исторических наук, ученый секретарь МарНИИЯЛИ

Федосеева Надежда Александровна – кандидат филологических наук, заведующая отделом литературы МарНИИЯЛИ

Хакимова Василя Харисовна – преподаватель высшей категории Удмуртского Республиканского социально-педагогического колледжа

Хорват Бела – доктор филологии, проректор Университета г. Печ, директор Института литературы Университета

Цыпанов Евгений Александрович – доктор филологических наук, профессор, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

Чикина Наталья Валерьевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора литературы ИЯЛИ КарНЦ РАН

Чуканов Иван Альбертович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения и международных отношений Ульяновского государственного университета

CONTENTS

ARTICLES

Burkov L.N., Kulbayeva N.I. Originality of poetic creative work of Ivan Kyrlya 3

Horvat B. Nationality and the present. Disputes in the Hungarian literature between two world wars 11

Isanbayev N.I. Russian lexical borrowings of the pre-October period in the Mari language and their thematic groups 20

Minniyahmetova T.G. Space and time: representations about recurrence 39

REPORTS

Chikina N.V. Creative work of young Finno-Ugric authors of Kareliya 46

Rogatchyov M.B. GULAG in Komi region (1929–1960) 52

Khakimova V.H. Gayaz Ishaki and Kedra Mitrey (the comparative analysis of products) 57

Kirsi Myakela. Sacred places of Kama Udmurts: ethnographic research in the village Bolshoi Kachak 63

PERSONS

Fedoseyeva N.A. To the anniversary of I.S. Ivanov 68

Grigoryeva L.JA. Some linguistic judgment of Professor N.I. Isanbayev (to the 80th anniversary) 71

Nekrasova G.A., Tsypanov E.A. Anniversary of professor E.A. Igushev 76

Vladykin V.E. Short fluent notes about an unhumorous big life (to the anniversary of L.S. Khristolubova) 80

Ivanov I.G. To A.N.Rakin's 60th anniversary 84

Sukhin V.I. A.A. Zenkin (to the 70th anniversary) 88

SURVEYS AND REVIEWS

Chukanov I.A. Rev.: Kornishina G.A Ecological view of Mordva (religious-ceremonial aspect). – Saransk: the Mordovian State University, 2008. – 156 pp. 91

Rakin N.A. Rev.:Vaszolyi Erik – Lazar Katalin. Sudar fenyo nott az erdon. Enekek Komifoldrol. Tinta konyvkiado. – Budapest, 2008. – 393 old. 93

Lavrentyev G.I. Rev.: Yangaykina T.I. System of semantic relations in vocabulary of the Moksha language. Thesis submitted for Degree of Candidate of Philology. – Saransk, 2008. – 180 pp. 97

Tsypanov E.A. Rev.: Tsyplyakova O. U. Structure and semantics of compound sentences in the erzya language. Thesis submitted for Degree of Candidate of Philology. – Saransk, 2008. – 191 pp. 103

Nikitina T.B., Molotova T.L. Rev.: Pavlova A.N. Structure and semantics of ornaments of the Mari suit. The monograph. – Yoshkar Ola: Mari State University, 2008. – 197 pp., ill. 107

Sergeyev O.A. Rev.: Mukhina E. N. Word order in a simple sentence in Erzya and Finnish languages. Thesis submitted for Degree of Candidate of Philology. – Saransk, 2008. – 156 pp. 118

CHRONICLE

Vershinin V.I. A seminar of lexicographers in Tallinn 124

Sadovin I.G. Finno-Ugric calendar of 2008 126

Rakin A.N. To the memory of Hungarian professor Karoja Redei 137

Mustaev E.N. To the memory of Gennadiy Matveevich Tuzharov 140

Information about the authors 142

«Финно-угроведение», 2009, № 1

Научный журнал
Основан в феврале 1994 года

Свидетельство о регистрации ПИ № 77–5360
Выдано Министерством Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

Адрес редакции: 424036, г. Йошкар-Ола,
ул. Красноармейская, 44
Телефон: 64-19-28, 45-39-94
т. факс (8362) 45-14-73
E-mail: mamii@mari-el.ru

Редактор *Н.И. Сараева*
Компьютерная верстка *З.Г. Воронцовой*
Обложка художника *Ю.П. Клюкина*
Английский текст *Э.И. Пекшеевой*

Подписано в печать 22.06.2009. Формат 70×100/16.
Усл.п.л. 11, 61. Тираж 300 экз. Заказ № . 1897
Цена свободная

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Виста-Принт»
г. Йошкар-Ола, ул. Пушкина, д. 30, офис 6